

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ПѢСНИ
О ДѢВУШКѢ-ВОИНѢ
И БЫЛИНЫ
О СТАВРѢ ГОДИНОВИЧѢ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ РАЗВИТІЯ СЛАВЯНО-РУССКАГО ЭПОСА

И. САЗОНОВИЧА.

ВАРШАВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ МИХАИЛА ЗЕМЛЕКВИЧА,
Краковское-Предмѣстье, N 415 (17).

—
1886.

27222.104

Hand filed

Оттисекъ изъ „Рус. Фил. Вѣстника“ 1885—86.

Дозволено Цензурою.
Варшава, 28 Ноября 1886 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе—(v—viii).

Глава I. **Литература вопроса.** Взгляд итальянскаго ученаго, Константина Нигры, на взаимную зависимость варіантовъ о дѣвушкѣ-воинѣ. Мнѣніе А. Вольфа о германскомъ влияніи на поэзію Тироля и сѣв. Италіи. Работы Ор. Э. Миллера и В. Стасова по изученію былинъ о Ставрѣ. Теорія Антоновича и Драгоманова о поляницѣ-воинственной. Общая задача изслѣдованія — (1—5).

II. **Женщина-воинъ.** Группа пѣсень сербско-болгарскихъ и ново-греческихъ. Бытовые явленія даютъ содержаніе для пѣсень о дѣвушкѣ-воинѣ. Женщина часто является въ роли гайдука или клефты. Славянское влияние на составъ ново-греческой народности сказалось и въ пѣсенной поэзіи Грековъ — (6—38).

III. **Сестра освобождаетъ брата, жена — мужа.** Пѣсни такого содержанія возникли на почвѣ быта южнаго славянства. Варіанты сербско-хорватскіе и болгарскіе. Связь ихъ съ бытомъ съ одной стороны и съ русскимъ эпосомъ съ другой — (39—57).

IV. **Дѣвушка вмѣсто отца или брата идетъ на войну.** Свидѣтельство Медаковича о такомъ бытовомъ фактѣ. Подобныя несложныя пѣсни могли возникнуть одновременно и независимо у разныхъ народовъ. Подходящая пѣснь латышская и китайская — (58—64).

V. **Источники испытанія пола и половой метаморфозы.** Славянскія пѣсни о воинственной женщинѣ, освобождающей изъ заключенія брата или мужа, осложняются литературнымъ мотивомъ объ испытаніи пола. Древне-критскій обрядъ *Εἰκόβια* не имѣетъ съ нимъ никакой связи. Ближайшимъ источникомъ его могли бы быть метаморфозы Овидія, послужившія образцомъ для средневѣковыхъ французскихъ и итальянскихъ рассказовъ подходящаго содержанія, хотя можно думать, что онъ развился и самостоятельно — (65—74).

VI. **Славянскія пѣсни.** а) Варіанты сербскіе представляются самымъ совершеннымъ типомъ пѣсень, соединившихъ въ себѣ элементы восточно-славянскій и западно-романскій. б) Варіанты хорватскіе сближаются съ такими же пѣснями итальянскими. в) Варіанты болгарскіе гораздо прозаичнѣе сербскихъ и, несомнѣнно, произошли отъ послѣднихъ. г) Варіанты чешско-словенскіе и русскіе — блѣднѣе южно-славянскихъ. Колядки малорусскія можно считать послѣднимъ отзвукомъ сюжета о дѣвушкѣ-воинѣ, проникшимъ на востокъ — (74—92).

VII. Пѣсни романскія. а) **Варианты итальянскіе** заимствованы изъ славянскихъ источниковъ. Нѣкоторыми чертами они сближаются съ дубровницкой пѣсней, сохранившейся въ рукописи XVIII в. Мотивъ нашъ переходитъ въ сказочную поэзію сицилійскую и сохранился въ Пентамеронѣ изъ XVII ст., а также попалъ въ новеллы итальянскія, гдѣ связывается съ другими сказочными сюжетами. б) **Варианты испанско-португальскіе** упоминаются отъ XVI ст. Различія ихъ такъ незначительны, что не можетъ быть сомнѣнія относительно единства ихъ источника. Въ Португалию и на Азорскіе острова мотивъ этотъ, вѣроятно, попалъ изъ Сициліи, куда занесенъ Албанцами, усвоившими его отъ Славянъ. Бытовые явленія испанской жизни не оказали на него вліянія — (93—125).

VIII. Спорадическія отраженія разсказа о дѣвушкѣ-воинѣ. Бытовые явленія французскаго народа вызвали поэтическія произведенія, приближающіяся содержаніемъ къ южно-славянскимъ. Странствующій сюжетъ о дѣвушкѣ-воинѣ не отразился во французской поэзіи, хотя почва для его пріема и была подготовлена. У Нѣмцевъ онъ едва сказался въ одной сказкѣ. Къ Грекамъ и Албанцамъ попалъ отъ южныхъ Славянъ, къ Румынамъ занесенъ отъ Сербовъ, при чемъ въ сказкахъ послѣднихъ трехъ народовъ онъ сильно осложненъ посторонними элементами. Сюжетъ нашъ слабо проявился у Литовцевъ и сильно затемненъ въ разсказахъ Киргизовъ и алтайскихъ Татаръ, куда попалъ, несомнѣнно, отъ Русскихъ при посредствѣ такихъ сказокъ, какъ записанныя Худяковымъ и Аеанасьевымъ — (126—154).

IX. Былины о Ставрѣ Годиновичѣ. Необходимо допустить независимое возникновеніе у разныхъ народовъ простѣйшихъ сюжетовъ, притягивающихъ затѣмъ къ себѣ чужеземные мотивы. Типъ поляницы воинственной послужилъ почвой, на которой прикрѣплены были занесенныя отъ южныхъ Славянъ разсказы о дѣвушкѣ-воинѣ. Поляница — явленіе чисто-русской жизни: это подтверждается современнымъ бытомъ и историческими свидѣтельствами. Новгородской пѣсенной поэзіей уже были даны первыя основы возникшей впоследствии былины. Подобно тому какъ и у другихъ народовъ въ древней Руси женщина пользовалась бѣльемъ, чѣмъ въ средніе вѣка, свободой и участвовала въ военныхъ предпріятіяхъ. Объ этомъ, по всей вѣроятности, существовали въ народѣ сказанія. Въ основу ихъ легли историческія пѣсни, подобно тому какъ въ разсказахъ про Бѣлую-княгиню у Словаковъ. Такой же процессъ долженъ былъ совершиться и при созданіи былины про Ставра. Въ Новгородѣ, несомнѣнно, существовало преданіе о Ставрѣ-сотскомъ. Оно впоследствии слилось съ зашедшимъ отъ южныхъ Славянъ странствующимъ мотивомъ о дѣвушкѣ-воинѣ, растворилось въ немъ, при чемъ удержалось лишь имя героя мѣстнаго русскаго сказанія. Такъ возникли былины о Ставрѣ — (155—172).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Огромное накопленіе матеріаловъ по безыскусственному творчеству всѣхъ европейскихъ народовъ побудило, наконецъ, ученыхъ приняться за систематизацію его и приведеніе къ общимъ формуламъ продуктовъ прихотливой фантазіи народной, часто прибѣгавшей къ случайному сцѣпленію первичныхъ фабулъ въ устной передачѣ ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и отъ народа къ народу.

Большіе успѣхи, сдѣланные европейской и русской наукой по ознакомленію съ содержаніемъ средневѣковой литературы, отыскиваютъ новые источники для многихъ такъ называемыхъ народныхъ произведеній, возникшихъ путемъ передачи литературныхъ сюжетовъ въ народную массу. Нѣтъ сомнѣнія, что значительная часть тѣхъ поэтическихъ произведеній, въ которыхъ прежніе изслѣдователи видѣли пріавленіе народной индивидуальности, окажется ничѣмъ инымъ, какъ принаровленіемъ къ мѣстнымъ понятіямъ заимствованнаго то литературнымъ, то устнымъ путемъ чужаго сюжета.

Однако, какъ бы ни были широки размѣры международнаго литературнаго общенія, все таки остается еще многое на долю самостоятельнаго народнаго творчества, отразившаго въ себѣ самобытный складъ психики того народа, который его проявилъ.

Только при посредствѣ такого индивидуальнаго различія въ складѣ понятій и воззрѣній каждаго народа можно удовлетворительно объяснить тѣ особенности, какія наблюдаются въ поэтическихъ произведеніяхъ одинаковаго содер-

жанія, но принадлежащихъ разнымъ народамъ. Такъ эпическія поэмы — пѣснь о Нибелунгахъ, пѣснь о Роландѣ, поэма о Дигенѣ Акритѣ и Слово о Полеу Игоревѣ — настолько разнятся между собою, насколько различны народности, ихъ создавшія, хотя всѣ эти литературные памятники возникли приблизительно при той же степени культурнаго развитія каждой среды и вызваны были, пожалуй, одинаковыми внѣшними условіями.

Тоже самое слѣдуетъ имѣть въ виду и по отношенію къ чисто народнымъ памятникамъ. Нѣтъ народа безъ поэзіи, какъ нѣтъ народа безъ языка. Внѣшнія условія существованія накладываютъ рѣзкую печать на народное творчество, но очень часто они оказываются весьма сходными у разныхъ народовъ; отсюда происходитъ то поразительное совпаденіе, какое часто наблюдается у весьма отдаленныхъ племенныхъ группъ.

Съ другой стороны, единство источниковъ культуры опредѣляетъ собою однообразіе въ складѣ жизни и понятійхъ, по крайней мѣрѣ, европейскихъ народовъ. Этого обстоятельства нельзя терять изъ виду при анализѣ безыскусственной поэзіи, но также и увлекаться имъ черезъ мѣру не слѣдуетъ: народная жизнь складывается изъ взаимодѣйствія внутреннихъ и внѣшнихъ двигателей.

Поэтому мнѣ кажутся основательными усилія тѣхъ ученыхъ, которые въ устныхъ народныхъ произведеніяхъ искали и отыскиваютъ выраженіе народной индивидуальности. Но также вполне законны стремленія и тѣхъ, которые, обнимая широкій кругозоръ литературныхъ явленій, пытались и пытаются указать совпаденія словесныхъ памятниковъ, принадлежащихъ разнымъ періодамъ и разнымъ народамъ.

Истина, какъ всегда, посрединѣ. Не увлекаться ни въ ту, ни въ другую сторону было моимъ желаніемъ. Выбравъ послѣ долгаго блужданія въ необъятномъ морѣ народнаго слова сюжетъ, показавшійся мнѣ доступнымъ для точнаго изслѣдованія, я принялся за трудъ, имѣя въ ви-

ду не только возстановить послѣдовательную исторію его развитія, но также затронуть нѣкоторые общіе вопросы, касающіеся сущности безыскусственной поэзіи.

Задача оказалась вовсе нелегкой. Пришлось прослѣдить сюжетъ у всѣхъ европейскихъ народовъ, для чего понадобилось изучить мѣстные языки, усвоить точку зрѣнія научной разработки народной словесности и познакомиться съ содержаніемъ ея у германскихъ, романскихъ и славянскихъ народовъ.

Сопоставляя и анализируя собранные варианты, я не могъ игнорировать бытовыхъ явленій. Единственно они могли указать первичную почву, отъ которой пошло развитіе сюжета и дать возможность связать словесныя произведенія съ жизнью.

При изученіи сюжета, мнѣ казалось недостаточнымъ отмѣтить лишь совпаденія: по мѣрѣ силъ я стремился опредѣлить тотъ путь, каковымъ шло пѣсенное произведеніе, передаваясь отъ народа къ народу. Мнѣ думается, что, разрабатывая народную поэзію по мотивамъ, съуживая вопросъ изслѣдованія и соотвѣтственно проводя анализъ въ глубь, можно придти къ болѣе или менѣе твердымъ частнымъ обобщеніямъ, а затѣмъ уже и къ широкимъ законамъ.

Насколько мнѣ удалось осуществить свой планъ и оправдать свою точку зрѣнія, предоставляю судить научной критикѣ. Самому же мнѣ остается утѣшать себя надеждой, что

Citius emergit veritas ex errore quam ex confusione.

Заключивъ свой трудъ и осматриваясь на тяжелый и долгій путь научной подготовки, я не могу безъ особой сердечной признательности помянуть имена тѣхъ гг. профессоровъ, которымъ всецѣло обязанъ своимъ научнымъ развитіемъ:

Искреннее спасибо Ор. Ө. Миллеру, М. И. Сухоминову, В. И. Ламанскому, А. Н. Веселовскому и В. Ягичу.

Кромѣ того считаю себя обязаннымъ поблагодарить за содѣйствіе проф. Лейпцигскаго Университета А. Лески-

на и д-ра Вольнера, кustosа Чешскаго Национальнаго Музея А. О. Патеру и почтеннаго и многозаслуженнаго И. Кукульевича-Саввинскаго, бывшаго Великаго Жупана хорватскаго, за его любезное предоставленіе въ мое распоряженіе своей богатой библіотеки. Не могу забыть также того вниманія со стороны Преосвященнаго Анатолія, Епископа Подольскаго и Балтскаго, благодаря которому мои занятія въ Афинахъ были особенно плодотворны.

П Ъ С Н И
О Д Ъ В У Ш К Ъ В О И Н Ъ
И Б Ы Л И Н Ы
О СТАВРЪ ГОДИНОВИЧЪ.

I.

Литература вопроса.

Пѣсни о дѣвущѣхъ воинѣхъ въ первый разъ обратили на себя вниманіе итальянскаго изслѣдователя, Константина Нигры. Онъ первый замѣтилъ слѣды этихъ пѣсенъ на всемъ пространствѣ южной Европы, отъ Португаліи до Россіи включительно. Издавая нѣсколько добытыхъ имъ вариантовъ, онъ снабдилъ ихъ краткимъ введеніемъ, въ которомъ, обобщая свои наблюденія, старается установить между пѣснями генетическую связь. Сущность его выводовъ заключается въ слѣдующихъ строкахъ ¹⁾.

„Trovai tracce di questo canto in Italia, Spagna, Portogallo, Serbia, Russia e Grecia. Quali di questi paesi può rivendicarne la creazione? Qualunque ne sia l'origine, io penso che non altrimenti che dalla Provenza venne trasmesso alle due penisole italica ed iberica, passando poi colle prime crociate in Grecia e ne' paesi slavi. La redazione primitiva sarebbe quindi, secondo quest' ipotesi, anteriore alla fine del duodecimo secolo; la quale antichità è d'altronde pienamente confermata dall' indole cavalleresca dell' intera composizione“. Итакъ, найдя слѣды тойже пѣсни въ Италіи, Испаніи, Португаліи, Сербіи, Россіи и Греціи, Конст. Нигра предположилъ, что первоначальной родиной ея былъ югъ Франціи, Провансъ. Отсюда она перешла на Пиренейскій и Аппенинскій полуостровъ, за тѣмъ съ первыми крестовыми походами пере-

¹⁾ Canzoni popolari del Piemonte, raccolte da Constantino Nigra. Estratto dalla Rivista Contemporanea. XI. 1858. Torino. Fasc. III. p. 90. „Guerriera“. Отдѣльный оттискъ изъ Rivista въ Вѣнской библиотекѣ.

дана была въ Грецію и Славянскія земли. На чемъ основано такое предположеніе Нигры, трудно сказать? Во всякомъ случаѣ оно не вытекаетъ изъ анализа собранныхъ имъ вариантовъ. Построивъ первую гипотезу, будто бы пѣсня изъ Прованса занесена на востокъ, авторъ согласно ей считаетъ конецъ XII ст. временемъ возникновенія первичной редакціи и доказательство такой древности усматриваетъ въ романтическомъ характерѣ всей композиціи ея.

Интересно отмѣтить, что какой то собиратель народныхъ пѣсень, Доменикъ Буффа (Domenico Buffa), снабдилъ попавшійся ему отрывокъ интересующей насъ пѣсни слѣдующимъ примѣчаніемъ: „La seguente canzone rassomiglia non poco ad una illirica. Ma più lunga è l'illirica e in molte parti diversa, e più bella assai. E tanta la rassomiglianza tra la nostra e la canzone illirica, che non può credersi causale, e quella anzi è visibilmente nata da questa“. Нигра пользовался рукописнымъ сборникомъ Буффы, но не принялъ его мнѣнія, будто бы итальянская пѣсня произошла отъ сербской. Напротивъ того, онъ отстаиваетъ свое мнѣніе, что пѣсня возникла въ романской землѣ. „Io pero non dubito“, говоритъ онъ, „che se egli (Buffa) avesse avuto sotto gli occhi le lezioni complete di Piemonte e di Portogallo, e ne avesse fatto soggetto di comparazione colla lezione serba, certo più lungae più artificiosa, me per ciò appunto meno popolare, non sarebbe stato lontano dal convenire con me“... Въ этомъ мѣстѣ Нигра сослался на извѣстный принципъ, которымъ пользуются ученые при разборѣ народныхъ пѣсень: чѣмъ короче народная пѣсня, тѣмъ смѣлѣе можно заключать объ ея древности.

Вотъ это всѣ результаты, къ которымъ пришелъ Нигра въ своемъ разборѣ собранныхъ имъ вариантовъ. Изъ такихъ пѣсень у него было двѣнадцать итальянскихъ и весьма незначительное количество чужеземныхъ, и при томъ по большей части мало интересныхъ отрывковъ. При такомъ матеріалѣ нѣтъ возможности установить какой либо твердый выводъ. Однако весьма замѣчательно, что при подавляющемъ количествѣ итальянскихъ пѣсень Нигра высказался за чужеземное происхожденіе оригинала. Къ разбору его теоріи мы еще возвратимся послѣ, а теперь посмотримъ, какъ совершалось накопленіе матеріала для сравненія вариантовъ этихъ пѣсень и что сдѣлано по установленію ихъ генетической зависимости.

Португальскій вариантъ, извѣстный Нигрѣ, заимствованъ имъ изъ превосходной работы Фердинанда Вольфа „*Proben portugiesischer und catalonischer Volksromanen*“ ¹⁾. Собранныя здѣсь

¹⁾ Sitzungsberichte K. A. XX, 1. 1856. Wien.

пѣсни снабжены подробнымъ литературно-историческимъ введеніемъ, характеризующимъ народную поэзію въ Португаліи и Каталоніи.

Бъ пѣснѣ, напечатанной у Ф. Вольфа, сдѣлалъ свои примѣчанія пользующійся въ наше время славой первостепеннаго знатока народной поэзіи Рейнгольдъ Келеръ ¹⁾. Онъ указалъ на двѣ параллели: на славянскую пѣсню изъ Крайны, переведенную у Анастасія Грюна ²⁾ и на валашскую сказку у Шотта ³⁾. Въ томъ же самомъ номерѣ того же журнала самъ Ф. Вольфъ обратилъ вниманіе на трудъ Нигры и на восточный вариантъ, переведенный Станисл. Жюльеномъ съ китайскаго языка. Нѣсколько лѣтъ спустя Беллерманъ опубликовалъ ⁴⁾ вариантъ испанско-португальскій, и въ томъ же году Адольфъ Вольфъ напечаталъ собранныя Георгомъ Видтеромъ пѣсни изъ Венеціанской области ⁵⁾. Одна изъ нихъ принадлежитъ къ числу разбираемыхъ пѣсень и записана отъ крестьянокъ изъ Кастагньеро (Castagnero). О народѣ, населяющемъ этотъ край, издатель, бывшій профессоромъ австрійской исторіи, говоритъ слѣдующее: „Nur wer hier mit dem Volke und in dem Volke gelebt hat, wird seine Eigenart erkenne. Es rollt in seinen Adern viel deutsches Blut. In den Dörfern an den Tiroler Bergen findet man blondköpfige, blauäugige Jungen wie an der Donau und am Rhein. Die Namen Almerich, Brunhild, Gotthard, Wittekind werden noch in die Taufbücher eingetragen. Bis in's XVI Jahrhundert waren hier deutsche Pfarrer, deutsche Richter aus Meissen, Schlesien und Wien zu treffen. In Sleit (Schio), in Arzing (Arzignano), in den Vallis, welche nach Belluno und Feltre hereinleiten, waren Edelleute deutschen Namens und deutschen Stammes ansässig“. При изученіи странствующихъ мотивовъ народной поэзіи весьма важно знать, гдѣ происходило смѣшеніе расъ, сильно способствовавшее устной передачѣ разныхъ преданій отъ одного народа къ другому. Въ послѣдствіи мы увидимъ, что сѣверъ Италіи, кажется, и послужилъ этапнымъ путемъ для нашей пѣсни. Въ примѣчаніи къ венеціанской пѣснѣ А. Вольфъ указалъ на двѣ сходныя новогреческія въ сборникѣ Кинда ⁶⁾.

¹⁾ Jahrbuch f. Romanische u. Englische Litt. III. 1861.

²⁾ Anastasius Grün, Lieder aus der Fremde, 76. Hannover 1857.

³⁾ Schott, Walachische Märchen, стр. 175. 1845.

⁴⁾ Bellermann, Portugiesische Volkslieder u. Romanzen, N 9, стр. 64—74. Leipzig 1864.

⁵⁾ Volkslieder aus Venetien. Sitzungsberichte K. A. (257 — 381.) 1864. W.

⁶⁾ Th. Kind: а) Μνημόσυνον. Neugriechische Volkslieder. 1849. б) Antologie neugriechischer Volkslieder. 1861.

Профессоръ Ор. Ө. Миллеръ отмѣтилъ нѣсколько славянскихъ пѣсенъ, сходныхъ съ былинами о Ставрѣ Годиновичѣ ¹⁾. Одна черноморская, одна сербская и двѣ болгар. пѣсни въ первый разъ здѣсь привлечены къ сравненію, между тѣмъ какъ сказками нѣмецкими изъ сборника Я. Гримма ²⁾, новогреческими и албанскими изъ сборника Гана ³⁾, пѣснями алтайскихъ Татаръ изъ сборника Радлова ⁴⁾ пользовался уже г. Стасовъ ⁵⁾. Указавъ еще на нѣсколько подходящихъ мотивовъ восточной поэзіи, г. Стасовъ очень смѣло построилъ свою теорію происхожденія былинъ русскихъ съ востока; проф. Ор. Ө. Миллеръ, напротивъ того, съ большою осторожностью остановился лишь на различіи отдѣльныхъ пересказовъ и съ полною основательностью не рѣшился установить генетической связи этого крайне сложнаго матеріала. Съ мнѣніями обоихъ ученыхъ мы будемъ еще имѣть дѣло нѣсколько ниже.

Самый богатый сравнительный матеріалъ для изученія нашего мотива представленъ былъ въ превосходномъ сборникѣ гг. Антоновича и Драгоманова ⁶⁾. Ученые объяснители этихъ пѣсенъ сдѣлали большой шагъ впередъ, указавъ на сходные мотивы малорусскіе, бѣлорусскіе, моравскіе, чешскіе и одинъ латышскій ⁷⁾; но для разъясненія внутренней зависимости собранныхъ вариантовъ ими не привнесено ничего новаго. Одно лишь замѣчаніе, по нашему мнѣнію, крайне мѣтко и интересно: образъ „поляницы женщины великой“, встрѣчаемый въ великорусскихъ былинахъ, кажется имъ стоящимъ совершенно особнякомъ; онъ не подходитъ подъ тотъ культурный періодъ, когда сложились пѣсни о дѣвушкѣ воинѣ, хотя, несомнѣнно, образъ послѣдней оказалъ свое воздѣйствіе на характеръ композиціи былинъ о Ставрѣ Годиновичѣ.

Въ этой, какъ бы случайно высказанной мысли, мы усматриваемъ глубокое пониманіе сущности народной традиціи со стороны издателей и объяснителей южно-русскихъ пѣсенъ.

На сколько намъ извѣстно, это все, что сдѣлано въ европейской литературѣ по изученію странствующаго мотива о „дѣвушкѣ

¹⁾ Илья Муромецъ и богат. кiev. СПб. 1869. Стр. 635—646.

²⁾ Grimm, Kinder u. Hausmärchen. 1850.

³⁾ Hahn, Griechische und albanesische Märchen. 1864.

⁴⁾ Radloff, Proben der Volksliteratur der Türkischen Stämme Süd-Siberiens (I, II. 12—23).

⁵⁾ Стасовъ, О происхожденіи русскихъ былинъ. В. Евр. (688—696) II. 1869.

⁶⁾ Историческія пѣсни малорусскаго народа. Т. I. Стр. 314—327. Кіевъ 1874.

⁷⁾ Ив. Спрогисъ, Памятники латышскаго народнаго творчества, стр. 273. Вильна 1868.

воинѣ“, если не считать разбросанныхъ по отдѣльнымъ изданіямъ пѣсеннаго творчества указаній на параллельныя произведенія ¹⁾).

Матеріалъ, извѣстный прежнимъ изслѣдователямъ, намъ удалось пополнить довольно значительнымъ количествомъ новыхъ вариантовъ, заимствованныхъ частью изъ старыхъ изданій, частью же изъ позже появившихся сборниковъ народной поэзіи. Накопленіе элементовъ для сравненія въ настоящее время такъ велико, что намъ кажется возможнымъ сдѣлать попытку внутренняго анализа литературной традиціи, создавшей почти у всѣхъ народовъ Европы и отчасти Азіи цѣлый рядъ словесныхъ произведеній, болѣе или менѣе связанныхъ съ культурнымъ строемъ каждаго народа въ отдѣльности. Преимущественное вниманіе мы обратимъ на произведенія европейскихъ народовъ и укажемъ лишь на извѣстныя намъ отголоски въ литературахъ восточныхъ. Изучая пѣсенный мотивъ, мы съ особенною старательностью будемъ присматриваться къ той бытовой основѣ, на которой возникъ тотъ или другой поэтический образъ; будемъ слѣдить за тѣми измѣненіями, какія происходили въ композиціи несомнѣнно перенесеннаго произведенія подъ вліяніемъ чуждой обстановки. Такимъ образомъ можно будетъ отдѣлить въ содержаніи каждой пѣсенной группы съ одной стороны черты, свойственныя извѣстной мѣстности и съ другой — элементы, болѣе устойчивые, передаваемые вмѣстѣ съ литературной традиціей отъ одного народа къ другому. Такія два теченія въ устной словесности всѣхъ народовъ несомнѣнно существуютъ — мѣстное и чужеземное. Въ своей работѣ мы будемъ стараться удерживать равновѣсіе между этими двумя противоположными направленіями, не упуская изъ виду указаній бытовыхъ, историческихъ и литературныхъ.

¹⁾ Jérôme Bujeaud, *Chants et chansons populaires de provinces de l'Ouest*. 1866: I. (290—292); II. (84—90). Puymaigre, *Chants populaires recueillis dans le pays Messin*. 1865 (20—26).

II.

Женщина-воинъ.

Группа пѣсенъ сербско-болгарскихъ
и ново-греческихъ.

Пѣсни и сказки, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ является *воинственная женщина*, началомъ своимъ коренятся въ отдаленной старинѣ, въ томъ періодѣ культурной жизни, когда дѣйствительность, подавшая поводъ къ составленію такой пѣсни или разсказа, стала уже замѣняться другимъ строемъ жизни вслѣдствіе возобладанія иныхъ принциповъ, иныхъ общественныхъ отношеній.

Явленія жизни, сперва не привлекавшія къ себѣ общественнаго вниманія въ силу своей обычности, теперь становятся замѣтными; повторяясь все рѣже и одиночнѣе, они останавливаютъ на себѣ мысль людей, привыкшихъ уже къ другому порядку вещей; они глубже поражаютъ воображеніе и даютъ превосходный матеріалъ для пѣсни или разсказа.

Пѣсня, при началѣ своего возникновенія несложная по содержанию, простая по замыслу, могла явиться у разныхъ народовъ одновременно при одинаковыхъ бытовыхъ условіяхъ, соотвѣтствуя, или даже совпадая одна съ другой своей основой, своимъ содержаніемъ, разнясь только подробностями. Сказка чередуется съ пѣсней въ дальнѣйшемъ ея развитіи и часто одна питаетъ другую.

При поступательной, словесной или литературной, искусственной или безыскусственной обработкѣ основнаго мотива появляется различіе въ развитіи типа или сюжета, затемняемаго очень часто сплетеніемъ разныхъ фабулъ, заимствованныхъ нерѣдко путемъ литературнаго общенія народовъ, которое надо допустить даже для самыхъ отдаленныхъ періодовъ международныхъ сношеній.

Разсматривая собранный матеріалъ и разлагая его по содержанию на отдѣльные мотивы, мы принимаемъ за основу разсказа, за ядро каждой пѣсни о дѣвушкѣ-воинѣ самый фактъ, что *дѣвушка идетъ на войну*. Это бытовое явленіе послужить для насъ

исходнымъ пунктомъ при анализѣ составныхъ элементовъ собранныхъ пѣсень и сказокъ.

Медаковичъ ¹⁾, описывая жизнь и обычаи Черногорцевъ, между прочимъ, пишетъ о такомъ случаѣ: „У Ровцима има една ѣвойка, која е остала без браће, те се зарекла да ће остати у ѣвоячкој чистоти и бити жѣсто сина својој оцу, бити замѣна у витежској невољи и на юначкомъ мекдану. Она носи и данас мушко одѣло, паше оружѣ, а носи велю пушку о рамену. Ову сам, момак ѣвойку, виѣао 1855 год у Дубокомъ. Има мушко лице и доста озбиљности. Она пуши дувац и иде свуда са люда, па и у бой. Ништа код нѣ не необычно, што личи осталимъ горштаку. Као необычно учинило ми си, кад јој едан замска дувана: „дай ми, Милице, тоболац да напуни“. Тад е могла имати око 35 година. Сва дружина држи нју исто као и осталогъ чоєка. Нѣна е душевна намѣра, прави завѣт, коєг она обдржава као свѣтињу; а тај завѣт пазн и остали люди и неће га нипошто повриѣдити“. Фактъ этотъ, по нашему мнѣнію, весьма важенъ для установленія точки зрѣнія на нѣкоторые пѣсни сербскія, болгарскія и ново-греческія. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ не единственный въ своемъ родѣ. Такія или подобныя явленія должны были повторяться въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ бурной, боевой жизни южнаго славянства. Смѣняясь одно другимъ на извѣстномъ промежуткѣ времени, такія событія подогрѣвали народное воображеніе и давали пищу творческой фантазіи пѣвцовъ, не успѣвавшихъ забыть уже разъ сложившихся по какому либо подобному случаю пѣсень, передававшихся изъ устъ въ уста въ строго опредѣленныхъ эпическихъ формахъ.

О другомъ, еще болѣе характерномъ случаѣ сообщаетъ Д Миладиновъ ²⁾. Героиня пѣсни, записанной имъ въ селѣ „Горе изъ Долно-Дебрскаго округа“, называлась Сирмой. О ней онъ говоритъ слѣдующее: „Сирма сѣ роди во Дебарско село Тресанче. Девойка бидвеешемъ *подѣ мжишко облекло обходи какъ войвода планини-те* Бабинѣ-трапѣ, Стогово, Барбура, Карчинѣ. *Можци те, кои тая водеше, ѣж узнаха као девойка, кога ѣ сѣ скинаха петлицы-те отъ грѣди-те.* Тая на еденѣ денѣ истѣрга растојаніе отъ осумнадесетъ часа. Тая сѣ мжи на еденѣ Меагѣ Вѣлгаринѣ отъ Крушево. Неј осумдесетъ годишина видохме во При-

¹⁾ Медаковичъ, Живот и обычаи Черногораца. 1860 у Новомъ саду. Стр. 23, прим.

²⁾ Бѣлгарски народни пѣсни Загребъ, 1861. Стр. 328, прим. къ пѣснѣ N 212 „Сирма войводка“.

лепъ, и отъ уста-та пейдзица чухме за младост-та ѣ. Въ одая-та ѣ подъ перница джржеше кубри-те полни, и сабы, обесени на дзизд-отъ, висека натъ неа“.

На почвъ такой дѣйствительной, реальной жизни должно было по необходимости возникнуть значительное количество пѣсенъ, вновь создаваемыхъ, или же приспособляемыхъ лишь къ отдѣльному новому случаю. Тамъ, гдѣ находится въ наличности готовый эпическій матеріалъ въ видѣ извѣстныхъ всему народу формулъ и приемовъ рѣчи, какъ это можно наблюдать у Сербовъ и Болгаръ, тамъ каждое необычайное происшествіе дѣлается предметомъ особой пѣсни.

Братья Миладиновы (стр. 504, N 639) записали коротенькую пѣсню, распѣваемую жницами.

„Кжде съ чуло видело, *Бъли елици петлицы,*
Санджакъ девойка да би- Санджакъ девойка да бидитъ
дитъ, Со сто ѣ педесетъ санджапи!“

Калци со копци да носитъ,

Народное воображеніе поражено тѣмъ, что дѣвушка стала во главѣ цѣлаго округа и облеклась въ мужское платье. Фактъ воспріимается съ реальными подробностями и эпической простотой.

У Ристича ¹⁾ находимъ тоже не сложную пѣсенку о томъ, что

„Чадор пене беже Јован-беже,
У Бијеску на читлуку своѣ,
И он купи под барјак јунаке,
Барјактар му лијена дјевојка“.

Слуги Јована-бега оскорблены тѣмъ, что почетное званіе знаменосца досталось дѣвушкѣ, они просятъ удалить ее:

„Ја оћерај свога барјактара,
Ја ћемо те слуге оставити!“

Имъ отвѣчаетъ бегъ:

„А бора ми, моје вјерне слуге,
Док је пара, биће измећара,
А дјевојке никад барјактара!...

За деньги можно имѣть слугъ вдоволь, но найти дѣвушку-знаменосца трудно.

Точно такую же пѣсню приводятъ и Вукъ ²⁾:

„Бад Али-бег нови бег бијаше,
Ћевојка му барјак носијаше;

¹⁾ Косте Х. Ристића, Српске народне пјесме. Покушлено по Босни. 1873. Беогр. Стр. 50, N 36.

²⁾ Вукъ Караджичъ, Српске народне пјесме. I, Женскія пѣсни, стр. 420, N 583.

Дану носи зелена барјака,
Ноћу спава с бегом у душеку.

На просьбу своей дружины удалить дѣвушку-знаменосца, бег отвѣ-
чаетъ:

„Дуга Босна, мене слугу доста,
Барјактара нема до Мостара“.

Слѣдовательно, не всякій способенъ былъ нести и защищать
въ бою знамя, съ которымъ всегда связывалась честь боевой четы:
для этого нужны были люди выдающейся силы и отвага.

Затѣмъ у Ристича (стр. 120, N 6) помѣщена пѣсня „*Ми-
лица дјевојка хајдукује*“, нѣсколько болѣе развитая въ томъ
смыслѣ, что Милица, взятая въ плѣнъ Турками, послѣ геройской
самозащиты выдаетъ свой полъ, раскрывая платье на груди
предъ собравшимися посмотрѣть на плѣнницу турецкими женщина-
ми. Пѣснь начинается такъ:

„Мили Боже чуда големога,
Ѣе одбјеже у гору зелену,
У хајдуке Милица дјевојка.
Па облачи зелену доламу,
А на главу калпак и челенку.
Мало вр'јеме, за дуго не било,
Сакупила да *тридесет* хајдука,
Све јунака, болег од болега.
Хајдук била тридесет година
И посјекла до *тридесет* глава.

Въ этой пѣснѣ событіе облечено въ чисто эпическія формы
народной поэзіи, унаслѣдованныя отъ временъ прошедшихъ. Самое
пронисшествіе при этомъ можетъ быть весьма близкимъ къ намъ.

Турецкіе аги и спахи, такъ поется дальше, вышли противъ
гайдуковъ и окружили Милицу. Товарищи ея уже раньше погибли,
она одна отчаянно защищалась, но противъ тридцати Турокъ ниче-
го не могла сдѣлать; ее схватили и повели къ городу Травнику.

„Бад су били у близу Травника
Ал' се малом замагнѣо Травник:
Јер изашло мало и велико,
И изашле буле и хануме“.

И говорили:

„Ој хајдуче, да те Бог убије,
Зар имаде на св'јету јунака
Да с' не боји нашијех Турака?“

Милица на это отвѣчаетъ:

„Ја нијесам турска кукавица,
Већ сам јунак млада Српкињѣца!“

„Den Stein den warf sie verre, dar noch si wite spranc..“ ¹⁾

Удобнѣ всего смотрѣть на подобныя бытовые совпаденія какъ на результатъ единства законовъ, заправляющихъ общественнымъ развитіемъ. Врядъ ли можно говорить о заимствованіи такихъ подробностей между столь отдаленными эпосами, какъ германскій и южно-славянскій.

Дѣвушка-гайдукъ — типъ излюбленный сербо-болгарской поэзіи. Вѣковая борьба съ грознымъ врагомъ по необходимости поддерживала въ юго-славянской женщинѣ рѣшительность и отвагу, связанная съ необычайной выносливостью.

Вукъ (I, стр. 483, N 656) отмѣтилъ пѣсню: „Одметница Мара“.

„Одметну се одметница Мара
Преко Банје-луке у ајлуке,
Девет годин' арамбаша била;“

на десятый годъ ее схватили Турки и передали баньялукскому пашѣ. Тотъ приказалъ предать ее мучительной смерти, повѣсивъ на крюкъ (ченгел). Турецкія женщины, бросивъ не повитыхъ дѣтей и оставивъ приготовленное тѣсто, выбѣжали смотрѣть на казнь. Ви-ся на крюкѣ, Мара говорила къ нимъ:

„Шта гледате, буле Банјолучке?
Ако ј' Мара по гори ходила,
Није Мара копила родила,
Бако сте ви буле Банјолучке,
Те хитате у Врбас у воду“.

Смыслъ послѣднихъ стиховъ для насъ не вполне понятенъ: въ чемъ, именно, упрекаетъ Мара турецкихъ женщинъ? Но несомнѣнно, что сохраненіе дѣвственной чистоты со стороны дѣвушекъ, посвятавшихъ себя тягости военной жизни, было распространено и имѣло какое-то мистическое значеніе, пользовавшееся общимъ почетомъ. Объ этомъ мы имѣли уже свидѣтельство Медаковича.

Извѣстно, съ какимъ вниманіемъ отнеслась сербская и болгарская поэзія къ той возвышенно нравственной связи, какая существуетъ въ народѣ между братьями и сестрами. Ихъ взаимная любовь и преданность составляютъ свѣтлую и въ высшей степени симпатичную сторону народной психики. Этотъ психологическій критерій можетъ до извѣстной степени служить признакомъ принадлежности пѣсни той или другой народности. Конечно, пользоваться имъ приходится лишь съ крайней осторожностью. Основываясь на этой рѣзко бьющей въ глаза чертѣ народнаго характера Сербовъ, г. Вольнеръ не рѣшился, и, по нашему мнѣнію, вполне справедли-

¹⁾ Fr. Zarncke, Das Niebelungenlied. 1875. Стр. 329.

во, приписать греческому источнику рядъ южно-славянскихъ пѣсенъ, входящихъ въ кругъ сказаній о Ленорѣ ¹⁾).

Сестра сопровождаетъ брата и въ опасныхъ предпріятіяхъ гайдуковъ. Безсоновъ ²⁾ заимствовалъ изъ сборника Венелина пѣсню, записанную въ Видинскомъ округѣ. Въ ней братъ говоритъ сестрѣ:

„Сестро Бояно, Бояно! Да идемъ, сестро, да идемъ,
Много ти си мѣ слушала, На Врачанскѣ-тѣ клисурѣ;
И сега да мѣ послушаешь: Тежка ште хазна да мине“...

Хайде сестро, я хайде,

Сестра не можетъ слѣдовать на этотъ разъ за братомъ: недавно она вышла замужъ и теперь была тяжела:

„Та съмъ си тежка-дебела,
Мжжко штѣ дѣте да родѣ“.

Братъ замѣчаетъ на это, что предпріятіе будетъ продолжаться не долго: всего три дня и три мѣсяца. Сестра соглашается. Въ горахъ она говоритъ брату:

„Да сѣдишь, брайко, на задѣ: Сама ште хазнѣ узѣмѣ“.

Азе ште сама излѣзнѣ,

Тотъ такъ и сдѣлалъ. Бояна же, завидѣвъ караванъ, застрѣлила сперва казначея и съ саблей въ рукѣ устремилась на его отрядъ. Триста человекъ было убито. Казна досталась Боянѣ. Когда братъ ея и его дружина начали дѣлить богатство, у Бояны родился сынъ и тотчасъ проговорилъ:

„Богдане, уйчо Богдане: И мене дѣлѣбѣ сторѣте“.

Хазнѣ-тѣ право дѣлѣте

У такой могучей женщины, какъ Бояна, и дѣти должны быть надѣлены необычайными качествами.

¹⁾ Der Lenorenstoff in der slavischen Volkspoesie. A. f. v. Ph. VI. 239—269.

Взглядъ г. Вольнера раздѣляетъ и г. Психарисъ (La Ballade de Lénore en Grèce. Extrait de la Revue de l'histoire des religions. Paris, 1884. E. Leroux. 8°, 40), принимая за первичный малорусскій вариантъ, между тѣмъ какъ г. Политисъ (Ἡ δὲ δὴμοτικὴ ἀσμα περὶ τοῦ νεχροῦ ἀδελφοῦ. Ἀποσπασμα ἐκ τοῦ Δελτίου τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος. Ἐν Ἀθῆναις. 1885) рѣшительно высказывается противъ славянскаго происхожденія пѣсни о мертвомъ братѣ, основываясь на значительномъ распространеніи ея среди греческаго народа. Прототипъ ея усматриваетъ онъ въ мифѣ о Протесилѣ и Адонисѣ и въ то же время ставитъ ее въ связь съ византійскимъ эпосомъ объ Акритѣ. На этомъ вопросѣ надѣемся со временемъ остановиться подробнѣе.

²⁾ Сборникъ болгарскихъ пѣсенъ, стр. 32, N 3.

Въ значительно измѣненномъ видѣ пѣсня о *Боянъ-войводкѣ* помѣщена у Миладиновыхъ (стр. 256, N 166). Записана она ими въ окрестностяхъ Панагюрища, принадлежавшаго съ XVI ст. къ числу самостоятельныхъ болгарскихъ общинъ въ Родопскихъ горахъ ¹⁾. Девять лѣтъ была Бояна *предводительницей*; на десятомъ году, за неимѣніемъ денегъ, она нападаетъ на пути на Кириму, богатую турецкую женщину, сопровождаемую большимъ отрядомъ. Какъ по содержанію самой пѣсни, такъ и по мѣсту ея записанія, можно думать, что Бояна была не простой начальницей ватаги гайдукъ, но стояла во главѣ цѣлой свободной болгарской общины, была княгиней. Въ своемъ лицѣ она такимъ образомъ соединяла функціи правителя и военачальника. Эта пѣсня сближается съ первой, нами приведенной, начинавшейся такъ:

„Бже сѣ чуло видело,
Санджакъ девойка да бидитъ“.

Санджакъ обозначаетъ *praefectus provinciae*.

Типъ воинственной дѣвушки очерчивается подробно съ сохраненіемъ бытовыхъ, несомнѣнно народныхъ чертъ, въ пѣснѣ „Бѣла Рада“ (Миладиновъ, стр. 103, N 72). Рада похваляется однажды вечеромъ у колодца:

„Азъ сжмъ мома надъ момами-те,
А невяста надъ невясти,
И юнакъ сжмъ надъ юнаци.
Я си въ село и не мѣя,
Но ся мѣя въ поле съ рого,
Де-то Совко (Јовко) стадо пасе“.

У Јовки было *девять* сестеръ. Онѣ передали ему, чѣмъ похвасталась Бѣла Рада. Богатырь-пастухъ Јовко приказываетъ своимъ овчарямъ схватить Радѣ. Но

„Рада била на похитра,
Па похитра, поразумна,
Облече ся съ *турско рухо*,
Въ турско рухо 'се червено,
И наметна тжна пушка,
И запаса чивтъ пицоло,
Та ся мятна на вранъ коня,
Па отиде на планина
Де-то Јовко стадо пасе“.

¹⁾ Иречекъ, *Исторія Болгаръ*. 1878. Одесса. Стр. 577 и слѣд.

Своимъ грознымъ видомъ она утѣшила сильнаго Јовко и приказала ему заколотъ ягненка-сосунца,

„Де бозало *деветъ* майки“

и принести вина,

„Де кипяло *деветъ* пѣти“.

Поѣвши и напившись, Рада вскочила на своего вороного коня и, смѣясь надъ обманутымъ Јовкомъ, умчалась съ планины.

Въ пѣснѣ этой, при совершенной естественности юначества болгарской дѣвушки, вполне понятнымъ оказывается и мотивъ переезжанія, играющій столь видную роль въ пѣсняхъ, къ которымъ мы впоследствии перейдемъ. Но остановимся предварительно еще на кое-какихъ подробностяхъ.

Въ сборникѣ г. Качановскаго ¹⁾ приведены двѣ пѣсни: одна, записанная въ Велесскомъ округѣ, другая въ г. Радомирь. Въ обоихъ поется о *дѣвушкѣ-воеводѣ*. Обстановка въ нихъ, несомнѣнно, реальная.

Въ первой (стр. 508) говорится:

„Де-ка се чуло видело,	Со триста мина сеймени,
<i>Мома булюкѣ-баша да би-</i>	Со кадифе фыстанѣ до земня,
<i>де</i>	Со тонка пушка на рамо,
Со сто и педесе делим,	Чифте-пиштоли на поясъ“.

Здѣсь дѣвушка-воевода остается въ своемъ женскомъ платьѣ: реализмъ народной поэзіи не упускаетъ изъ виду даже такихъ подробностей. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи обѣ пѣсни у г. Качановскаго примыкаютъ къ разобранной нами выше пѣснѣ о Сирмѣ. Дружина приступаетъ къ выбору начальника. Сперва бросаютъ жребій: въ тѣсто замѣшиваютъ монету, потомъ разрѣзываютъ его на куски и въ чьемъ кускѣ окажется монета, тотъ и будетъ вожакомъ ватаги. Счастье благоприятствуетъ дѣвушкѣ: монета достается ей. Недовольные такимъ исходомъ, дружинники устраиваютъ стрѣльбу въ цѣль: въ цѣль попадаетъ лишь дѣвушка и остается „булюкѣ-башой“.

Вторая пѣсня г. Качановскаго съ особымъ вниманіемъ описываетъ стрѣльбу въ цѣль: нужно попасть пулей въ кольцо, помѣщенное на буквомъ деревѣ. Дѣвушка стрѣляетъ не стоя, но упершись колѣномъ въ землю. Прицѣлъ получаетъ чрезъ то больше выдержанности: рука поддерживающая стволъ, покоится на другомъ колѣнѣ. Отъ перваго разу дѣвушка попадаетъ въ перстень. Она была воеводой девять лѣтъ, ее еще выбираютъ на девять лѣтъ.

¹⁾ Памятники болгарскаго народнаго творчества. I. СПб. 1882. Стр. 508 N 204 и стр. 509 N 205.

Воиновъ своихъ она называетъ своими цыпятами (пѣленца), жизнь ведетъ, какъ и всѣ другіе гуйдуки:

...„Да пѣмъ вино червено
И тая люта ракія“.

Подобные типы воинственной женщины, безъ сомнѣнія, возникли на суровой, родной почвѣ того народа, который поетъ про нихъ пѣсни. Мнѣ рассказывали Болгары, что и во время возстанія 1876 г., во главѣ дружины стояла энергическая женщина: со знаменемъ въ рукѣ она первая шла въ бой. Происходила она изъ города Панагюриште и называлась Райна. Живетъ она, по всей вѣроятности, еще и теперь. Интересно отмѣтить, что въ окрестностяхъ этого города записана была Миладиновцами пѣсня о Боянѣ-войводкѣ. Можно думать, что традиція о дѣвущкѣ-воинѣ не только передавалась съ давнихъ временъ въ пѣсняхъ македонскихъ Болгаръ, но и жила въ психикѣ народа.

У Верковича ¹⁾ отмѣчена пѣсня изъ Добре, повидимому, отрывокъ. Изъ Добарскаго округа происходила, какъ указано выше, и Сирма, героиня пѣсни, записанной Миладиновыми (стр. 328). Въ мѣстности этой живутъ Болгары-мусульмане на границѣ съ Арнаутами. Мушчины въ пути или на отдыхѣ поютъ:

„Али се е чуло и видело,	Со осамдесетъ субаше,
Девойка войвода да биде,	Со деведесетъ деліе“.
Со седамдесетъ сеймени,	

Устраивается стрѣльба въ цѣль, лишь дѣвушка попадаетъ въ средину прицѣла.

Подвиги дѣвущки, стоящей во главѣ отряда гайдуковъ, прославляются еще въ слѣдующихъ пѣсняхъ: у Безсонова (стр. 139) перепечатана пѣсня изъ сборника Катранова. Въ ней дѣвушка-воевода разгуливаетъ по горамъ съ дружиной въ триста юнаковъ. Молодцы ропщутъ, не имѣя поживы уже три мѣсяца, и хотятъ разойтись по домамъ. Бояна удерживаетъ ихъ, рассказывая, что ей приснилось, будто должна пройти въ горахъ царская казна въ сопровожденіи трехсотъ пушкарей и пятисотъ янычаръ. Такъ и случилось. Бояна приближается къ султану, требуя съ него выкупа въ пользу всѣхъ своихъ молодцовъ. Когда тотъ отказывается ей, она даетъ знакъ къ нападенію; но юнаки, не понявъ призыва, разбѣжались въ горы. Пришлось одной Боянѣ справляться со всѣмъ конвоемъ султана: всѣхъ положила она на мѣстѣ, а казну раздѣлила между гайдуками.

¹⁾ Народне песме Македонски Бугара. I. 1860. Београдъ. Стр. 363, N 334.

Пѣсни о Еленѣ, дѣвушкѣ-гайдукѣ (Безсоновъ, стр. 143), поется на подобіе гимна съ припѣвомъ, повторяющимся неправильно: то послѣ одного, то послѣ двухъ, трехъ, или даже четырехъ стиховъ. Елена овладѣваетъ казной султана Мурата и дѣлитъ ее между своими гайдуками, которымъ три года не платила, такъ что тѣ были почти безъ платя. Затѣмъ она ограбила Боснійскій караванъ. Бунцы не узнали въ ней дѣвушки и въ недоумѣніи говорили:

„Млада-ле войводо
И български юнако!“

Она девять лѣтъ ходила съ гайдуками и была ихъ начальницей. Въ концѣ пѣсни въ обращеніи къ ея лицу торжественно заявляется:

„Тебе нѣ сж надвили, Други надхвърлили,
Нито сж ти камъкъ Нито надскачѣли.

Во всѣхъ молодецкихъ играхъ—въ борьбѣ, въ метаніи камня и въ прыжкѣ—она оказывалась удалѣе всѣхъ прочихъ гайдуковъ. Всѣ дивились ея ловкости и силѣ. Вся пѣсня полна свѣжести и энергіи и дышетъ реализмомъ, недопускающимъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что она сложилась для восхваленія подвиговъ лица, къ которому и дѣлается обращеніе.

Насъ не должно, конечно, удивлять, что типъ дѣвушки-воина часто спускается до разбойничьяго характера гайдука, подстерегающаго своего врага или добычу въ ущельяхъ горъ. Въ такомъ пониженіи типа мы усматриваемъ вліяніе политическихъ условій, отнявшихъ у народа болгарскаго возможность открыто бороться со своимъ вепрїателемъ. Но для насъ существенное значеніе имѣетъ въ данномъ случаѣ не возвышенность типа, мѣняющаяся съ культурнымъ состояніемъ того народа, въ которомъ существуетъ, а самая психологическая почва, создающая подобныя явленія. Женщина-воительница не можетъ быть женщиной-рабыней; въ народѣ, ея производящемъ, нѣтъ мѣста общему взгляду на женщину, какъ на существо низшее. Женщина, доказавшая свою силу, ловкость и энергію, считается достойной повелѣвать дружиной гайдуковъ.

Въ доказательство такого вывода приведемъ нѣсколько мнѣній о положеніи черногорской женщины, жизнь которой, какъ извѣстно, тяжелѣе, чѣмъ у представительницъ другихъ славянскихъ народовъ.

Въ Барѣ д-ръ Шварцъ ¹⁾ имѣлъ случай наблюдать большую группу женщинъ, возвращавшихся изъ церкви на Юрьевъ день. „Хотя это были христіанки, — говорить онъ, — и были не покрыты,

¹⁾ Bernhard Schwarz, Montenegro. Schilderung einer Reise durch das Innere nebst Entwurf einer Geographie des Landes. Изложеніе г. О-скаго въ Ж. М. Н. Пр. 1883, II.

видъ ихъ былъ чисто восточный. Въ широкихъ шальварахъ изъ пестрой шелковой матеріи, богато покрывшія себя украшеніями изъ золота и жемчуга, замотанныя въ легкій, воздушный газъ, выступали эти довольно высокія, но весьма нѣжныя созданія, съ лицами несомнѣннаго, чистаго греческаго типа. Узкая, овальная форма всей головы, ослѣпительно бѣлая кожа, на которой словно изнутри вспыхивалъ свѣжій румянецъ щекъ; темные, миндалевидные глаза со смѣло поднятыми, черными бровями и съ тонкою кожей нижней рѣсницы, сквозь которую едва замѣтно просвѣчивалъ синеватый оттѣнокъ, а все лице обрамляютъ черные съ синевой, тяжелые волосы,—это все живо напоминало красавицъ гарема, которыхъ такъ часто мы видимъ на картинахъ живописцевъ, представляющихъ восточные сюжеты, и которыми мнѣ самому иногда приводилось любоваться въ Константинополѣ или на Принцевыхъ островахъ. *Какое огромное различіе между этимъ типомъ человечества, этою расою женщинъ, фizioноміи которыхъ точно восковыя и напоминаютъ живо женскія головки въ нашихъ салонахъ для завивки, и нѣсколько присаженныхъ, мускулистыми, загорѣлыми фигурами черногорскихъ женщинъ съ гораздо болѣе широкими, костлявыми лицами!* Эти нѣжныя фигуры вмѣстѣ съ красотою восточныхъ женщинъ представляютъ собою ничтогонедѣланіе, лѣнь, которой онѣ отдаются, лежа за своими рѣшетчатыми окнами на мягкихъ диванахъ, тогда какъ ты—представительница тяжелой работы и упорной борьбы за существованіе“ (Schwarz, стр. 139; Ж. М. Н. Пр. 1883, II, 410—411).

Въ добавокъ г. Шварцъ говоритъ, что черногорскія женщины носятъ *черный чунъ*. „Признаемся, это для насъ новость: (гов. г. А. Оскій) кромѣ бѣлыхъ, мы никогда не видали во всей Батунской нахъ, а въ Дробнакахъ, костюмъ которыхъ онъ такъ хвалитъ, это есть: именно, если не черный, то темно-синій, иногда темно-малиновый. А между тѣмъ авторъ ужъ спѣшитъ сдѣлать выводъ по поводу этого не бывалаго чернаго кафтана: *въ Черногоріи-де, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ, присвоенъ только черный цвѣтъ, цвѣтъ работы и подчиненія женщины*. Понятно, что авторъ увлекся тутъ своею любимую мыслью—о страшномъ порабощеніи черногорской женщины. Да, это правда: она задушена работой. Но это обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что мужья всегда или на войнѣ, или на стражѣ, такъ какъ въ Черногоріи почти никогда нѣтъ мирнаго положенія. Но вѣдь и въ остальной Европѣ женщина, если не имѣетъ большихъ средствъ, развѣ не поглощена также вся кухней, приборкой въ домѣ, обшиваніемъ дѣтей и вообще уходомъ за ними?

„Д-ру Шварцу неизвѣстно, что черногорская женщина подчиняется своему мужу на столько, на сколько и онъ вѣренъ ей и своему долгу передъ домомъ и семьей; въ противномъ же случаѣ она отомститъ ему, какъ отомстилъ бы и онъ ей, т. е. пулей или ножомъ, или же потребуетъ развода и добьетъ своего. И если только она пойдетъ на то, то она ничего не испугается. *Такого духа въ рабахъ не бываетъ. Рабы при томъ плохіе воины, а черногорская женщина, идъ служить, не побѣжитъ и изъ боя*“ (Ж. М. Н. Пр. 425—26).

Съ чрезвычайною настойчивостью г. Шварцъ повторяетъ все, что прежде было сказано о женщинѣ. Представивъ еще рѣзче ея положеніе, отражающееся на ея наружности и здоровьи, онъ такъ передаетъ выраженіе ея фizioноміи: „Нѣчто убитое и робкое видно въ ея глазахъ, по крайней мѣрѣ публично, тогда какъ при благоприятныхъ условіяхъ, и эти дочери Евы умѣютъ показывать веселыя мины и живость взгляда. *Въ одномъ только онъ приближаются къ мужчинамъ — въ мускульной силѣ, крѣпости и выносливости, что женщина такъ блестяще выказываетъ въ ношеніи тяжестей*“ (I. с. 439).

Ленорманъ ¹⁾, выставивъ на видъ тягостное положеніе черногорской женщины, не можетъ однако не показать и другой стороны. „Черногорская женщина“, говоритъ онъ, „ведетъ жизнь тяжелой работы; но ея достоинство отъ того не страдаетъ. Уважаемая и любимая своимъ мужемъ, она служитъ украшеніемъ очага, у котораго каждый день отдыхаетъ утомленный воинъ. Это римская матрона лучшихъ временъ республики, чистая и вѣрная своему мужу, гордая числомъ и крѣпостью своихъ дѣтей, которая отдала свою жизнь домашнимъ заботамъ. Но черногорская женщина не ограничивается занятіями и такою жизнью, которую мы только что представили. *Она, подобно мужчинамъ, имѣетъ свои радости, свою славу и свои триумфы: она участвуетъ въ походахъ мужа и въ бояхъ; она мститъ за мужа и т. д.*“

И въ заключеніе онъ такъ рассматриваетъ ея характеристику: „возвышенность, чистота и моральное достоинство черногорской женщины, не смотря на условіе безпрестанной работы, окружаютъ ее такимъ уваженіемъ, котораго нельзя было бы ожидать при упомянутыхъ условіяхъ ея существованія. Съ этой точки зрѣнія нравы Черногорцевъ совершенно рыцарскіе. *Женщина для нихъ существо неприкосновенное.* Местъ, распри племени или семейства не распространяются на нее. Она пользуется одною изъ самыхъ благопріятныхъ привилегій. Человѣкъ, котораго женщина

¹⁾ Turcs et Monténegrins, стр. XVIII, XXI—XXII.

взяла подъ свою охрану, — совершилъ ли онъ какое убійство, становится также неприкосновеннымъ, какъ и она; съ нею онъ можетъ сидѣть у очага своихъ враговъ, и никто не посмѣетъ тронуть волосы на его головѣ, такъ какъ это значило бы навсегда обезславить себя въ глазахъ цѣлаго народа. Послѣ женщины существо самое священное для Черногорцевъ — путешественникъ“ (I. с. 440).

Роль женщины-воительницы падаетъ иногда еще ниже дѣятельности гайдука: она превращается въ подвигъ молодецкой кражи. Такъ у Вука (I, стр. 484, N 657) находимъ пѣсню „Зулумѣар дјевојка“, гдѣ говорится:

„Зарече се зулумѣар дјевојка,
Да начини наджак од челика.
Да разбије камен-врата граду,
Да покраде коне Југовића,
Да их прода преко мора синег,
Девет коња за девет хилада,
Девет седла за девет стотина,
Девет узда за девет дуката“.

Чѣмъ похвасталась, то и выполнила. Другая дѣвушка по пѣснѣ, записанной въ Дубровникѣ (Вукъ I, стр. 484, N 658), бьется о большой закладъ съ пашой:

„Да ће устат' у по ноћи сама,
Отворити Цариграду врата,
У цареве дворе ушетати,
И дигнути цару сарук с главе,
И царици јастук испод главе“, и т. д.

Хотя содержаніе ея и напоминаетъ нѣчто сказочное, тѣмъ не менѣе намъ интересно видѣть, какъ представленіе объ удали и молодецествѣ дѣвичьемъ находило свое выраженіе въ разныхъ углахъ Балканскаго полуострова, въ народности болгарской и сербской.

Для полноты остановимся еще на пѣснѣ, причисляемой Вукомъ (I, стр. 159, N 234) къ числу мифологическихъ. Ея фантастичность скорѣе говорить въ пользу ея ненародности. Въ ней дѣвушка хвастается тѣмъ, что не умѣетъ прясть, не хочетъ стеречь отцовскаго стада, но собирается построить на горѣ чудную церковь. Царю это показалось дерзкимъ, и онъ посылаетъ двухъ своихъ племянниковъ привести дѣвушку. Однако тѣ въ страхѣ вернулись назадъ, говоря:

„Светли царе, оријано сунце!
Светли царе, круно позлаћена!
Ето сабле, ево наше главе,
Не смесмо јој ни до двора доћи,
А камо ли да је доведемо“.

Испугались же они того, что:

„Она седи пред своји дворови,
Пред дворови на златни столови,
Самур-калпак на очи намиче,
Голу саблю преко крила држи“.

Царь самъ идетъ за дѣвушкой съ тремя отрядами войска; но она
„Једну војску буздованом бије,
Другу војску бритком саблом сече,
Трећу војску на воду натера“.

Видя это, царь бросился спасаться бѣгствомъ, но она поймала его и, выколловъ ему глаза, пустила въ лѣсъ:

„Па он иде од желе до желе,
Како птица од грание до грание“.

Подчеркнутые нами стихи интересны для сравнительнаго изученія эпическихъ формъ и выраженій: подобныя, какъ извѣстно, встрѣчаются и въ русскомъ эпосѣ. Что же касается характера дѣвушки, то въ немъ мы не видимъ ничего мифологическаго; но также не замѣтно, чтобы жизнь, быть и дѣйствительность наложили на него свою печать, подобно живымъ обликамъ дѣвушекъ-воеводъ, дѣвушекъ-гайдуковъ въ пѣсняхъ, выше нами рассмотрѣнныхъ. Тамъ въ каждомъ стихѣ, въ каждомъ положеніи, въ каждомъ мотивѣ чувствуется реальная жизнь съ ея дѣйствительной обстановкой; здѣсь же, напротивъ того, насъ поражаетъ какая то неясность, неестественность и внѣшность, чуждая народному быту.

Нѣтъ сомнѣній, кажется, что количество пѣсенъ, нами приведенныхъ, достаточно убѣждаетъ въ способности болгарской и сербской женщины совершать удивительные подвиги мужества и военной доблести. Факты такіе, какъ мы видѣли, засвидѣтельствованы очевидцами. Являясь въ рядахъ удалыцовъ, женщина иногда сохраняла свою одежду — что и отмѣчено пѣсней, — по чаще переодевалась по мужски. Это было необходимо, а потому и естественно, хотя пѣсня и въ такомъ случаѣ всегда останавливалась со вниманіемъ на подобномъ явленіи.

Теперь мы рассмотримъ нѣсколько пѣсенъ, гдѣ переодеваніе дѣвушки, хотя и вызывается до извѣстной степени необходимостью, но главнымъ образомъ дѣлается изъ хитрости. Разобравъ ихъ, мы убѣдимся, какъ глубоко коренятся въ бытѣ народа такіе приемы.

Мы уже упоминали о нѣжной дружбѣ между братьями и сестрами, нашедшей трогательное выраженіе въ народной поэзіи южнаго славянства. На такомъ нравственномъ мотивѣ основана прекрасная пѣсня: „Доротія и војвода Јанко“ (Вукъ I, стр. 593, N 748), заимствованная собирателемъ отъ кого-то изъ Синя. Начинается она слѣдующимъ сравненіемъ:

„Што је годир у Прологу снига,
Све се оно у Цетину слива;
А како је јадна риба жива
Од онога Пролошкога снига!
Како ли је дите Николица
Болујући девет годин' дана!
Од кости му месо отпадало,
А кроз кости трава проницала;
*Одбила га мајка и любовца,
А не тила сестра Доротија*

Братъ просит сестру принести ему воды изъ-за горы: можетъ быть, такая вода ему поможетъ. Сестра отвѣчаетъ, что у воды стоитъ воевода Янко: онъ девять лѣтъ подъ рядъ просилъ ея руки и получалъ отказъ отъ ея брата; теперь поджидаетъ ея выхода за водой. Тогда братъ совѣтуетъ ей:

„Ти обуци све моје алине,
Сави косу, метни калпак на ну,
И припаши ђорду Демешкину,
Пак ми ајде за гору на воду“.

Подъ видомъ брата, Доротија садится на лошадь и ѣдетъ за водой. Тамъ встрѣчаетъ воеводу Янко и привѣтствуетъ его пожеланіемъ „Божьей помочи“. Янко не догадался, что имѣетъ дѣло съ Доротиѣй; онъ полагалъ, что это ея выздоровѣвшій братъ, и самъ зачерпнулъ ведромъ воды для нея, говоря:

„А за лубав Доре сестре твоје“.

Эта прекрасная, поэтическая пѣсня имѣетъ, по нашему мнѣнію, глубокое бытовое значеніе. Моментъ народной жизни, захваченный ею, можно наблюдать далеко за предѣлами южнаго славянства. Переодѣваніе дѣвушки въ мужское платье, вызванное исключительнымъ случаемъ, не представляется намъ невозможнымъ. Очень вѣроятно, что было что-то такое, дѣйствительно совершившееся, вслѣдствіе чего возникла пѣсня, со строго выдержаннымъ характеромъ народной композиціи. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя явленія встрѣчались въ народѣ, вытекаая изъ условій, понятій и привычекъ его общественной жизни.

Подобный же мотивъ развивается и въ двухъ вариантахъ пѣсни „Јелена и бан“. Мы займемся вторымъ (Вукъ I, стр. 589, N 747), такъ какъ первый представляется спутаннымъ и неполнымъ.

Елена встрѣчаетъ брата своего Ивана-бана и замѣчаетъ, что онъ невеселъ. Лаушъ-банъ бился съ нимъ объ закладъ, увѣряя, будто тотъ не посмѣетъ послать сестру свою черезъ зеленую гору за студеной водой: тутъ причина его грусти. Елена переодѣвается юна-

комъ, ѣдетъ за водой и встрѣчаетъ тамъ Лаушъ-бана. Однако онъ не узнаетъ ее, даетъ ей воды и затѣмъ провожаетъ ее въ домъ ея брата. Тамъ обманъ открывается, закладъ проигранъ. Лаушъ-банъ говоритъ: мнѣ не жаль проиграннаго заклада,

*„Већ ми је жао срамоте,
Што ме ти данас превари“.*

Елена въ пѣснѣ названа „мудрой-премудрой“. Быть проведеннымъ даже мудрой женщиной считалось, повидимому, обидой.

Такой же взглядъ высказанъ и въ первой (N 746, стр. 586), опущенной нами пѣснѣ про Елену. Кажется, есть основаніе связать подобное отношеніе къ женщинѣ у южныхъ Славянъ съ источникомъ чувства глубокаго оскорбленія, какое нанесено было извѣстной похвалой Ставра князю Владиміру. Но къ этому мы вернемся еще послѣ.

Пріемъ переодѣванія дѣвушки или женщины въ мужское платье, наблюдаемый въ разбираемыхъ нами пѣсняхъ, не принадлежитъ къ существеннымъ чертамъ общей схемы: мы видѣли пѣсни, въ которыхъ женщина появлялась во главѣ дружины въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ; съ другой же стороны такой пріемъ можно наблюдать въ положеніяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ нашей фавулой: къ нему женщины прибѣгаютъ въ весьма разнообразныхъ случаяхъ, что и отразилось въ произведеніяхъ многихъ народовъ. Однако намъ кажется непозволительнымъ въ научномъ смыслѣ этого слова сближать крайне отдаленныя проявленія сходства по одному какому либо признаку, какъ это, напр. дѣлаетъ въ нашемъ мотивѣ г. Стасовъ, указывая вслѣдъ за Рейнгольдомъ Кёлеромъ¹⁾ на совершенно обратное переодѣваніе Ахиллеса женщиной и на его испытаніе: указать, конечно, можно; но дѣлать отсюда генетическіе выводы, опирающіеся лишь на хронологію, положительно невозможно²⁾.

Переодѣваніемъ пользуются съ совершенно особою цѣлью три дочери жены Омеръ-бега въ пѣснѣ: „Три кѣри Омер-беговице“ (Вукъ I, N 749, стр. 595).

Асанъ-ага устроилъ новый садъ съ цѣлью привлечь туда дѣвушекъ. Прекрасная Ата, красивая Фата и славная Мерьема отправились туда за розами; но Асанъ едва не схватилъ ихъ. Желая

¹⁾ Jahrbuch f. Romanische u. Englisch Litteratur, III, 1861, стр. 57.

²⁾ Какъ на примѣръ переодѣванія мужчины женщиной можно указать еще на Мнисилоха у Аристофана: „Θεσμοφορισμοί“, стих. 214 и сл., а испытаніе оружіемъ безъ переодѣванія находимъ въ лѣтописномъ разсказѣ про Святослава. Мотивы однако здѣсь совершенно иные.

подшутить надъ Асаномъ, дѣвушки, переодѣвшись витезями, пріѣхали къ нему на дворъ, были привѣтливо встрѣчены имъ и его двумя братьями, и, проведя съ ними ночь, неузнанными вернулись домой.

Пѣсня „Како Грѣина девојка химбом испусти и изведе из тамнице Комјена Јагѣиловића тер му живот испроси“ (Богишичъ, ¹⁾ N 54) также принадлежитъ къ иной категоріи мотивовъ, хотя въ ней и встрѣчается приѣмъ переодѣванія. Содержаніе ея таково: дѣвушка проникаетъ въ темницу, переодѣваетъ узника въ женское платье и тѣмъ даетъ ему возможность свободно выйти изъ заключенія, сама же остается вмѣсто него. По всей вѣроятности, здѣсь было двойное переодѣваніе, хотя пѣсня умалчиваетъ объ этомъ. Переодѣтую дѣвушку ведутъ къ царю; она проситъ позволенія переговорить съ нимъ нѣсколько словъ наединѣ:

„Од када је постала тај лијепа Босна земла,

Царе, св'јетла круно!

Је ли млада дјевојка за јунака објешена,

Царе, св'јетла круно?

И ако ми ти тога свијетли царе не вјерујеш,

Хоћу теби указат' мајке моје обилежје,

И она му бјеше указала б'јеле дојке!“

Царъ разсмѣялся и отпустилъ находчивую дѣвушку. Сюжетъ пѣсни не народный; по своему замыслу онъ скорѣе принадлежитъ жизни городской, тѣмъ суровой обстановкѣ ущелій и горъ; не даромъ героиня называется гречанкой.

Значительно ближе стоитъ къ нашему мотиву, хотя, повидимому, не совпадаетъ съ нимъ, пѣсня, записанная Верковичемъ (N 273, стр. 294) въ Легенскомъ округѣ, лежащемъ на спускѣ Родоцскихъ горъ въ сторону Демиръ-Исара. Въ пѣснѣ говорится, какъ мать заплетаетъ дочери косу и, заплетая, проклиняетъ ее. Проклятіе матери такъ подѣйствовало на дочь, что та, покинувъ домъ, пошла въ Царыградъ. Тамъ познакомилась съ цырюльникомъ и проситъ его:

„Ой ти бербере, ой брате мой!

Обричи ты ми руса коса,

Остави ты ми до дуга чумба“.

Переодѣвшись, она три года пасла стадо на горахъ; затѣмъ, вернувшись назадъ, взшла на дворъ матери и закричала:

„Чуйте, чуйте, малко и големо,

Мома појдо, мома дојдо“.

Пѣсня эта хороводная; несомнѣнно, выросла на почвѣ быта; если

¹⁾ Богишић, Народне пјесме 1878. Биоград.

и имѣть связь съ нашимъ мотивомъ, то лишь формальную, внѣшнюю, какъ построенная изъ того же самаго эпического матеріала.

Вліяніе болгарскаго народа на составъ новогреческой этнографической группы сказалось и въ пѣсняхъ. Въ войнѣ Грековъ съ Турками, по словамъ Юрія Венелина ¹⁾, первымъ весьма много содѣйствовали болгарскіе и сербскіе авантюристы: нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ видѣлъ и узналъ отъ нихъ, что въ Морѣѣ они составляли цѣлые батальоны. Въ послѣдній разъ Аѳинскій Акрополисъ брали именно Болгары; *Миссолонискій герой, Марко Бочаръ* (Бочарисъ по греческому выговору), *былъ тоже Болгаринъ родомъ изъ мѣстечка Водины въ Македоніи; въ молодости съ отцомъ онъ переселился въ горы Сули* ²⁾. Хотя гайдучество развилось до широкихъ размѣровъ по преимуществу въ концѣ прошлаго столѣтія, но бытовые явленія, послужившія источникомъ для разбираемыхъ пѣсенъ, уходятъ далеко въ глубь старины. Со временемъ удастся собрать множество фактовъ, которые, несомнѣнно, подтвердятъ нашу мысль, теперь же приходится довольствоваться пока еще немногимъ, что скорѣе случайно попалось намъ подъ руку при изученіи бытовой исторіи Славянства.

„Бопривштица“, говоритъ Иречекъ ³⁾, (по турецки Авраталанъ) „первѣйшее изъ воинскихъ селъ, расположенныхъ на Средней горѣ у источниковъ Топольницы, въ 10-ти часовомъ разстояніи отъ Филиппополя, среди высокихъ горъ. Во время стараго царства здѣсь разстилались только роскошные луга, а на мѣстѣ нынѣшняго городка стоялъ густой лѣсъ. Послѣ паденія царства пастухи описывали окрестнымъ боярамъ долину Бопривштицы, какъ

¹⁾ О характерѣ народныхъ пѣсенъ у Славянъ Задунайскихъ. М. 1835 (стр. 40—41).

²⁾ Съ прозваніемъ Суліотскаго Героя Саеа (Sathas, Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au Moyen âge. Paris 1880, I, XVIII) сближаетъ имя князя Butzagas, знаменитаго защитника Скорты и полагаетъ, что оно происходитъ отъ албанскаго корня botza, boza или buza. Представители этой фамиліи (Butzará) стояли во главѣ чрезвычайно воинственнаго и безпокойнаго народа, занявшаго гористую часть Аркадіи, по обоимъ берегамъ Алфея, получившую названіе Скорты (Skorta): (Chronique de la Morée, edit. de Buchon. 1845, p. 130. 409; Fallmerayer, Geschichte der Halbinsel Morea. 1830, I, 316). Въ основѣ названія области—Scorta,—Scorda, Scutari—лежитъ корень kodrë („холмъ“ въ алб. яз.) не албанскаго происхожденія (Meyer, Essays u. Studien zur Sprachgeschichte u. Volkskunde. 1885, 61), а имя Бочаръ (Бочарисъ) очень часто у Македонскихъ Болгаръ, считающихъ его своимъ.

³⁾ Исторія Болгаръ. 1878. Одесса. Стр. 580.

прекрасное мѣсто и вѣрное убѣжище, вслѣдствіе чего поселилось тамъ много семействъ изъ Златицы, Филиппополя и другихъ городовъ. Между поселенцами была одна богатая боярка изъ села Рылы. Она отправилась къ султану въ Адрианополь (слѣд. до 1453 г.) и выпросила себѣ у него фирманъ, которымъ ей была предоставлена власть надъ Копривштицей съ большими привилегіями: напр., постановлялось, чтобы никакой турокъ не проѣзжалъ верхомъ по этому мѣсту. Въ этомъ фирманѣ Копривштица названа по турецки *Авраталанъ*, т. е. *женское поле*. Боярка слыла у согражданъ подъ именемъ Султанки и потомство ея называлось Султанковцы. Форма правленія колоніи была аристократическая. Сказаніе говоритъ, что жители Копривштицы тогда въ своихъ красныхъ одеждахъ, высокихъ колпакахъ, на роскошныхъ лошадяхъ и съ хоршими оружіемъ приобрѣли большой авторитетъ“.

При наличности такого факта въ жизни народной не было бы ничего удивительнаго, если бы даже въ XV ст. сложилась пѣсенка, приведенная выше:

„Бже сѣ чуло видело,
Санджакъ девойка да бидитъ,
Калци со копци да носитъ,
Бъли елеци петлицы,
Санджакъ девойка да бидитъ
Со сто ѿ пендесетъ санджацѣ!“

Переходя въ XVI вѣкъ, мы встрѣчаемся съ интереснымъ бытовымъ явленіемъ: это привилегированныя общины Болгаръ-христіанъ. Ихъ было нѣсколько классовъ — *войници*, *мартолосо*, *сокольници* (дербенджин). Мартолосо (по гречески арматолы) несли пограничную службу; вооруженіе ихъ состояло изъ сабли и копья. Они часто вступали въ дружественныя сношенія съ греческими клефтами. Достигшіе мировой славы эпирскіе Суліоты первоначально были такими арматами (Иречекъ, Ист. Б. 577, 585; Норфъ въ Энчикъ. Эрша и Грубера LXXXVI, 90).

Въ такихъ сношеніяхъ болгарскихъ гайдуковъ съ греческими клефтами мы видимъ источники вліянія болгарской поэзіи на новогреческую. Обратнаго теченія здѣсь нельзя предположить, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ разбираемыхъ пѣсенъ: онѣ слишкомъ проникнуты духомъ болгарской бытовой жизни и мало смягчены лиризмомъ греческой поэзіи.

Арнольдъ Пассовъ ¹⁾ собралъ нѣсколько вариантовъ пѣсенъ,

¹⁾ Arn. Passow, *Tragödien romantika. Popularia carmina Graeciae recentioris*. 1860. Leip.

которые онъ назвалъ „*carmina cleptica incerti aevi*“. Въ этомъ случаѣ онъ совершенно правъ, не относя пѣсень къ опредѣленному времени: мотивы ихъ стары и лишь видоизмѣнялись соотвѣтственно частнымъ случаямъ.

Разсмотримъ пѣсню (N CLXXIII, стр. 129) „Н Клеφτόπουλα“, происходящую изъ Морей (у Заμπ. 631. 42) ¹⁾. Начинается она такъ:

„Διψοῦν οἱ κάμπα γιὰ νερό καὶ τὰ βουνὰ γιὰ χιόνια,
Διψάει καὶ ἡ δόλια ἡ Ἀρετὴ ψηλὰ στὰ κορφοβούνια,
Δώδεκα μέραις νηστικὰ καὶ δέκα δεφασμένη“.

„Поля жаждутъ воды и горы снѣга; томится жаждой несчастная Арета на высокихъ вершинахъ горъ; двѣнадцать дней уже она ничего не пила и десять не ѣла“. Послѣ такого прекраснаго вступленія пѣсня вдругъ дѣлаетъ уклоненіе въ сторону идилліи: мать склоняетъ дочь къ замужеству; однако та желаетъ остаться среди паликаровъ и носить оружіе. Легко замѣтить, что пѣсня далеко ушла уже отъ мѣста своего возникновенія и начинается путаться въ своемъ развитіи.

Перейдемъ къ другой пѣснѣ (N CLXXV, стр. 131; у Замп. 616, 7, 26), озаглавленной также „Н клеφτόπουλα“. Содержаніе ея слѣдующее:

„На горѣ св. Иліи, у Платана, у высокаго холоднаго источника собирались клефты, три капетана ²⁾. Они жарили тамъ ягнать и пекли на вертелѣ барановъ. У нихъ было вдоволь сладкаго вина для поддержанія хорошаго духа; прекрасная дѣвушка подпосила его имъ, и они пили“.

„Κόρη σὰν ἥλιος ὁμορφῇ, ξανθὴ καὶ μαυρομμάτα.

Τέσσαρους χρόνους περπατεῖ μ' ἀρματολῶδες καὶ κλέφταις,

Κανεῖς δὲν τὴν ἐγνώριζεν ἀπὸ τὴν συντροφιά της.

„Дѣвушка прекрасная, какъ солнце, блондурая съ черными очами. Сорокъ лѣтъ ходитъ она съ арматолами и клефтами и никто изъ ея товарищей не узналъ ея. Однажды во время игры, состоявшей въ троекратномъ прыганьи и бросаніи камней, отъ напряженія у нея растегнулись пуговицы и обнажились груди, подобныя лимонамъ. Капетаны и всѣ клефты съ недоумѣніемъ смотрѣли и спрашивали:

¹⁾ Σ. Ζαμπέλιου, „*Αἰσματα δημοτικὰ τῆς Ἑλλάδος*. Κέρκυρα. 1852.

²⁾ Подробное изслѣдованіе о Клефтахъ и Арматоллахъ: Fauriel, *Chants populaires de la Grèce Moderne*. I, глава IV до конца. 1824. Нѣмецкій переводъ: Müller, *Neugriech. Volkslieder*, Leipzig. 1825.

„Κόρη μ' τί μάνα σ' ἔχαμε, τί μάνα σ' ἔχει χάμει“;
И меня родила мать, отвѣчала дѣвушка; но я дѣлала турокъ сиротами и туркинь вдовами. Теперь же, когда открылась моя грудь, я пойду въ монастырь.

И въ этой пѣснѣ не замѣтно много свѣжести и безыскусственности: слышны лишь отзвуки поэтическихъ мотивовъ болгарскихъ пѣсенъ подѣ взглядомъ инаго быта, иныхъ общественныхъ отношеній.

Нѣкоторыя пѣсни отнесены Пассовымъ къ числу историческихъ; по большей части тѣ, въ которыхъ описывается борьба Суліотовъ съ Турками. Намъ кажется, что въ большинствѣ съ исторіей онѣ имѣютъ мало общаго, быть можетъ, лишь имя героя, дѣйствительно существовавшаго въ болѣе или менѣе позднее время. Къ имени такого историческаго лица могла привязаться стародавняя эпическая пѣсня, что на самомъ дѣлѣ и оказывается, судя по нѣкоторымъ мотивамъ. Но, несомнѣнно, были пѣсни, возникавшія исключительно въ условіяхъ борьбы Суліотовъ съ Турками: въ ихъ кровавыхъ столкновеніяхъ народный пѣвецъ находилъ богатый источникъ для своего вдохновенія. Пѣсня „Ἡ Μόσχω (Расс., N CCVI, стр. 152; у Христоф. Пер. Ἰστ. τ. Σουλ. I. 51), составленная, по мнѣнію Пассова, въ 1792 г., ясно носитъ на себѣ слѣды народнаго творчества, отразившаго съ точностью мѣстные нравы и понятія. Начинается она такъ:

„Τρία μπαϊράκια φαίνονται 'πο κατ' ἀπὸ τὸ Σοῦλι“,
три знамени появляются внизу у Сули: одно Мухтара паши, другое Селихтара, третье, прекраснѣйшее Мицобоны.

„Ὁ Δῆμος Δράκος φώναξε 'πο πᾶν ἀπὸ τὸ Σοῦλι“
сверху съ Сули закричалъ Димъ Драконъ (Змай серб. пѣсень): куда идешь; Мухтаръ Скодрскій и ты, собака Селихтаръ; здѣсь не Хормово и не Ламбовица, чтобы уводить въ рабство дѣтей и женъ безъ мужей,

„Ἐδῶ 'ν τὸ Σοῦλι τὸ κακὸ, ἐδῶ 'ν τὸ Κακοσοῦλι,
Поῦ πολεμοῦν μικρὰ παιδιὰ, γυναῖκες δι(χως ἀν-
τρεις,

Поῦ πολεμεῖ Τσαβέλαινα σὰν τ' ἄξιо παλληκάρι.
Ἡ κύρα Μόσχω φώναξε 'πο πᾶνω 'πο τὴν Κιάφα.

Поῦστε παιδιὰ Σουλιώτικα καὶ σεῖς οἱ Τσαβελά-
ται;

Μαζύ μου ὅλοι τρέξετε καὶ ἄντρες καὶ γυναῖκες,
Τοὺς Τοῦρκους κατακόψετε, σπόρο νὰ μὴν ἀφή-
στε,

здѣсь злое Сули, гдѣ сражаются малыя дѣти и жены безъ мужей,

гдѣ сражается, подобно славному палликару, Цавелена. Сверху съ Кіафы закричала начальница Мосхо: гдѣ вы, дѣти Сули и вы, Цавелиты? всѣ идите со мной, мушны и женщины; рубите Турокъ, не оставляйте ихъ даже на сѣмѣ^а.

Здѣсь интересно припомнить подобное же выраженіе въ были-нѣ про Василя Буслаевича; мужики новгородскіе говорятъ его ма-тушкѣ:

„Ты уйми-тко свое чадо единакое,
Не оставитъ и людей на сѣмена“.

(Гильф. стр. 154. 293).

Далѣе Мосхо продолжаетъ: „пусть послѣ нихъ остаются вдовы и сироты, жены и дѣти; пусть скажутъ, что на Сули ихъ убили су-ліотскія женщины.

„Н Μόσχω τότε ὄρμησε μὲ τὸ σπαθὶ στὸ χέρι,
Τόρα νὰ βῇτε πλόμο, γυναίκες τοу φέχια“.

Подобно зайцамъ побѣжали Турки, не оглядываясь даже назадъ; по-бросали ружья, лишь бы спасти жизнь.

Въ этой пѣснѣ открывается передъ нами живая страница изъ жизни обитателей Сули ¹⁾. Самый скептическій ученый долженъ со-гласиться, что въ ней слышится голосъ самого народа: простота композиціи и реальность описаній говорятъ въ пользу безыскус-ственного творчества.

Какъ Сули, такъ и Янинская жупа-комитуръ была заселена Славянами. Вотъ что говоритъ объ ней г. О. Успенскій ²⁾:

„По отношенію къ XIV в. скудость матеріаловъ восполняется прекраснымъ документомъ, который долженъ занять первостепенное мѣсто въ исторіи славянской общины въ Византіи. Это хрисовулъ царя Андроника Старшаго отъ февраля 1319 г., данный *Янинской жупѣ-комитурѣ*“.

Янинскій округъ послѣ господства Анжуйской династіи, утвер-дившейся тамъ съ 1267 г., присоединился снова къ Византійской имперіи, чѣмъ и былъ вызванъ хрисовулъ императора (см. Маку-шевъ, Историческія разысканія о Славянахъ въ Албаніи. Варшава 1871, стр. 21 и сл.).

Императоръ назначалъ въ городѣ воеводу для наблюденія за виѣшнимъ порядкомъ. Жители сами избираютъ своихъ судей, кото-рые и рѣшаютъ всѣ свѣтскія дѣла подъ предсѣдательствомъ вое-

¹⁾ Fauriel, Chants populaires de la Grèce Moderne. 1824. Суліоты и ихъ борьба съ Али-пашой изъ Янины. См. т. I. 225—283.

²⁾ О. Успенскій, Къ исторіи крестьянскаго землевладѣ-нія въ Византіи. Ж. М. Н. Пр. 1883, II (345—453).

воды. „Самый городъ Янина пользуется свободой и изъятіями „по прежнему обычаю“ и жители его имѣютъ право безошлнно торговать по всему царству.

„А какъ у нихъ господствуетъ обычай“, что если по разслѣдованію и вѣрнымъ свидѣтельствамъ окажется между ними измѣнникъ и предатель, то имущество его отбираютъ, а жилище разрушаютъ, самого же по истинѣ явнаго измѣнника выводятъ изъ города и прогоняютъ, дабы онъ не имѣлъ въ немъ наслѣдія, то царство мое опредѣляетъ, чтобы и на будущее время оставался въ силѣ этотъ обычай, какъ они о томъ просили“.

Точно такой же обычай находится и въ Русской Правдѣ, подъ именемъ *потока* и *разграбленія*.

Имущества жителей Янины, даже находящіяся въ другихъ областяхъ, освобождаются отъ налоговъ; имъ предоставляется привилегія пользоваться изъятіями *согласно дѣйствующему въ примѣненіи къ нимъ обычаю*. Они не принуждаются продавать свои товары *противъ обычая*.

„Впавшій въ убійство наказывается *по господствующему у нихъ обычаю*“. По мнѣнію г. Успенскаго обычай этотъ слѣдуетъ искать въ первыхъ статьяхъ Рус. Правды.

Перечисляемыя въ хрисовулѣ села, владѣть которыми предоставляется право жителямъ Янины, носятъ чисто славянскія имена:

Βοτρίστα, Ζελοχοβίστα, Ψεάδα, Σανδαβίτζα, Ἀρδίλοβίστα, Γλοξιάνι, Γαρδίκι, Λεανίστα, Τριστσανίκος, Τρεαβοβιδίστα, Νοβοσέλη, Ἀρδομηστία, Σίτκα, Φαδοτόβι, Δρεάνοβон, Φρεάστανα, Λιπνίτζа, Κοπάντζи, Στρώμη, Δρεαβοφά, виноградникъ εἰς τοὺς Ψάθους, Κοπάνη, Κρεχοβός, περὶ τὴν Βαγευέτιαν Λιβάδιον, Σχοупίτζа ¹⁾.

„Хрисовулъ въ пользу Янинской комитурѣ“, говоритъ далѣе г. Успенскій“, которая заключала въ себѣ 25 по имени извѣстныхъ селъ и деревень (т. е. общинъ) и нѣсколько неизвѣстныхъ

¹⁾ Hahn, Albanische Studien, I, 319 - 322; Fallmerayer, Das Albanische Element in Griechenland, II, 20—29: Жители Янины были чисто славянскаго происхожденія; до конца XIV ст. они геройски боролись противъ вторженія Албанцевъ, на помощь къ себѣ призывали Сербовъ и увеличивали число своихъ гражданъ переселеніемъ говорившихъ по славянски жителей Загорья. Послѣ XIV ст. славянское населеніе Эпира подъ давленіемъ Церкви мало-по-малу начало усваивать себѣ говоръ греческій и въ настоящее время лишь фамилныя имена знатныхъ родовъ, какъ Μnogās, Riekās, Glawās, Grivās указываютъ еще на ихъ славянское происхожденіе. Борьба Славянъ съ Албанцами послужила исключительно на пользу Эллинизма.

по имени, если бы погибли всё другие слѣды общинной жизни и свободного крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи, самъ по себѣ былъ бы въ состояніи дать иную постановку вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи и вызвать недовѣріе къ господствующей теоріи объ уничтоженіи свободной крестьянской поземельной собственности. Но онъ останавливаетъ на себѣ вниманіе по преимуществу не въ этомъ отношеніи. Хрисовулъ Андроника представляетъ собою въ единственномъ числѣ сохранившійся типъ отношеній, въ которыхъ находилась къ имперіи славянская община; по этому типу должны слагаться и наши воззрѣнія на древнѣйшіе не сохранившіеся договоры обширныхъ славянскихъ комитуръ съ византійскимъ правительствомъ. Чѣмъ ближе перенесемся къ VII и VIII вв., тѣмъ больше мѣста должны давать автономіи въ славянской общинѣ, тѣмъ больше удѣлять ей политической свободы и тѣмъ меньше предполагать вмѣшательства центральной власти во внутренніе порядки, въ хозяйство и управленіе общины: ибо таковъ общеисторическій ходъ развитія, выясненный на изученіи германскихъ древностей. Неоднократныя ссылки въ хрисовулѣ на обычное славянское право, признаніе законной силы за старыми уложеніями и за учрежденіями, восходящими къ VII или по крайней мѣрѣ къ X вѣку и коренящимися въ бытовой и политической жизни славянскаго племени, всё эти качества придаютъ хрисовулу высокую цѣну въ наукѣ о славянскихъ древностяхъ и дѣлаютъ его неоцѣненнымъ источникомъ въ специальныхъ вопросахъ объ отношеніи Славянъ къ Римской имперіи“.

„Автономія Янинской комитурѣ обставлена весьма прочно и имѣетъ твердыя основанія — собственный судъ, общинное войско, невмѣшательство воеводы во внутреннюю администрацію, гарантію въ неотчуждаемости общинныхъ земель и имущества, освобожденіе отъ обременительныхъ налоговъ и отъ переписи, право торговли по всей имперіи безъ даней и пошлинъ, словомъ — есть все, не достаетъ развѣ внѣшней политики“.

„Если остановимся на предположеніи, что по такому типу строились вообще отношенія славянскихъ комитуръ къ имперіи, то для насъ станетъ понятною живучесть славянской общины въ Византіи, внутреннія силы ея, неистощимыя въ борьбѣ съ различными враждебными элементами, и та устойчивость, съ которой она держалась противъ самой центральной власти въ теченіи многихъ вѣковъ. Но если это такъ, то и первоначальныя отношенія Славянъ къ имперіи, начиная съ VI в., были таковы, что могли гарантировать славянскую общину противъ разложенія и паденія среди чуждаго населенія и въ несродной Славянамъ обстановкѣ, словомъ — первоначальныя

чальныя отношенія должны строиться на изученіи ромейскаго права и ромейскихъ учреждений“.

„Подобно тому, какъ изученіе поземельныхъ отношеній привело насъ къ выводамъ о славянской общинѣ, изученіе византійскихъ судебныхъ, административныхъ и военныхъ учреждений должно, какъ въ этомъ мы глубоко увѣрены, привести къ постановкѣ вопросовъ о соотвѣтствующихъ славянскихъ учрежденіяхъ“.

„Нѣтъ основаній сомнѣваться въ томъ, что община и свободное крестьянское землевладѣніе перешли въ XV ст. Въ 1413 г. великій визирь Синанъ-паша обратился къ жителямъ Янины къ воззваніемъ, въ которомъ общаетъ, въ случаѣ добровольной сдачи, обезпечить за ними ихъ религіозныя, политическія и имущественныя права (Χρονογραφία τῆς Ἡπείρου II. 315)“.

Стр. 344 — 352. По мнѣнію г. Успенскаго Славянская община спасла Византію отъ Арабовъ, Болгаръ, Норманновъ, отъ крестоносцевъ и отъ Турокъ — Сельджукъ, но оказалась безсильною для борьбы въ XIV и XV вв., по всей вѣроятности, вслѣдствіе своего разложенія.

О геройской борьбѣ такой славянской общины противъ Турокъ повѣствуетъ пѣсня „Ἡ Τσαβέλαινα“ (Pass., N CCVIII, 154; Faur. I. 284; Зап. 688. 116; Ἀγγελ. 67), которую Пассовъ относитъ ко времени 1792 года. Маленькая птичка усѣлась на возвышенности моста и говоритъ къ Али-пашѣ: здѣсь не Янина, чтобы устраивать водометы; здѣсь не Превеза, чтобы строить крѣпости; но здѣсь славное Сули,

„Ποῦ πολεμοῦν μικρὰ παῖδι, γυναῖκες καὶ κορίτσια,

Ποῦ πολεμεῖ Τσαβέλαινα μὲ τὸ παῖδι στὸ κόρφο,

Στὸνα τῆς χέρι τὸσπαθὶ καὶ σ' ἄλλο τὸ τουφέκι
Καὶ τὰ φυσέκια στὴν ποδιά, τὰ βόλια μὲς σταῖς ζάβαις“,
гдѣ сражаются малыя дѣти, женщины и дѣвушки; гдѣ сражается Цавелена, держа ребенка за пазухой, имѣя въ одной рукѣ саблю, въ другой ружье, а патроны и пули въ передникѣ.

Пѣсня „Ὁ Κουτσονίκας“ (Pass., N CCIV, стр. 151; Faur. I, 294) ничего новаго не прибавляетъ къ общему мотиву борьбы Суліотовъ съ Мухтаромъ пашой: повторяется тоже, что и въ другихъ пѣсняхъ повѣствовалося о храбрости дѣтей и женщинъ. Ее относитъ Пассовъ также къ 1792 году.

Въ тому же періоду принадлежитъ и пѣсня „Ὁ Δάμπρος Τσαβέλας“ (Pass. N CCVII, 153; Faur. I, 292; Зап. 687, 115). Въ ней сгруппированы герои суліотской обороны, вожди Клефтовъ: Цавеласъ, страшный туркамъ своей саблей; Боцарисъ — своимъ мушкетомъ; Зервасъ и славная Мосхо. Всѣ подобныя пѣсни близки

одна другой и лишь съ незначительными отклоненіями повѣствуютъ о подвигахъ своихъ излюбленныхъ героев: простота и реальность описаній несомнѣнно доказываютъ, что пѣсни эти сложились на мѣстѣ по горячимъ слѣдамъ событій.

Подобнаго впечатлѣнія не производитъ однако пѣсня „Ἡ Χαλδω“ (Pav. CCV, 152), помѣщенная Пассовымъ въ число историческихъ пѣсенъ, относящихся къ bella Suliotica (1792—1804 г.).

„Ποῖος εἶδε ψάρι σὲ βουνὸ κι' ἀλάφι σὲ λιμάνι;

Ποῖος εἶδε κορ' ἀνύπαντρη μέσα στὰ παλληκάρια;

Δώδεκα χρόνους ἔκαμεν ἀρματωλὸς καὶ κλέφτης,

Κανεῖς δὲν τ'ν ἐγνώρισε ἀπὸ τὴν συντροφιά της“.

Кто видѣлъ рыбу на горѣ и оленя въ морѣ? Кто видѣлъ незамужнюю дѣвушку среди палликаровъ? Двѣнадцать лѣтъ она была арматоломъ и клефтомъ; никто изъ ея товарищей не узналъ ея. Въ одинъ прекрасный праздничный день они вышли играть мечами и бросать камни: Хэдо бросала сразу то, что палликары съ десяти. Отъ усилій у нея разорвалось платье и обнажилась грудь: одни говорили, что это золото, другіе—серебро; лишь одинъ малый клефтикъ узналъ ее:

„Σώπα σώπα κλεφτόπουλο καὶ μὴ μὲ μαρτυρήσης,

Νὰ σοῦ χάρισω τὴν ζωὴ κι' ἔλα τὰ ἀρματα μου“.

Очевидно, конецъ пѣсни скомканъ и сокращенъ: послѣдняя строфа „я пощажу твою жизнь и подарю тебѣ все свое оружіе“ принадлежитъ уже совершенно иному мотиву.

Содержаніе первой половины пѣсни сравнимъ съ тѣмъ, что говоритъ Д. Миладиновъ про Сирму. „*Мощи-те, кои тая (Сирма) водеше ѿ узнаха као девойка, кога ѿ сп скинаха петлицу-те отъ гржди-те*“. Сирмѣ было уже около восьмидесяти лѣтъ, когда она рассказывала это про себя Миладинову; слѣдовательно, самое событіе относится къ концу прошлаго столѣтія, т. е. къ тому времени, которому приписываетъ Пассовъ пѣсню о Хэдо (1792 г.). Темный намекъ конца пѣсни болѣе развитъ въ вариантѣ, озаглавленномъ у Пассова „Ἡ Διάμαντω“ (N CLXXVI, 131; Kind: Μνημος. N 3, 5; Εὐλ. ¹⁾ 30; Thomas, III, 161). Діаманто, узнанная клефтикомъ, предлагаетъ ему сдѣлаться ея названнымъ сыномъ, сулитъ ему дамасскую саблю и золотое ружье, лишь бы только тотъ молчалъ.

„Μὲν θέλω σὲ γυναικὰ μου καὶ νὰ μὲ πάρης ἀντρα“, отвѣчаетъ клефтикъ. Тогда дѣвушка схватываетъ его за волосы и

¹⁾ Г. Εὐλαμπίου, Ὁ Ἀμάραντος, ἦτοι τὰ ῥόδα τῆς ἀναγεννηθείσης Ἑλλάδος. Πετροῦπολις, 1843.

бросаетъ на землю; онъ проситъ пощады, обѣщаясь быть ея названнымъ сыномъ и вѣрно ей служить ¹⁾).

Еще далѣе идетъ развитіе разбираемаго мотива въ пѣснѣ „Н Κλεφτόπουλα“ (Раз. N CLXXIV, 130; Σχιν. cfr. T. 161; Ζαμπ. 684, 110; Kind, Anth. N XXII, 52). Дѣвушка схватываетъ за волосы клефтика, бросаетъ его на землю и наноситъ ему саблей тяжелый ударъ въ плечо. Дѣвушка-клефтъ узнаетъ въ юношѣ своего брата и несетъ его къ врачу.

„Γιατρὲ ποῦ γιάτρεψες πολλοὺς νεκροὺς κ' ἀποθαμένους.

Γιάτρεψ' τὸν ἀδερφοῦλῃ μου, τὰ μάτια καὶ τὸ φῶς μου,

Ποῦ γ'ὼ γι' αὐτῆνον ἔκαμα δώδεκα χρόνους Κλέφτης“.

О докторъ, говоритъ она, ты излѣчилъ много мертвыхъ; вылѣчи и брата моего, свѣтъ очей моихъ, ради котораго я была двѣнадцать лѣтъ Клефтомъ. Раненый умираетъ и дѣвушка убиваетъ себя.

Легко замѣтить, что послѣдняя пѣсня, представляющаяся намъ болѣе полнымъ развитіемъ типа новогреческихъ варіантовъ, составлена изъ двухъ мотивовъ: дѣвушка дѣлается клефтомъ, подобно тому, какъ въ болгарскихъ пѣсняхъ она была гайдукомъ; въ воинскихъ играхъ она превосходитъ своихъ товарищей. Это и есть собственно основа пѣсенъ о дѣвушкѣ-воинѣ, о дѣвушкѣ-гайдукѣ или о дѣвушкѣ-клефтѣ; на ней и построены разобранные нами выше болгарскія пѣсни; изъ болгарскихъ пѣсенъ этотъ мотивъ перенесенъ въ новогреческія, привязавшіяся къ событіямъ геройской борьбы Суліотовъ съ Турками.

Второй мотивъ — дѣвушка дѣлается клефтомъ вмѣсто брата, враждебная встрѣча съ нимъ — вполетенъ въ составъ пѣсни о дѣвушкѣ-клефтѣ со стороны: въ немъ намъ слышится отзвукъ иныхъ пѣсенныхъ схемъ, дошедшихъ до слуха составителей новогреческихъ пѣсенъ въ сильно измѣненномъ видѣ. Очень можетъ быть, что замѣна брата сестрою греческихъ пѣсенъ окажется ничѣмъ инымъ, какъ лишь приспособленіемъ извѣстнаго пѣсеннаго мотива, по которому дочь замѣняетъ на войнѣ отца. Такимъ образомъ и этотъ мотивъ попалъ въ греческія пѣсни изъ болгарскихъ, гдѣ онъ у себя дома, что можно выводить изъ естественности и непринужденности пѣсенъ, его развивающихъ, между тѣмъ какъ въ греческихъ онъ притянутъ насильственно къ самостоятельному мотиву, благодаря случайности, обнаружившей полъ дѣвушки-клефта.

¹⁾ M. de Marcellus, Chants du peuple en Grèce. Paris 1851. I, стр. 320, приводитъ такую же пѣсню и думаетъ доказывать несомнѣнность ея греческаго происхожденія тѣмъ, что ему удалось лично видѣть въ Константинополѣ переодѣтую гречанку.

Самостоятельное существованіе пѣсеннаго мотива о дѣвушкѣ-клефтѣ и выдавшей ея полѣ случайности подтверждается пѣснью у Томмазо „la guerriera“ ¹⁾. Она сообщена здѣсь въ итальянскомъ переводѣ; къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, гдѣ она записана собирателемъ ²⁾. Текстъ ея въ переводѣ слѣдующій:

Chi vide di notte sole, stelle di mezzodi?
Chi vide giovane bella insieme co' clefti?
Tre giorni porta le armi, come gli altri podi:
Nessun la conosceva, nessun la conosce
E un dì di domenica, un solenne dì,
Uscirono a giocar di spada, a gittar la pietra.
E la donzella dal troppo stringersi e dal molto sforzo,
Ruppesi il suo cordone, e parve la sua mammella.
Altri lo dicono oro, altri una piastra d'argento“.

Въ этомъ видѣ пѣсня кажется намъ не отрывкомъ, какъ полагаютъ Антоновичъ и Драгомановъ, а самостоятельнымъ и цѣльнымъ пѣсеннымъ мотивомъ, входящимъ часто въ связь съ другими сюжетами, какъ то мы наблюдали въ новогреческихъ пѣсняхъ и какъ еще увидимъ въ болгарскихъ. Самый образъ дѣвушки-клефта на греческой почвѣ вовсе не такъ естественъ, какъ думаютъ помянутые ученые: дѣвушка-клефтъ въ теченіи трехъ дней, какъ говорится въ только что приведенной пѣснѣ, далеко не соответствуетъ дѣйствительности. Мы видимъ здѣсь лишь литературный отголосокъ какой то далекой, а, быть можетъ, и чужой жизни.

Объ этнографическомъ родствѣ Суліотовъ съ Болгарами мы уже упоминали. Энергія и предприимчивость ихъ женщины вполне соответствуютъ такимъ же качествамъ Болгарокъ ³⁾. Въ пѣсняхъ Суліотовъ попадаются черты чисто славянскихъ обычаевъ, въ родѣ напр. стрѣльбы во время свадьбы ⁴⁾. Такъ пѣсня „Η Δέσπω“ (Pass. CCXIV, стр. 157; Faur. I, 301; Ζαμπ. 686, 114; Kind, Anth. VI, 14) причисляемая Пассовымъ къ числу историческихъ,

¹⁾ N. Tommaseo, *Canti popolari toscani, corsi, illirici, greci*. Venezia IV т. 1841—1842. III, стр. 78.

²⁾ Съ нѣкоторыми измѣненіями пѣсня поется въ Эпирѣ и въ Загорьи: П. 'Αραβαντίου, Συλλογὴ δημῶδων ἀσματῶν τῆς Ἠπείρου. 1880. Стр. 105—106, N 123.

³⁾ Kanitz, *Donau-Bulgarien u. der Balkan*, I. 1875, стр. 49—50.

⁴⁾ Стрѣльбу во время свадьбы считаютъ славянскимъ обычаемъ: Sanders, *Das Volksleben der Neugriechen* (1844), 319; Talvj, *Volkslieder der Serben* I, 1835, 81. 100; II, IX и XIV.

сложившихся будто бы около 1804 года, начинается слѣдующимъ запѣвомъ:

„Αχὸς βαρὺς ἀκούεται, πολλὰ τουφέκια πέφτουν.

Μῆνα σὲ γάμο ρίχνονται, μ'να σὲ χαροκόπι“; —

„Οὐδὲ σὲ γάμο ρίχνονται κι' οὐδὲ σὲ χαροκόπι.

Ἡ Λέσπω κάνει πόλεμο μὲ νύφαις καὶ μ' ἀγγόνια“.

Слышится страшный шумъ, раздается множество ружейныхъ выстрѣловъ. Устраивается ли это свадьба или торжественный праздникъ? Это не свадьба и не праздникъ; это Деспо сражается, и съ нею ея племянницы и внуки.

Если вѣрно мнѣніе Сандерса и Тальви, то происхождение Суліотовъ отъ Болгаръ находить свое подтвержденіе и со стороны обычаевъ. Какъ бы то ни было, но держась строго почвы пѣсеннаго матеріала, намъ кажется несомнѣннымъ происхождение разобранныхъ греческихъ пѣсень отъ болгарскихъ ¹⁾: типъ дѣвушки-воина найдетъ еще свое дальнѣйшее развитіе въ пѣсняхъ этого рода.

Мы, именно, имѣемъ въ виду весьма интересную болгарскую пѣсню, которая, по нашему мнѣнію, занимаетъ срединное положеніе между двумя фазами развитія того же самаго эпического типа. Мы видѣли, какъ типъ воинственной женщины, выдвинутый суровыми условіями жизни южнаго славянства, постепенно дѣлался предметомъ поэтическаго творчества. Народное воображеніе строго держалось условій дѣйствительнаго быта, и образы, созданные имъ, полны жизненной правды и естественной постановки. Пѣсни, разработавшія этотъ типъ, скорѣе могутъ быть причислены къ области исторіи, чѣмъ поэзіи: до такой степени онѣ вѣрно передаютъ обстановку событій. Цѣлый кругъ пѣсень касался лишь факта, что дѣвушка или женщина сражалась подобно мужчинамъ. Къ этому кругу примыкаетъ другой рядъ пѣсень съ болѣе сложнымъ мотивомъ, не выходящимъ однако изъ сферы реальной жизни. Лишь впоследствии, когда факты, породившіе пѣсню, забылись, когда воспѣваемая дѣйствительность на столько отступила назадъ, что сдѣлалась исключительно достояніемъ пѣсни, фантазія поэта развиваетъ мотивъ съ цѣлями чисто литературными.

²⁾ Anton Jeannarakі (Kretas Volkslieder, Leip. 1876, стр. 225, N 288) сообщаетъ критскую пѣснь: Ἡ λυγερὴ κλέφτης. Ядро ея тоже самое, что и въ вышеприведенной пѣснѣ у Томмазо, лишь начало и конецъ приспособлены къ чуждой обстановкѣ. Клефтикъ, узнавшій дѣвушку, говорить: „Мы разбойники, наши повелители корсары; мы поражали Турокъ и самый Критъ дрожитъ предъ нами, — и вотъ прекрасная дѣвушка явилась смѣяться надъ нами!“ Самъ Яннараки (l. c. 166) признаетъ, что пѣснь о Клефтѣ занесена на Критъ.

Въ своей первичной чистотѣ схема второго круга пѣсенъ дана въ болгарскомъ изводѣ „Мирчѣ и Бояна“, заимствованномъ Безсоновымъ (N XXVІІ, стр. 135) изъ сборника Катранова и Вальтмана. Содержаніе ея слѣдующее:

„Дѣ са ѱ чюло, видѣло,
Мома войвода да бжде,
Като ми мома Боина?“

Подобнымъ же вопросомъ удивленія начинались, какъ мы видѣли, и болѣе образныя въ этомъ случаѣ пѣсни греческія:

„Ποιὸς εἶδε φάρι σὲ βουὸν καὶ ἐλάφι σὲ λιμνὴν;
Ποιὸς εἶδε κὼρ ἀνύπαντρη μέσα στὰ παλληχάρια;
тѣмъ онѣ значительно ближе стоятъ къ пѣснямъ сербскимъ, гдѣ сравненія и уподобленія развиты до высокой степени.

Девять лѣтъ Бояна водила юнацкую дружину; на десятый вышла замужъ за молодого воеводу, Мирча и принесла ему большое приданое. Мирче устроилъ для Бояны тонкую серебряную пряжку и хорошее золотое веретено, съ тѣмъ чтобы она

„Тѣнки дарове да преде,
Юнаци да си дарува“.

Бояна осталась дома, а Мирче ушелъ въ горы. Тамъ его схватили Турки, связали ему руки назадъ, надѣли на шею цѣпь, а на ноги желѣза и повели въ Тырновъ. По дорогѣ они встрѣтили кушцовъ; Мирче и проситъ ихъ сообщить поскорѣе о постигшемъ его несчастіи Боянѣ. Тѣ такъ и сдѣлали, говоря:

„Боино, млада войводо!	Да му главж-тж отрѣжжѣтъ.
Мирчи си Турци хванжжѣ	Иа стани, та си Турци-тъ
И го въ Тырновъ каражжѣ,	Сръшши и Мирча отрѣви“

Трудно не замѣтить, съ какою естественностью и простотою развивается дѣйствіе: несомнѣнно, пѣсня отражаетъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, живую дѣйствительность; бытовая окраска содержанія превосходна; почва, на которой строится рассказъ, чисто народная, не прикрашенная еще вымысломъ или фантазіей пѣвца.

Услышавъ о несчастіи мужа, Бояна

„Облѣче мжжжж примѣнжжѣ,	Забучи чивте пиштовѣ,
Припаса саблжжж фрѣнгжжѣ.	И зѣма пушжжж бойлижжж“.

Догнавъ Турокъ, она издали кланяется имъ, вблизи привѣтствуетъ ихъ. Турки приглашаютъ ее съ собою пить и ѣсть. Не ѣсть и не пить съ вами пришла я сюда, отвѣчаетъ Бояна, но боемъ биться. Пока Турки спохватились, она ихъ перебила и освободила Мирча.

Вотъ въ какой несложной формѣ представляется намъ все содержаніе пѣсни: оно состоитъ изъ двухъ моментовъ, — въ первомъ является извѣстный уже намъ типъ дѣвушки-гайдука, дѣвушки-воеводы; во второмъ — новый элементъ рассказа, освобожденіе мужа

женою. Первой половиной своего содержанія пѣсня о „Мирче и Боянѣ“ тѣсно примыкаетъ къ разобраннымъ нами отдѣламъ пѣсенъ бытовыхъ и отчасти историческихъ; вторую же она связывается съ новымъ кругомъ пѣсенъ, къ которому мы теперь и перейдемъ. Замѣтимъ предварительно, что только-что разобранныя пѣсни могутъ быть приняты за простѣйшую и, по всей вѣроятности, первоначальную схему всѣхъ тѣхъ изводовъ, съ которыми мы будемъ имѣть дѣло. Схема эта принимаетъ такую форму:

- а) воинственная женщина—жена или сестра;
- б) мужъ или братъ попадаютъ въ неволю;
- с) прямой освободительницей заключеннаго оказывается жена или сестра.

По такой формулѣ выработалось довольно значительное количество пѣсенъ; нѣкоторыя изъ нихъ удерживаютъ еще этотъ общій типъ, другія же видоизмѣняютъ его вплетеніемъ въ разсказъ новыхъ мотивовъ, воспользовавшись какой либо аналогіей или намекомъ для сведенія совершенно различныхъ, независимо и самостоятельно существовавшихъ прежде пѣсенныхъ или сказочныхъ сюжетовъ.

III.

Сестра освобождаетъ брата, жена — мужа.

Смѣемъ надѣяться, что существованіе въ болгарско-сербскомъ народѣ типа энергичной, предприимчивой и способной къ войнѣ дѣвушки или женщины послѣ разобранныхъ выше пѣсенъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Присутствіе въ обществѣ такихъ личностей и ихъ выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ событій подвиги породили собою пѣсни, передававшіяся изъ устъ въ уста, быть можетъ, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Пѣсни эти были весьма не сложны, по большей части очень кратки, вполне реальнаго содержанія и крайне простой композиціи: въ нихъ сообщалось лишь о голомъ фактѣ, что дѣвушка дѣлается или гайдукомъ, или воеводой, или защитницей Сули, оставаясь при этомъ или въ своемъ обыкновенномъ платьѣ, или чаще переодѣваясь мужчиной; что она ловко стрѣляетъ, далеко бросаетъ камнемъ, совершаетъ удивительные прыжки; что она превосходитъ удалствомъ мужчинъ, грабитъ караваны и геройски переноситъ всѣ лишения суровой гайдуческой жизни въ темныхъ ущеліяхъ Балканъ ¹⁾. Всѣ эти пѣсни составляютъ продуктъ безыскусственного творчества народной массы; въ нихъ отразилась настоящая жизнь со всею своею суровостью, наложившею печать на самую поэзію; мысль и поэтическое вдохновеніе, породившія эти пѣсни, не заимствовали своихъ сравненій, формъ и оборотовъ рѣчи, разныхъ положеній дѣйствующихъ лицъ и мотивовъ откуда либо извнѣ, изъ готоваго запаса литературнаго матеріала: все необходимое для творчества было такъ просто, несложно, что въ изобиліи находилось у себя, на дикихъ горахъ, въ темныхъ ущеліяхъ, коренясь въ родномъ языкѣ, въ родныхъ понятіяхъ и условіяхъ жизни.

¹⁾ Политическое и бытовое значеніе гайдучества опредѣляется съ разныхъ точекъ зрѣнія въ слѣдующихъ работахъ: А. Н. Пытина, Герцеговинскіе гайдуки сто лѣтъ назадъ. Вѣст. Евр. 1877, Іюнь. *Его же*, Болгарія и Болгары передъ войною. I. Болгарское гайдучество. Вѣст. Евр. 1878, Мартъ. *Georg Rosen*, Die Balkan-Haiduken. Ein Beitrag zur innere Geschichte des Slawenthums. Leipzig 1878. На участіе женщинъ въ предпріятіяхъ болгарскихъ гайдуковъ указано Дозономъ: *Aug. Dozon*, Български народни пѣсни. Paris 1875.

На той же почвѣ среди сербской народности выработался особый отдѣлъ пѣсенъ, развившихъ нѣсколько иной мотивъ. Мы уже замѣтили, какъ крѣпки были узы, связывавшія тѣсной дружбой братьевъ съ сестрами у Сербовъ. Мы видѣли, что сестра часто сопровождала брата въ опасныхъ предпріятіяхъ гайдучества. Надо полагать, что въ случаѣ несчастія съ братомъ сестра оказывалась самой энергичной и самой преданной его защитницей, точно также какъ братъ заботился объ ея участи во время дѣвчества и принималъ или отвергалъ просьбы искателей ея руки. Изъ такихъ нравственныхъ отношеній между братьями и сестрами возникъ мотивъ, положенный въ основу цѣлаго ряда пѣсенъ, именно: освобожденіе брата сестрою. Разсмотримъ принадлежащіе сюда варианты.

Начнемъ съ поэтической пѣсни „Braća Jakšići“ ¹⁾, приведя ея превосходный запѣвъ:

„Zresla su mi dva borja rumena,
I med njima jelvica zelena.
Nisu ono dva borja rumena,
Ni med njima jelvica zelena,
Neg su ono dva brata Jakšića
I med njima sele Mandalina“.

Братья отказывали всѣмъ, кто просилъ у нихъ руки ихъ сестры. Посватался за нее Паша изъ Новога, но и тотъ получилъ отказъ. Разгнѣванный, онъ приказываетъ слугамъ своимъ схватить братьевъ Якшичей, когда тѣ отправятся въ троянскій городъ купить для сестры желтаго бегома ²⁾ и червонаго шелку. Схвативъ ихъ,

„On jih meće u tamnicu skuru
Do kolina u vodu smrdeću,
U vodi su zmije i okrapī, (скорпионы)
Zmije kolju, a okrapī pale“.

Три дня братья не пили и не ѣли. На четвертый пришелъ къ нимъ Паша изъ Новога и объявилъ, что на слѣдующій день собирается жениться и веселья ради велитъ ихъ повѣсить. Тогда узники

„Pervi riže krilo od košulje,
Drugi toči krv iz desne ruke
Pak napišu jednu knjigu bilu“,

и послали сестрѣ, прося продать все, что есть у нихъ, и выкупить ихъ изъ неволи. Получивъ письмо, сестра

Obuče se kano muška glava,
Sedla konja brajna starijega,

¹⁾ Hrvatske Narodne pjesme što se pjevaju u Istri i na Kvarnerskich otocih, перепеч. изъ „Naše Sloge“. Trst 1880. N XXI, стр. 57.

²⁾ Значеніе слова неизвѣстно, Rječnik Daničića.

Paše čordu brajna starijega,
Ona grede u Pašinu kortu“.

Явившись къ Пашѣ, она объявила себя посломъ Алнѣ-бега и потребовала отъ его имени выдачи заключенныхъ братьевъ. Паша испугался и далъ ключи отъ темницы. Открывъ ворота, она закрыла тонкимъ женскимъ голосомъ:

„Biži, roblje, kuda koji moreš,
A dva brajna uzame na konja!“

Услышавъ это, паша ударилъ рукой по колѣну такъ сильно, что перстень лопнулъ на рукѣ и на четверть подалось тѣло подъ колѣномъ: ему было досадно быть обманутымъ женщиной:

„Nigdar spaša ni velika vraga,
Gdi me ženska privarila mlada!“

Пѣсня эта записана въ Промонтурѣ и явно носитъ на себѣ слѣды итальянскаго вліянія, какъ въ языкѣ, такъ и въ описаніи тюремной обстановки: лишь страшные казематы Венеціи могли внушить подобную картину. Основа же и духъ пѣсни кажутся намъ чисто славянскими, народно-бытовыми; дальнѣйшее движеніе такого мотива на западъ намъ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно, между тѣмъ какъ на востокѣ, въ предѣлахъ славянскихъ народовъ, онъ получилъ широкое распространеніе.

Обратимся теперь къ пѣснѣ „Рашковић Божо и сестра му“, напечатанной у Богичича (N 98, стр. 268). Содержаніе ея слѣдующее:

„Гдје је синоћ заходило сунце,
Ту су робје на откупѣ давали;
Ал' не даду Рашковића Божа,
Честитом га поклонили цару“.

Царь передалъ юнака своему визирю. Визирь склоняетъ Рашковича потурчиться, обѣщая за это половину своихъ Адрианопольскихъ владѣній и половину своихъ богатствъ. Встрѣтивъ отказъ, онъ бросаетъ плѣнника въ темницу и держитъ его тамъ девять лѣтъ. На десятый предлагаетъ ему откупиться, требуя три блага:

„Једно добро — бритка Ћорда твоја,
Што ном удреш, преболет' не може;
Друго добро — вранац коњиц добар,
Што потјера, побигнут' му не море;
Треће добро — сестра блогогла,
Кад с ном радо пијеш вино рујно,
Види јом се кроз гролице винце!“

Услышавъ о такомъ требованіи, съ воплемъ кинулся Рашковичъ въ глубь темницы. Изнемогши отъ страданій, онъ, наконецъ, пишетъ сестрѣ письмо не черными чернилами, а кровью изъ своего моло-

децкаго лица, сообщая ей о предложеніи визири. Письмо свое кон-
чаетъ такъ:

„Ал' знат' ми се не опростит' сужнице,
Ни тамнице куће баш проклете,
Не дам тебе за живота мога,
Да си тужна робиница турска“.

Сестра читаетъ письмо и плачетъ. Старая мать спрашиваетъ, отъ
кого такое жалостливое письмо и прокликаетъ писавшаго:

„Бог убио и ко је је писао!“

Не кляни мать, замѣчаетъ дѣвушка, это пишетъ мой несчастный
братъ, измученный тяжелыми страданіями въ турецкой неволѣ. За-
тѣмъ она проситъ мать:

„Дај то мени од'јело брата мога,
Дај ми сабљу брата мога,
Оседла' ми вранца големога,
Дај ми бојно копје коштаново,
Да ја пођем у Једрену б'јелу,
Једа, мајко, Бог и срећа даде,
Да опростим брата рођенога,
Из тамнице ис куће проклете“.

Переодѣвшись юнакомъ, она,

„Како звизда прико видра неба“,
понеслась къ бѣлой Едрени, ко двору визири. Слуги визири хотѣли
принять у нея коня, но она

„Везиреве слуге удараше
Са коница тепшим буздоханом.
Будгод добар јунак удараше,
Свуд се прна крвца прол'јеваше“.

Дѣвушка кричитъ къ визиру, чтобы тотъ самъ сошелъ принять
у нея коня: того требуетъ будто царскій указъ, съ которымъ она
явилась. Когда визиръ сошелъ на дворъ, она схватила его за бѣ-
лыя руки, скрутила ихъ ему назадъ и привязала ко хвосту своего
добраго коня,

„Пак га бије троструком канджијом.
Колико га бије милостиво,
Онуд прна крвца прол'јеваше.
Цвили везир како змија лута“.

Отъ имени царя она требуетъ выдачи плѣнника Рошковича Божо, да
сверхъ того добраго коня, полное вооруженіе и еще тридцать луч-
шихъ воиновъ, которые бы провожали ихъ въ Стамбулъ. Жена ви-
зири выпускаетъ изъ темницы заключеннаго и готовить все требуе-
мое. Когда Рашковичъ вышелъ изъ тюрьмы:

„Нокти му су као у сокола,

Црна брада до појаса,
Косе јунак простире пода се“.

Три цырюльника привели въ порядокъ внѣшность узника. Ему приказано было сѣсть на лошадь и когда они были уже въ горахъ, сестра тихо заговорила къ брату:

„Ах борја ти, Рашковић Божо!
Имаш кога од твојега рода?“

Со стономъ братъ отвѣчаетъ, что есть у него старуха мать и родная сестра.

„Би л’ умно познати рођену сестрицу?“
спросила сестра и не удержалась при этомъ вопросѣ отъ слезъ. Тутъ Рашковичъ узналъ свою освободительницу, полученнымъ изъ ея рукъ оружіемъ отсѣкъ головы тридцати турецкимъ воинамъ и хотѣлъ убить самого визиря; но сестра удержала его, говоря:

„Не с’јеци главу, мило моје добро!
Одс’јеци нему обје руке у раменихъ,
Пусти неѣа грдна на трагове,
Нек се хвали по Једрени везиръ,
Каква птица соколу у руке упала,
Све залуду, кад је перушат’ не умјече“.

Тотъ же самый мотивъ развивается съ нѣкоторыми особенностями въ другой пѣснѣ (Богишичъ N 99, стр. 275), изъ которой мы выберемъ болѣе интересныя отклоненія отъ общаго типа. Чендичъ Алай-бегъ плѣнилъ Райковича Божо и не желаетъ дать его на выкупъ, пока вдоволь не наглядится на его сестру и жену. Сестра собирается ѣхать освободить брата и говорить своей невѣстѣ при готовитъ братнее знамя, а также

„Вучју капу и крила орлова,
И на руке златну хамајлију“ (талисманъ).

Когда дѣвушка въ воинскомъ одѣяніи сѣла на коня и надѣла на руку золотой амулетъ,

„Из уста јом модар пламен поче,
Из очију бити жеравица“.

Въ такомъ грозномъ видѣ она очутилась на дворѣ у Чендича, который въ то время спалъ. Жена въ испугѣ будить его, говоря:

„Устан’ гори, зао сан заспао“;

къ намъ пріѣхалъ чудный юнакъ и требуетъ, чтобы ты принялъ отъ него коня. Но конь подбилъ подъ себя Чендича, когда тотъ приблизился къ нему; сестра Райковича потребовала ключей отъ темницы и, выпустивъ плѣнныхъ, увела съ собой брата и Чендича. Въ горахъ она спросила брата, не признаетъ ли онъ какихъ либо вещей своими? Тотъ узналъ и коня, и саблю, и знамя, и волчью шапку съ орлиными крыльцами. Приблизившись къ дому, она

снова пытается, чьи это дома? Дома то мои, отвѣчаетъ братъ, но, должно быть, пустыя: я не знаю,

*„Је ли мени у животу селе,
Која ми је војску војевала,
А и са мнош браћом добавила“.*

Тутъ только сестра открылась брату. Узнавъ въ своемъ побѣдителя женщину, Чендичъ Алай-бегъ громко началъ жаловаться, говоря:

*„Вараше ме Турци и Каури,
Нико мене преварит' не може,
Што данаске селе Рајковића“.*

Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ легко замѣтить три главные момента дѣйствія: братъ попадаетъ въ тяжкую неволю; сестра узнаетъ объ этомъ, переодѣвается воиницею и освобождаетъ его; обманутый непріятель жалуется больше всего о томъ, что его обманула женщина.

Послѣднія двѣ пѣсни выписаны Богичичемъ изъ Дубровницкой рукописи (находится въ Дубровникѣ въ монастырѣ „Мале Браће“ N 24), писанной въ третьей четверти XVIII в. (1758 г.); но нѣкоторыя пѣсни (какъ N 98) записаны гораздо раньше и притомъ разными собирателями изъ устъ народа ¹⁾. Разобранная нами пѣсня „Рашковичъ Божо и сестра му“ записана Джуромъ Матеи Дубровчаниномъ, умершимъ въ Римѣ въ 1728 году, такимъ образомъ существованіе ея уже въ той формѣ, въ какой она дошла до насъ, можно отнести къ первой четверти XVIII ст.

По той же самой схемѣ построенъ довольно значительный кругъ пѣсенъ, въ которыхъ роль сестры заключеннаго витязя исполняется женой. Отклоненія въ подобныхъ пѣсняхъ отъ общаго типа вообще весьма незначительны и вызываются или мѣстными условіями, гдѣ опѣ поются, или же психологическими причинами, заставившими пѣвца удѣлить большее или меньшее вниманіе тому или другому моменту въ развитіи дѣйствія. Замѣтимъ вкратцѣ, что въ болгарскихъ пѣсняхъ героиней разсказа, освободительницей узника, исключительно выставляется его жена; въ сербскихъ же по большей части сестра. Такая, повидимому, незначительная черта лежитъ несомнѣнно въ народной психикѣ, получившей у двухъ сосѣднихъ и родственныхъ племенъ пѣсколько различное развитіе: у одного первенствующее значеніе въ семьѣ приобрѣла сестра, у другаго — жена.

Обратимся къ разбору такого рода пѣсенъ. У Вука (III, N 49, стр. 348) въ первый разъ напечатанъ вариантъ „Луба хайдукъ-Ву-

¹⁾ Ср. Богичичъ, Пјесме стр. 126—137.

косава“. Содержаніе его таково: Молодой турокъ Бончичъ Алиле изъ кровавой Удбиньи отправился въ горы на охоту

„И он узе слуге и левере

И поведе хрте и огаре“.

Три дня охота была безуспѣшна: на четвертый около полудня схватилъ онъ гайдука Вукосава изъ Приморья богатаго и бросилъ его въ темницу. Три года томился узникъ въ заключеніи; наконецъ, пишетъ письмо матери и женѣ:

„Стара мајко, не надај се у ме,

Вјерна лубо, преудаји ми се“.

Когда письмо пришло въ Приморье, заплакали и сестра, и мать; громко засмѣялась жена. Тотчасъ бросилась она къ цырюльнику, прося его:

„Богом брате, Михате бембере!

Обриј мене русу косу с главе,

Остави ми делијнске перчине“ (чубъ);

одѣлась затѣмъ дивнымъ воинномъ:

„Обукла је ковчали чакшире“ (штаны)

... „Па обуче токе позлаћене (кпраса),

Опаса се мукадем-појасом“,

... „Па оседла кона дебелого,

Седла га седлом сребријем,

Па га покри чохом до колена“,

... „Пригнру га суром међедином,

Заузда га ђемом од челика“; ...

и сѣвши на коня, она

„А довати тешку топузину,

Па ми топуз у висине баца,

А вата га у бијеле руке;

Нагна кона низ чаршију млада,

Удара га десном бакрачлијом (стрема),

Колико ми скаче полагаано,

Испод ногу камен измијеће“.

Точно такое же изображеніе богатырской игры и удали встрѣчаемъ и въ русской былинѣ „Илья Муромецъ и дочь его“:

„Какъ-то ѣздитъ полянищо въ чистомъ поли;

И она ѣздитъ поляница по чисту полю

На добромъ кони на богатырскоѣмъ,

Она шуточки-ты шутить не великіи,

А ѿ кидаетъ она палицу булатную

А ѿ подъ облаку да подъ ходячую,

На добромъ кони она да вѣдь подѣзживатьъ,

А ѿ одною рѣкой палицу подхватыватъ,

Какъ перомъ-то лебединымъ поигрывать,
А й такъ эту палицу булатную подкидывать“.

Гильф. стр. 463.

Въ такомъ грозномъ видѣ жена гайдука Вукосава остановилась на дворѣ Боничича Алии. Она объявляетъ себя царскимъ посланцомъ, бьетъ палицей Боничича и требуетъ приготовить для себя роскошный ужинъ. На слѣдующее утро, выпустивъ изъ темницы Вукосава, она

„Удари га топузином тешкомъ,
Удари га и два и три пута,
Да се како не омисле Турци“.

Боничичъ-Алиле предложилъ неизвѣстному витязю коня, оружіе и деньги, лишь бы только его самого не вели въ Стамбулъ. Отъѣхавъ далеко отъ дома Боничича, жена спрашиваетъ мужа, узнаетъ ли онъ свое оружіе? Оружіе свое онъ призналъ, но жены нѣтъ, пока та сама ему не открылась. Напослѣдокъ она говоритъ:

„Но опрости оне топузине,
Е сам многе ноге осветила“.

Еще далѣе на западъ, въ Истрии, въ Добрини поется пѣсня съ такимъ же содержаніемъ: „Aršiceva ljuba“ (изъ Naše Sloge N XI). Аршичъ попался въ плѣнъ; визирь заключилъ его въ темницу, гдѣ онъ страдалъ девять лѣтъ. Однажды стонетъ юнакъ и жалобно поетъ:

„Da s' nečudi svojoj staroj majci,
Neg se čudi vernoj ljubci svojoj,
Ka ga neće na odkupu dati“.

Ласточка услышала его стонъ и жалобу и передала о томъ его женѣ. Та, переодѣвшись воинномъ, явилась ко двору царя, вызвала его на поединокъ, отрубила ему голову и освободила всѣхъ заключенныхъ. Проѣзжая съ мужемъ по полю, она его спрашиваетъ:

„Bil ti poznal vrana konja svoga?“

Тотъ не узнаетъ.

„Bil ti poznal svoju kapu s' perjem? . . .

. . . „Bil ti poznal svoju ljubu vernu?“

Тотъ ничего не призналъ. Взмахнувъ саблей, она слегка ударила мужа по плечу, говоря:

„Mi smo dragi jedinoga roda!
Š ljubcom jašeš, ti ju ne poznaješ!“

Въ болгарской пѣснѣ „Тиланъ“ (Безс. VII, 51), записанной Венелинымъ отъ выходцевъ болгарскихъ, повидимому, въ Одессѣ, рассказъ значительно осложненъ введеніемъ въ дѣйствіе роли матери заключеннаго. Соотвѣтственно политическимъ отношеніямъ позднѣйшаго времени видоизмѣненъ также и запѣвъ: въ немъ слѣдую-

щимъ образомъ опредѣляется причина обрушившейся на Тилана невзгоды:

„Тилана ми сж бѣдж бѣдили
И сж го окривили,
На Цариграда го закарали
Въ цареграшки-тѣ тъмници“.

Тамъ онъ оставался цѣлыхъ девять лѣтъ, такъ что

„Коса му не въ земли зарасла,
Въ косж му зѣми мжтѣхж“.

Мать Тилана, долго не зная ничего про сына, зажгла восковую свѣчу, поставила ее передъ иконой и усердно просила Бога превратить ее въ какую либо птичку, чтобы летѣть къ сыну и посмотреть, гдѣ онъ и живъ ли онъ? Господь превратилъ ее въ „сиву-бѣлу голубушку“. Прилетѣвъ въ Царьградъ, голубка опустилась на темницу, въ которой томился Тиланъ, застонала и заплакала. Слезы ея упали на мраморъ, проточили камень и, проникнувъ въ темницу, капнули на длинную косу заключеннаго.

„Дали сж силни снѣгове,
Или буйни дѣждове?“

спрашиваетъ Тиланъ своего стража. Тотъ вышелъ посмотреть, не сильные ли снѣга падаютъ или проливные дожди, и увидѣлъ голубку. Сынъ узналъ въ ней свою мать и послалъ чрезъ нее такой советъ женѣ своей Петканѣ:

„Кънджийско фирмане да испише,
И на мое-то храниено конче да сж качи,
И бостанджийски дрѣхѣ да облѣче ¹⁾,
Моѣж-тж тънкж сабѣж добрѣ да припаше,
Моѣж тънкж пушкж бойликж,
Мой-тѣ чифте пиштове гюмюшлимини“ (серебряные).

Въ полномъ военномъ вооруженіи съ подложнымъ султанскимъ фирманомъ Петкана появилась въ темницѣ, гдѣ заключенъ былъ ея мужъ и потребовала отъ стражниковъ его выдачи съ тѣмъ будто бы, что ей приказано отрубить ему голову. Получивъ узника, она повела его къ цирюльникамъ и просила трехъ изъ нихъ остричь слишкомъ длинные волосы Тилана, какъ бы готова его къ смерти; затѣмъ посадила его къ себѣ на лошадь и умчала домой.

Тѣмъ же характеромъ растянутости и нѣкоторой неестественности, какъ и двѣ только что разобранныя пѣсни, отличается и другой болгарскій вариантъ „Ржковити Богданъ“ (Безс. N 2, стр. 19),

¹⁾ Отдѣлъ крджалиевъ или жандармовъ, называвшихся по имени начальника своего Бостанджии. Какъ нарицательное, это послѣднее обозначаетъ сторожа огорода или сада.

напечатанный впервые у Богоева. По изложенію безошибочно можно предположить, что мотивъ пѣсни далеко ушелъ уже отъ своего первообраза: на немъ замѣтны значительные осадки индивидуальнаго творчества, придавшаго частностямъ иной оттѣнокъ. Такъ Богдана не выпускаютъ изъ тюрьмы потому, что у него красавица жена: ея желаетъ завладѣть Черноморскій воевода, Никола, у котораго въ плѣну Богданъ. Въ такой, уже затемненной мотивировкѣ, благодаря посредствующимъ звѣньямъ разобранныхъ пѣсенъ, мы легко узнаемъ бытовую черту, послужившую основой варианта „Братя Якшичи“: причиной ихъ неволи было ихъ нежеланіе выдать сестру замужъ за просившаго ея руки Пашу. Въ другомъ вариантѣ „Рашковичъ Божо“ требуютъ сестру у заключеннаго въ числѣ другихъ цѣнностей какъ выкупъ за его свободу; въ новомъ изводѣ той же пѣсни (Богинъ. 99) поработоритель юнака не хочетъ и выкупа, пока не наглядится вдоволь на его сестру и жену; въ нѣкоторыхъ вариантахъ, въ которыхъ жена оказывается освободительницей попавшагося въ плѣнъ мужа, объ условіяхъ выкупа вовсе не упоминается; наконецъ, въ настоящей пѣснѣ о „Руковитомъ Богданѣ“ причиной удержанія его въ неволѣ оказывается красавица его жена, по нашему мнѣнію, замѣнившая первоначально бывшую въ такихъ условіяхъ сестру узника.

Стены Богдана были услышаны „сивымъ-бѣлымъ голубемъ“: онъ подаль заключенному свое правое крыло и тотъ написалъ на немъ письмо своей женѣ, Ангелинѣ. Голубъ прилетѣлъ къ ней, когда она работала на дворѣ:

„Млада булка Ангелина равни двори мете,
И хубавъ, личнъ пѣснъ пѣе.
И паднѣла перка отъ крыло“.

Прочитавъ на голубиномъ перышкѣ письмо мужа, Ангелина проситъ своего деверя обрѣзать ей косы и затѣмъ переодѣвается воинномъ. Въ этомъ мѣстѣ болгарскій изводъ вполне соответствуетъ сербскому „Љуба хајдух-Вукосава“: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ переодѣвшаяся женщина спрашиваетъ деверя (въ сербскомъ побратима), похожа ли она на витязя? Послѣ утвердительнаго отвѣта она пускается въ путь.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣйствія также замѣтны слѣды подновленія: если въ предшествовавшей пѣснѣ былъ пущенъ въ оборотъ подложный султанскій фирманъ, требовавшій выдачи заключеннаго, то въ послѣдней прибѣгли къ вымышленной амнистіи, объявленной будто бы по случаю рожденія у султана дивнаго сына: ребенокъ тотчасъ послѣ рожденія началъ ходить и говорить.

Когда Богданъ вышелъ изъ темницы, Ангелина отдѣлила его

конемъ отъ прочихъ узниковъ и для виду, точно также какъ и въ сербскихъ вариантахъ,

„Съ бързо го конче тѣпчѣше,
Съ алтъненъ топузъ го биѣше,
Високо топузъ-тъ издича,
Полеичка го ударъ“

Затѣмъ, уступивъ ему свое мѣсто въ сѣдлѣ, сама помѣстилась позади и такимъ, обычнымъ на Балканскомъ полуостровѣ способомъ, они уѣхали домой.

Семь, нами разобранныхъ вариантовъ, очевидно, построены по схемѣ выше указанной болгарской пѣсни „Мирчѣ и Бояна“, послужившей для нихъ первообразомъ. Въ этой послѣдней бытовая основа первоначальной фабулы сохранена еще достаточно ясно, между тѣмъ какъ въ послѣдующихъ переработкахъ ея она постепенно затмевается мѣстными наслоениями и литературными прикрасами. Широкое распространеніе мотива, начиная отъ Истріи, по Далмаціи, Босніи и Герцеговинѣ, Македоніи и Болгаріи, до Одессы, не могло не сказаться въ характерѣ изложенія подробностей; при нѣсколькомъ освѣщеніи частныхъ можно также замѣтить отложенія понятій и условій жизни той народности, среди которой вращается вариантъ; но въ общей передачѣ разказа первоначальный типъ строго выдержанъ, и нѣтъ сомнѣнія, что всѣ указанные пѣсни одного и того же происхожденія и при томъ славянскаго.

Прежде чѣмъ послѣдовать за дальнѣйшимъ движеніемъ занимающей насъ литературной схемы, сдѣлаемъ отступленіе въ сторону и укажемъ на нѣкоторыя частныя явленія, по внѣшности какъ бы имѣющія связь съ нашей традиціей. Мы позволяемъ себѣ уклониться отъ главной своей цѣли съ мыслью еще разъ заявить о несостоятельности того приема изслѣдованія произведеній народнаго слова, по которому считается позволительнымъ ставить въ генетическую связь отдаленныя явленія на основаніи одного какого либо сходнаго признака.

Разсмотримъ чрезвычайно поэтическую хорватскую пѣсню изъ Промонтурa (Naša Sloga N I), „Kraljević Marko služi cara“. Начинается она такъ:

„Sinoć se je oženja Marko,
A jutros mu bila knjiga dodje:
Red mu dodje, da na vojsku podje!
Njemu majka žuto brašno spravlja.
Ljubi mu je košulju šikala
Zlatnom žicom, srebrnom iglicom,
Svaki punat suzicom livala,
Sva košulja u suzam plivala“.

Жена подавала Марку рубашку, а сестра пытала его: когда, дорогой братъ, будешь назадь? Тогда вернусь, отвѣчаетъ братъ,

„Kad uzrije javor jabukama,
Kad pobili perje na sokolu“.

Женщины были догадливы: онъ сокола кормили молокомъ, а яворъ поливали виномъ; черезъ девять лѣтъ на яворѣ выросли яблоки, а на соколѣ побѣляли перья; однако Марко не подаетъ о себѣ и вѣсти. Жена послала ему письмо, увѣдомляя, что время ему ужъ вернуться, такъ какъ и соколъ побѣлѣлъ и яворъ принесъ яблоки. Проходить еще годъ. Тогда сестра Марка говорить его женѣ:

„Krojimo si robu na junačku,
Sedlajmo si dva najbolja konja:
Meni Vilu a tebi Goluba“,

пойдемъ на царскій дворъ и приведемъ Марка. Царскіе стражи, замѣтивъ двухъ приближающихся юнаковъ, говорить между собою:

„Ala, bože, čuda nevidjena!
Lipe su ti dvi delije mlade.
Na pogledu kano i divojke
A na skoku kano i delije“.

Отъ слугъ переодѣтыя женщины узнали, что Марко сидитъ на верху въ свѣтлой комнатѣ съ вѣрной своей возлюбленной. Онъ вызвали его на балконъ и сообщили ему, будто бы сестра его отдана за море въ замужество, а жена его завтра выходитъ за другаго. Услышавъ такую новость, Марко оставилъ свою возлюбленную и немедленно отправился къ царю просить платы за десять лѣтъ службы. Царь задерживаетъ его обѣщаніемъ:

„Lipše sam te ljube dobavia!“
„Oj, moj care, mili gospodare!“ отвѣчаетъ Марко,
„Prva ljubav u srcu zavita
A druga je olovom polita“.

Царь награждаетъ за службу Марка и отпускаетъ его. Въ пути онъ не съ разу призналъ жену и сестру: имъ пришлось самимъ объявить себя.

Хотя въ приведенной пѣснѣ и можно замѣтить нѣкоторое сходство въ выраженіяхъ съ прежде разобранными вариантами, однако планъ композиціи здѣсь совершенно иной. Общее вѣсѣмъ этимъ произведеніямъ переодѣваніе женщины воиномъ служить лишь доказательствомъ распространенности подобнаго обычая среди южно-славянскихъ народностей. О литературной зависимости между этими произведеніями, кажется, не можетъ быть и рѣчи, подобно тому какъ и между ними и пѣсней, къ которой мы непосредственно переходимъ „Марко, Арапинъ и Марко'ица“ (Милад. N 101, стр. 147). Сущность содержанія этой пѣсни такова: устраивается состязаніе

въ питьѣ вина между Маркомъ и чернымъ Арапиномъ. Въ случаѣ проигрыша Арапинъ теряетъ голову, а Марко свою жену. Три дня и три ночи пили молодцы, не уступая другъ другу; наконецъ, Марко выпилъ чашу въ семьдесятъ окъ вина, въ которое будто бы положено было сонное зелье Арапиномъ, и богатырски заснулъ. Арапинъ и жена Марка съѣли на лошадей, и какъ вихорь понеслись добрые кони. Передъ Солунемъ Марконца надѣваетъ на себя богатое шелковое убранство съ тѣмъ будто, чтобы ея не узналъ тамъ побратимъ Марковъ, и ведетъ Арапина подъ видомъ пойманнаго злодѣя. Въ Солуни она заявляетъ гражданамъ, чтобы никто не смѣлъ убить Арапина, такъ какъ это султанскій плѣнникъ, а между тѣмъ ночью сама отрубаетъ ему голову и отъ запуганныхъ Солунянъ получаетъ большой откупъ. На обратномъ пути домой ей встрѣчается Марко, преслѣдующій Арапина; уступая ея доводамъ, онъ соглашается вернуться назадъ. Марко не узнаетъ жены. Въ этомъ мѣстѣ въ пѣсню вплетенъ эпизодъ, встрѣченный нами въ выше разобранныхъ вариантахъ: „Руковитый Богданъ“ и „Люба хайдук-Вукосава“. Марконца, сильно избивъ мужа, спрашиваетъ, узналъ ли бы онъ свою жену, если бы увидѣлъ ее? Когда ты смотришь, отвѣчаетъ тотъ, въ землю, ты похожъ, страшный витязь, на мою Марконицу; но, когда поднимешь очи къ свѣтлому небу, нѣтъ юнака грознѣе тебя. За тѣмъ слѣдуетъ признаніе, и Марко прощаетъ женѣ нанесенные ему побои.

Легко замѣтить, что пѣсня не отличается достоинствами; по-видимому, она претерпѣла много передѣлокъ и сплочена изъ отрывковъ нѣсколькихъ мотивовъ. Въ видѣ случайнаго налета въ ней можно отыскать отзвуки и нашего круга пѣсенъ, но самый строй ея ничего общаго съ ними не имѣетъ; однимъ же своимъ звѣномъ связывается она съ пѣсней „Войникъ Огненъ и неговата жена“ ¹⁾, записанной М. Дриновымъ по Деборскому произношенію. Вариантъ этотъ довольно интересенъ и, какъ намъ здается, усвоилъ себѣ сказочный мотивъ, параллели къ которому мы постараемся представить послѣ. Запѣвъ пѣсни чисто болгарскій:

„Дворѣ метет млада Огненица,
Дворѣ метет градом слзи ронит,
Сос слзи хи дворѣ запрашоват“.

Отецъ ея замѣтилъ это и спрашиваетъ о причинѣ слезъ:

„Али ти се вино доточило,
Али ти се 'азно доброило,
Али ти се тебе сдодејло,
Чекаечи госте приятели?“

¹⁾ Периодическо Списание, XI, 158—162. 1876. Браила.

Тотъ же самый пріемъ, видоизмѣненный лишь сообразно положенію спрашиваемаго, находимъ много разъ въ русскихъ эпическихъ пѣсняхъ, какъ напр. Владиміръ спрашиваетъ Ставра:

„Аль нѣту у тебя да золотой казны?

Аль нѣту у тебя да добрыхъ комоней?

Аль нѣту сѣлъ со приселками?

Аль нѣту городовъ да съ пригородѣями?

Аль не славна твоя да родна матушка?

Аль не хороша твоя да молода жена?“

Гильф. N 151.

Печаль молодой Огненицы происходитъ отъ того, что всѣ воины вернулись назадъ, лишь нѣтъ ея Огнена:

— „Ами идетъ коня Огненова,

И ми носитъ седло наопако,

И ми носитъ барякъ зависно.

— Али негде Огнен ми умрело,

— Али ми се негде преженило?“

Отъ возвратившихся воиновъ она узнала, что Огненъ живъ, но женился на другой. Тогда она переодѣвается съ отцомъ въ платье нищихъ. Въ такомъ видѣ они пошли въ ту страну, гдѣ остался Огненъ; сѣли у холоднаго колодца, изъ котораго брали воду для Огнена. Скоро туда пришелъ его слуга съ серебрянымъ кувшиномъ. Со слезами нищіе просили у него напиться и когда тотъ изъ состраданія подаль кувшинъ молодой Огненицѣ, она опустила въ него свой перстень. Такимъ путемъ Огненъ вспомнилъ о покинутой женѣ и снова вернулся къ ней.

Разобранная пѣсня представляется намъ видоизмѣненіемъ чрезвычайно распространеннаго по всей Европѣ мотива о взаимномъ признаніи супруговъ по кольцу, брошенному въ кубокъ одному изъ нихъ; переодѣваніе, встрѣчающееся въ ней, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что мы наблюдали выше и развилось совершенно самостоятельно, вытекая по необходимости изъ общаго построенія разсказа.

Точно также далеко стоитъ отъ нашей схемы обширная пѣсня „Кунина Златија“ (Вукъ III, 28, стр. 199), представляющая много интереса для сравненія съ русскимъ эпосомъ въ другомъ отношеніи. До сихъ поръ, кажется, никто изъ русскихъ изслѣдователей не обратилъ вниманія на сходство положенія *Запавы Путятичны* и *Златиѣ Хасананициѣ* сербскаго извода: и въ томъ и въ другомъ случаѣ молодая женщина сама идетъ къ своему возлюбленному, — это основная идея пѣсни, разработанная затѣмъ у Сербовъ и у Русскихъ въ разныхъ направленіяхъ: каждый народъ отразилъ въ своемъ произведеніи обстановку собственнаго быта, об-

лежъ ту же самую основу въ поэтическія формы, почерпая содержаніе для созданія своихъ типовъ изъ мѣстныхъ общественныхъ отношеній. Стремленіе г. Халанскаго ¹⁾ объяснить былины о Соловьѣ Будиміровичѣ и его отношенія къ Запавѣ Путятичѣ на почвѣ быта, кажется, вполне основательно. Въ то время какъ русскіе пѣвцы идеализировали личность жениха и, быть можетъ, заимствовали краски для своей картины изъ странствующихъ сказочныхъ мотивовъ, сербская пѣсня, крѣпко держась реальной жизни, принуждавшей часто молодую женщину идти въ домъ нелюбаго мужа, съ большимъ вниманіемъ остановилась на характеристикѣ этой послѣдней. И въ сербской пѣснѣ при несомнѣнно бытовыхъ чертахъ легко разсматривать цѣлый эпизодъ сказочный, вплетенный въ простую схему — дѣвушка бѣжитъ къ своему возлюбленному — изъ особаго рода сказаній, циркулировавшихъ нѣкогда, должно быть, среди многихъ народовъ Европы.

О бытовыхъ условіяхъ, при которыхъ возникали подобныя пѣсни, между прочимъ можно узнать по цѣннымъ матеріаламъ, собраннымъ братьями Петровичами ²⁾.

Стр. 90—92. „Для этнографа“, говоритъ г. Булаковский, „интересны могутъ быть свѣдѣнія о брачныхъ обычаяхъ въ Сербіи времени князя Милоша. Прежде въ Сербіи обыкновенно женихъ платилъ отцу своей невѣсты извѣстную сумму, и дѣвушка часто выдавалась замужъ лишь по волѣ и договору родителей безъ ея согласія. Эта плата за невѣсту была старое вѣно. Рядомъ съ этимъ въ Сербіи былъ сильно распространенъ *обычай умыканія невѣсты, отмица*. Если, съ одной стороны, родители невѣсты старались выручить побольше за отнимаемую изъ ихъ дома рабочую силу и потому иногда заявляли слишкомъ высокія требованія вѣна, то съ другой вполне естественно получала все большее развитіе *отмица*, нарушавшая ея правильный ходъ жизни. Раздавались частыя жалобы. Правительственная власть должна была принять мѣры противъ того и другаго. Уже Кара-Георгій въ своемъ наставленіи Чолакѣ-Антѣ (Гласникъ XLVIII, 218) опредѣляетъ максимумъ вѣна: „Ты долженъ распорядиться въ нахи и особенно тщательно наблюдать, чтобы тотъ, кто выдаетъ замужъ дѣвушку, не бралъ болѣе 42 грошей за нее. А если бы кто взялъ выше опре-

¹⁾ Русск. Филол. Вѣстн. стр. 379. 2. 1885. Отдѣльный оттискъ: Великорусскія былины Кіевского цикла. Варшава 1885, стр. 165.

²⁾ Вукашин и Никола Петровићи. Граѣа за историју Кралевине Србије. Книга прва, од 1815 до 1821 године. Београд 1882 (Рецензія П. Кулаковскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1883, I (184—194).

дѣленнаго, потеряетъ это, и деньги пойдутъ въ народную кассу, а виновный будетъ наказанъ“.

Князь Милошъ точно также рано обратилъ вниманіе на вѣно и отмицу и распорядился по своему, и притомъ весьма сурово. Онъ уже 10 мая 1818 г. объявилъ на скупщинѣ, а затѣмъ 7 июля 1820 г. *подтвердилъ письменно родителямъ и старшимъ братьямъ* запрещеніе выдавать замужъ дочерей и сестеръ и женить сыновей и младшихъ братьевъ противъ ихъ воли. Безъ объявленія кмету (сельскому старшинѣ) и священнику ни отецъ, ни братъ не смѣли „*объщать*“ кому либо дѣвушку: кметъ и священникъ должны были предварительно выслушать жениха и невесту, и лишь тогда, въ знакъ добровольнаго согласія, невеста могла принять отъ жениха подарокъ въ присутствіи кмета и священника. Но если бы и послѣ исполненія этихъ формальностей оказалось, что тутъ было насиліе со стороны старшихъ, священнику запрещалось подѣ страхомъ „*лишенія чести и жизни*“ вѣнчать такія пары. Что касается выкупа за дѣвушку, то князь Милошъ установилъ, чтобы онъ никоимъ образомъ не превосходилъ 25 грошей (около 8 р. по тогдашнему счету). *Отмица*, то-есть увозъ дѣвушки, *а также и самое быство невесты къ жениху, запрещалось подѣ страхомъ вистлицы*. Между документами, помѣщенными въ книгѣ гг. Петровичей, находимъ одинъ, въ которомъ разсказывается о казни нѣкоего Јована Недѣльковича за „*отмицу*“.

Это вышеупомянутый указъ князя Милоша отъ 7 июля 1820 г., писанный Вукомъ Караджичемъ, подѣ заглавіемъ: „Пофторительна заповѣсть“. Повторяя свое прежнее распоряженіе о вниманіи вѣна въ 25 грошей и запрещеніи отмицы, Милошъ говоритъ: „Но къ великому моему негодованію вижу, что это мое приказаніе, вслѣдствіе небрежности кнезовъ, священниковъ и кметовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мало соблюдалось, и потому произошло то, что лишь неразумные безумно стали думать, что имъ вновь можно будетъ пуститься во всякія вредныя для народа бездѣлія. Такою безумною мыслью былъ напоенъ и нѣкто Јованъ Недѣльковъ сынъ, изъ Трнавы, нахін Крагуевацкой, который годъ тому назадъ привсватался къ дочери Ристивоя Миливоевича изъ Страгара, нахін Рудницкой; эта дѣвушка не была согласна выйти за него замужъ. Напослѣдокъ она должна была прибѣгнуть къ суду, чтобы освободиться отъ насильственнаго замужества, а Јовану было приказано отказать отъ своего намѣренія жениться на этой дѣвушкѣ. Но въ текущемъ году 30 іюня нечаянно ночью этотъ вышеназванный Јованъ Недѣльковичъ изъ Трнавы съ четырьмя своими друзьями напалъ на домъ Ристивоя изъ Страгара и насильно отнялъ и увелъ дѣвушку, которая была уже обѣщана другому. Разсматривая этотъ

случай и для предотвращения несчастій, которыя могутъ отсюда проистечь, мы рѣшили нисколько неуступать отъ этого нашего постановленія: казнить висѣлицею всякаго „отимача“ (умытчика), а его помощниковъ наказывать ударами и тяжкимъ тюремнымъ заключеніемъ. Такъ и было поступлено: виновный былъ повѣшенъ и трупъ его выставленъ на показъ народу.

Затѣмъ запрещается въ указѣ принимать къ себѣ дѣвушку, которая сама *прибѣжитъ къ жениху*, подъ страхомъ тяжкихъ наказаній, а священнику вѣнчать такія пары ¹⁾.

„Запрещается это по той причинѣ, что часто случается“ — говорится далѣе въ указѣ, — „что два семейства, прежде дружныя между собою, становятся непримиримыми врагами. Иногда происхо-

¹⁾ Въ византійскихъ и западно-европейскихъ средневѣковыхъ романахъ дѣвушки такъ открыто высказываютъ свою любовь, что Жидель: *Ch. Gidel, Etudes sur la litterature grec que moderne. Imitations en gree de nos romans de chevalerie depuis le XII siecle. Paris 1866*: усматриваетъ въ этой бытовой чертѣ литературное вліяніе французское, перешедшее на востокъ въ періодъ крестовыхъ походовъ. Такъ византіецъ Eumathe Macrembolite написалъ романъ „Aventures d'Hyminé et Hyminias“ въ половинѣ XII вѣка при Комненахъ. Герой романа Hyminias отправляется на празднества Юпитера, еовершавшіяся на соседнемъ островѣ. Тамъ „On le vénère et l'on s'empresse de lui offrir l'hospitalité. On s'en dispute l'honneur. Il a suivi Sosthène, et, à peine entré sous le toit de son hôte, il y trouve Hyminé, une jeune fille qui, en lui offrant la coupe du festin, lui presse le pied, l'enflamme de ses regards amoureux et trouble son coeur, insensible jusque-là. Sous prétexte d'un devoir d'hospitalité et de religion à remplir, celle-ci (Hyminé) se rend auprès d'Hyminias couché dans son lit et fait si bien que le jeune homme trompe enfin les parents qui l'ont accueilli chez eux et manque à tous ses devoirs de héraut sacré“ (стр. 14—15). Тоже самое во французскихъ романахъ: такъ въ романѣ „d'Aioul“ находимъ, что „une jeune fille va se présenter à la couche d'un chevalier et se mettre à sa discrétion“ (Hist. litt. de la France, t. XXII). Въ книгѣ, озаглавленной „I Reali di Francia“ и оказывающейся переводомъ французскихъ романовъ, существующихъ еще или уже потерянныхъ, всѣ дѣвушки ведутъ себя подобнымъ же образомъ. Fegra Albano di Barbaria, Dusolina и Galeana влюбляются въ Fioravente и, не стѣняясь, высказываютъ ему это (Liv. II, ch. IV). Дочь одного капитана влюбляется въ Gisberto и приходитъ къ нему въ темницу (Liv. III, ch. VII). Druziana, дочь короля Erminon'a влюбляется въ Buovo d'Antona (Beuve d'Hans-tone) и заявляетъ ему объ этомъ (Liv. IV, ch. X, XI и слѣд.). Не думаемъ, чтобы славянскія дѣвушки научились такой же откровенности отъ героинь французскихъ романовъ.

дять отъ того и убійства, какъ это случилось недавно въ Пожаревачкой нахи въ селѣ Трнавцѣ, гдѣ одна дѣвушка убѣжала къ парню. Эти два семейства были сосѣди и жили въ дружбѣ, а изъ-за этого случая перессорились, и для того, чтобы помириться, позвали своего срезскаго кнеза Павла. Кнезь, изслѣдовавъ дѣло, увидѣлъ, что дѣвушка самовольно ушла, и приказалъ семьямъ помириться. *Но братъ дѣвушки считъ это позоромъ и бросилъ съ ножомъ на сестру.* Тогда кнезь повалилъ брата дѣвушки, чтобы его бить. На его крикъ прибѣжалъ младшій братъ и выстрѣлилъ кнезу изъ пистолета въ спину. Кнезь упалъ мертвый на землю, а убійцу схватили сельчане и слуги кнеза и убили; а тотъ братъ, котораго кнезь билъ, убѣжалъ неизвѣстно куда" (стр. 263 — 265 матер.).

На такой-то чисто народной почвѣ возникло произведение, къ разбору котораго мы непосредственно и перейдемъ.

Хотя пѣсня „Бунина Златија“ и мало имѣетъ точекъ соприкосновенія съ разбираемымъ нами кругомъ вариантовъ, но мы остановимся на ней въ виду ея сродства съ нѣкоторыми чертами русскаго эпоса съ одной стороны и теоретическаго значенія съ другой. Содержаніе пѣсни слѣдующее:

Хасанагиница пишетъ письмо своей матери, жалуясь на свою судьбу: вотъ ужъ девять лѣтъ, что я замужемъ, говорить она, а

„Још ја не знам, што је мушка глава,

Нит' је моје лице облублено“.

Мужъ ея, Хасанъ-ага, предпринимаетъ набѣги, приводитъ для себя молодыхъ рабынь, и бѣдная жена его хочетъ покончить съ собою. Не бери грѣха на душу, отвѣчаетъ ей мать, но переодѣнься въ мужское платье и бѣги къ Ивану Сенянину (изъ Сени); онъ два раза просилъ у меня тебя.

Вотъ собственно основа пѣсни, заимствованная изъ условій дѣйствительной жизни: дѣвушка или женщина при содѣйствіи матери уходитъ къ своему суженому. Къ такому бытовому мотиву пѣвецъ по случайной ассоціаціи идей, вслѣдствіе попавшей ему черты переодѣванія, притягиваетъ другой, относящійся къ иной категоріи пѣсенныхъ схемъ, разсказъ, въ которомъ дѣвушка оказывается воиномъ, совершаетъ подвиги и затѣмъ попадаетъ въ несчастное положеніе молодаго супруга. Съ такою схемой мы будемъ имѣть дѣло еще ниже, теперь же мы указываемъ лишь на тотъ фактъ, что по закону народнаго творчества, въ которомъ моментъ случайности играетъ первенствующую роль при развитіи смѣняющихся звѣнцевъ фабулы, очень часто притягиваются довольно насильственно къ отдѣльному эпизоду самые разнообразные мотивы, благодаря лишь какой либо незначительной аналогіи.

Кунина Златія, послѣ долгаго переѣзда по горамъ, прибыла ко двору Ивана Сенянина: въ это время онъ со своими тридцатью капитанами пировалъ въ своемъ бѣломъ домѣ, выйдя по окончаніи службы изъ церкви. Мать Ивана увидѣла прибывшаго витязя:

„Од нег' ждрака по авлији бије,

Те жаркоме адсјаује сунцу“.

Пирующіе юнаки сперва приглашаютъ прибывшаго пить съ собою, давъ ему мѣсто возлѣ своего предводителя. Затѣмъ лишь

„Кад се ладна напојише вина,

Те им винце улезе у лице,

Проговара Иво Сенанине:

„Ој Бога ти, незнан добар јунак!

Откуда си, од које л' крајине?

Како ли се зовеш по имену?“

Златія выдаетъ себя за барьятара Хасан-аги. Ее обращаютъ въ христіанскую вѣру, даютъ ей имя Јованъ и вѣнчаютъ съ сестрой Ивана Сенянина.

Въ разныхъ изводахъ этого страннаго положенія подыскиваются разнообразныя выходы. Въ данномъ случаѣ переодѣтая Златія на заявленіе своего зятя, что

„Анѣа нам је врло невесела“,

отвѣчаетъ:

„Ја се јесам Богу зарекао,

Да јој не ћу лица облубити,

Док не једном у чету не одем,

Да окушам моју срећу прву

Од како сам вјеру мијенао“.

Очень можетъ быть, что въ этомъ предлогѣ слышится отзывъ какого либо мѣстнаго обычая, связаннаго съ перемѣной вѣры. Во всякомъ случаѣ онъ гораздо непринужденнѣе и естественнѣе, чѣмъ пріемъ, къ которому прибѣгаетъ авторъ „Huon de Bordeaux“ или „Novella della figlia del re di Dacia“, о чемъ будемъ говорить ниже.

Съ отрядомъ вооруженныхъ юнаковъ Златія предпринимаетъ набѣгъ, плѣняетъ собственноручно Хасанъ-агу и приводитъ его къ Ивану-Сенянину. Убивъ плѣнника, она открывается Ивану, заявляя:

„Па сам дошла, да ти будем луба“.

Послѣ этого ее снова окрестили, при чемъ дали ей имя „Питома Ружица“ и затѣмъ обвинчали съ Иваномъ.

Мы уже замѣтили выше, что только что приведенная пѣсня не относится къ схемѣ разбираемыхъ нами произведеній. Намъ было лишь интересно указать, какъ часто и своеобразно происходитъ въ народной поэзіи путаница разныхъ мотивовъ, заимствованныхъ

изъ самостоятельныхъ пѣсенныхъ категорій. Нѣтъ сомнѣнія, что существовали и можетъ быть теперь еще существуютъ несложныя пѣсни о томъ, какъ дѣвушка сама выбираетъ себѣ мужа.

Съ другой стороны можно указать цѣлый рядъ произведеній, въ которыхъ, при разныхъ видоизмѣненіяхъ и отклоненіяхъ, происходитъ обрученіе переодѣтой дѣвушки или женщины съ другой. Въ данной пѣснѣ эти два совершенно чуждые мотива слиты вмѣстѣ; изъ нихъ послѣдній еще много разъ встрѣтится намъ въ вариантахъ, тѣсно примыкающихъ къ нашей схемѣ.

Такимъ образомъ пѣсня „Кунина Златиѣа“ въ двухъ пунктахъ соприкасается съ русскимъ эпосомъ: въ основѣ типа Запавы Пуятичны по былинѣ о Соловьѣ Будиміровичѣ и въ постановкѣ личности Василисты Никуличны по нѣкоторымъ изводамъ былины о Ставрѣ Годиновичѣ. Подобное совпаденіе не имѣетъ никакой генетической связи: оно есть лишь случайный, объявившійся въ разныхъ мѣстахъ отзвукъ тѣхъ мотивовъ, къ разбору которыхъ мы современемъ перейдемъ; теперь же намъ предстоитъ еще познакомиться съ третьимъ разрядомъ пѣсенъ, въ которыхъ также выведенъ типъ воинственной дѣвушки: въ нихъ дочь замѣняетъ на войнѣ отца или сестра брата.

IV.

Дѣвушка вмѣсто отца или брата идетъ на войну.

Теперь мы подошли къ самому трудному мѣсту въ своей задачѣ. Мотивъ, съ которымъ мы имѣемъ здѣсь дѣло, получилъ крайне широкое распространеніе и съ трудомъ поддается восстановленію въ его простѣйшей, первоначальной формѣ. Кажется, нѣтъ возможности въ настоящее время опредѣленно сказать, гдѣ впервые возникла несложная схема, сдѣлавшаяся сюжетомъ и литературной и устной обработки почти у всѣхъ народовъ Европы. Попытаемся однако опредѣлить, по крайней мѣрѣ, взаимное отношеніе разныхъ вариантовъ, насколько это возможно при наличности матеріала, сдѣланнаго нынѣ извѣстнымъ.

Мы уже упоминали о свидѣтельствѣ Медаковича. Описывая жизнь Черногорцевъ, онъ говоритъ: *„у Ровцима има една ђевојка, која е остала без браће, те се зарекла да ђе остати у ђевојачкој чистоти и бити мѣсто сина својо оцу, бити замѣна у витежској невољи и на јоначком мејдану“*.

Этому разсказу очевидца соотвѣтствуютъ болгарскія пѣсни, принадлежащія къ простѣйшимъ вариантамъ нашей схемы. Очень можетъ быть, что онѣ и послужили переходной ступенью, связующимъ звѣномъ между пѣснями, выше нами разобранными, и тѣмъ многочисленнымъ отдѣломъ вариантовъ, которые распространялись по всей Европѣ путемъ литературнаго общенія народовъ. Существованіе болгарскихъ пѣсенъ, отвѣчающихъ факту, приводимому Медаковичемъ изъ черногорской жизни, наводитъ на предположеніе, что подобныя произведенія, описывающія дѣйствительныя событія, могли существовать и у Сербовъ, хотя они и не дошли до насъ. Обращеніе въ устахъ народа подобныхъ пѣсенъ должно было послужить почвой для привлеченія со стороны болѣе сложныхъ мотивовъ.

Обратимся однако къ болгарскимъ пѣснямъ.

Въ Македоніи, въ Просеникѣ возлѣ Сереза записанъ Верковичемъ (I, 1860, N 11, стр. 16) въ числѣ женскихъ пѣсенъ слѣдующій интересный для разбираемаго мотива вариантъ.

„Радинке моме хубава!

Радинъ тейко по двори ходи,

По двори ходи съззи рони“.

отецъ горюетъ, не имѣя сына, который замѣнилъ бы его на войнѣ. Дочь его, Радинка, замѣтила горе отца и спрашиваетъ о причинѣ. Тотъ отвѣчаетъ:

„Море не си чула, разбрала?
Отъ цареви ферманъ дошло,
Кой има сына, да пустие,
Кой неима сына, па да пустие
Двашъ дванадесетъ хиляди
И до четири стотине“.

На это дочь замѣчаетъ:

„Тате ле бре стари тейко!
За това грижа ми бери,
Азъ ке ида тате ле на юйска,
Сосъ стриковы-те момчета
Сосъ монте братучеды“.

Во всемъ этомъ слышатся черты быта, хотя и подновленные сообразно духу новаго времени.

Отецъ покупаетъ для дочери коня, мужское платье, ружье и саблю. Остригши свою русую косу, она идетъ на войну и остается тамъ три года. Никто не узналъ, что она дѣвушка. Вернувшись въ свою деревню, она закричала громкимъ голосомъ:

„Бре чуйте малко, големо!
Радинка е била на юйска,
Мома отидѡ, мо си дойдѡ!“

Намъ кажется, что подобныя пѣсни могли существовать еще въ болѣе простой формѣ изстари у многихъ народовъ. Изъ нихъ, путемъ литературнаго развитія, возникли всѣ прочія, основанныя на томъ же самомъ ядрѣ, но съ болѣе развитыми подробностями. Первоначальная схема такихъ пѣсенъ имѣла слѣдующій видъ:

- а) У старика-отца нѣтъ сыновей;
- б) Въмѣсто него идетъ на войну его единственная дочь;
- в) Переодѣваніе естественнымъ путемъ вытекаетъ изъ положенія вещей.

Въ такой несложной формѣ до насъ дошло мало пѣсенъ: онѣ по большей части оказываются осложненными посторонней примѣсью. Изъ извѣстныхъ намъ простыхъ пѣсенъ, вромѣ выше приведенной, можно указать на два болгарскихъ варианта, записанныхъ Верковичемъ (N 123, стр. 129; N 250, стр. 270). Въ нихъ дѣвушка, замѣняющая отца, носитъ имя Тодоры; но въ первомъ ходѣ дѣйствія уже сильно спутанъ: въ немъ дѣвушка сражается съ Рахманомъ-булюкбашой (высокопоставленный) и, погубивши его войско, убиваетъ и его самого, говоря:

„Ты си Турчинъ друга вѣра“;
во второмъ же вариантѣ разсказъ строго выдержанъ: старикъ-отецъ, будучи на базарѣ, услышалъ призывъ къ войнѣ царскаго глашатая. Придя домой, онъ сѣлъ „на бѣлъ камень, на синь мраморъ“ и заплакалъ. По желанію своей дочери, Тодоры, онъ купилъ ей коня и оружіе, и она пошла на войну, гдѣ пробыла

„Мало много, три године, Синь-зелень баражъ носила“.

Она напретъ отивала,

На четвертый годъ, возвращаясь домой, дѣвушка издали закричала, вызывая отца и всѣхъ, большихъ и малыхъ, выйти посмотрѣть на нее:

„Де се е чуло видело,

Мома на іойска да пойде,

Младо барактарче да биде,

Синь-зелень баражъ да носи,

Мома ойдо, мома дойдо,

Сось вуйкови ми сынови“.

Это послѣдняя пѣсня, извѣстная намъ, которую мы склонны прикрѣпить къ почвѣ быта: въ ней намъ не слышится ничего страннаго, ничего непонятнаго, ничего такого, чтобы противорѣчило явленіямъ дѣйствительной жизни. Схема пѣсни такъ проста и естественна, ходъ дѣйствія до такой степени послѣдователенъ и безыскусственъ, что, повидимому, нѣтъ никакой надобности выставять гипотезу о литературномъ заимствованіи образа.

Множество вариантовъ, построенныхъ по тойже схемѣ, но осложненныхъ привнесеніемъ со стороны нѣкоторыхъ новыхъ чертъ, мы разберемъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ своей работы: тамъ, несомнѣнно, намъ придется имѣть дѣло съ фактомъ литературнаго международнаго общенія. Признавая его существованіе, мы сдѣлаемъ попытку прослѣдить за постепеннымъ переходомъ отъ одного народа къ другому интересующей насъ литературной схемы, основывая свои заключенія на тѣхъ измѣненіяхъ подробностей, какія внесены въ нее каждымъ народомъ, передѣлывавшимъ образецъ соотвѣтственно своему быту и своимъ общественнымъ отношеніямъ.

Теперь же укажемъ на два крайне отдаленныя отзвука того же самаго мотива, отказываясь однако на этотъ разъ отъ установленія какой бы то ни было генетической связи между ними и разобранными выше пѣснями. Мы имѣемъ въ виду во первыхъ латышскую пѣсню у Спрогиса (Памятники латышскаго народнаго творчества, стр. 273. Вильна. 1868) и во вторыхъ китайскій вариантъ въ переводѣ Станислава Жюльена изъ „Les Avadânas“.

Содержаніе латышской пѣсни слѣдующе:

„У Лемпова пять сыновей,

Ни одинъ не хочетъ идти на войну.

А дочь Аппы сдѣдаетъ коня,

Хочетъ съ радостью идти на войну.

Она сѣдлаетъ коня,
 Препоясываетъ себѣ золотой мечъ.
 — Прощайте, батюшка, матушка,
 Прощайте, младшіе братья! . . .
 Я проѣхала первое пространство,
 Какъ пчелка, распѣвая;
 Повстрѣчала сраженіе.
 Говорю—Богъ на помощь
 Главному начальнику войска.
 Заговорили воины:
 „Это не нашъ братъ . . .
 „Миръ, миръ въ этой странѣ,
 „Нѣтъ болѣе враговъ! . . .
 „Поѣзжай, милая, назадъ,
 „Чествуй батюшку, матушку!
 „Твое достояніе—отцовская земля,
 „Отцовскіе каріе кони;
 „Тамъ для тебя сложать возжи,
 „Вычистить коня.
 „А кто будетъ складывать возжи, гладить коня
 „Для солдата-воина?!“

Ближе, чѣмъ латышская пѣсня, стоитъ къ нашей схемѣ китайскій вариантъ, хотя какъ первая, такъ и второй не обладаютъ, по нашему мнѣнію, той непосредственной простотой и естественностью, какія невольно чувствуются въ болгарскихъ пѣсняхъ.

Бартеlemi Сентъ-Илеръ сообщилъ въ „Journal des Savants“ (Juin 1860, стр. 335) нѣсколько восточныхъ пѣсенъ изъ сборника Станислава Жюльена „Les Avadânas“¹⁾. Второй томъ этого труда составленъ изъ произведеній, переведенныхъ исключительно съ китайскаго языка. Между ними разсказъ, озаглавленный „La fille soldat“, относится къ категоріи разбираемаго нами мотива. Въ китайскомъ разсказѣ дѣвушка по имени „Mou-lân“ видя, что отецъ ея боленъ и не въ состояніи идти на войну, заступаетъ его мѣсто и въ течение двѣнадцати лѣтъ несетъ воинскую службу, при чемъ никто не узнаетъ ея пола. Желая остаться ближе къ оригиналу, мы позволимъ себѣ привести цѣликомъ французскій переводъ Станислава Жюльена.

¹⁾ Les Avadânas, contes et apologues indiens inconnus jusqu' à ce jour, suivis de fables, de poésies et de nouvelles chinoises, traduits par M. Stanislas Julien. 1859, 2 vol.

Romance de Mou-lân.

„Tsi-tsi puis encore tsi-tsi (c'est l'onomatopée du bruit de la novette et des soupirs de la jeune fille). Mou-lân tisse devant sa porte. On n'entend pas le bruit de la navette; on entend seulement les soupirs de la jeune fille.

— „Jeune fille, à quoi songes-tu? Jeune fille, à quoi réfléchis tu?“ la jeune fille ne songe à rien; la jeune fille ne réfléchit à rien.

„Hier j'ai vu le livre d'enrôlement; l'empereur lève une armée nombreuse. Le livre d'enrôlement a douze chapitres; dans chaque chapitre, j'ai vu le nom de mon père: O mon père, vous n'avez point de grand fils! O Mou-lân, tu n'as point de frère aîné. Je veux aller au marché pour acheter une selle et un cheval; je veux de ce pas aller servir pour mon père!“

„Au marché de l'Orient, elle achète un cheval rapide; au marché de l'Occident, elle achète une selle et une housse; au Marché du Midi, elle achète un long fouet.

„Le matin, elle dit adieu à son père et à sa mère; le soir elle passe la nuit sur le bord du fleuve Jaune. Elle n'entend plus le père et la mère qui appellent leur fille; elle entend seulement le sourd murmure des eaux. Le matin, elle part et dit adieu au fleuve Jaune. Le soir, elle arrive à la source de la rivière Noire. Elle n'entend plus le père et la mère qui appellent leur fille; elle entend seulement les sauvages cavaliers de Ven-chan.

— „J'ai parcouru dix mille milles en combattant; j'ai franchi avec la vitesse de l'oiseau les montagnes et les défilés. Le vent du nord apportait à mon oreille les sons de la clochette nocturne (должно быть наме́т на какую либо подро́бность из военной службы: может быть, сменяли стражу по колокольчику); la lune répandait sur mes vêtements de fer sa froide et morne clarté“.

„Le général meurt après cent combats. Le brave guerrier revient après dix ans d'absence. A son retour il va voir l'empereur. L'empereur est assis sur son trône; tantôt il accorde une des douze dignités; tantôt il distribue cent onces ou mille onces d'argent.

— „L'empereur me demande ce que je désire:—Mou-lân ne veut ni charge, ni argent. Prêtez-lui un des ces

chameaux qui font mille milles en un jour, pour qu'il ramène un enfant sous le toit paternel“.

„Dès que le père et la mère ont appris le retour de leur fille, ils sortent de la ville et vont au-devant d'elle. Dès que les soeurs cadettes ont appris le retour de leur soeur aînée, elles quittent leur chambre parées des plus riches atours. Dès que le jeune frère apprend le retour de sa soeur, il court aiguïser un couteau pour tuer un mouton.

— „Ma mère m'ouvre le pavillon de l'Orient, et me fait reposer sur un siège tourné à l'Occident. Elle m'ôte mon costume guerrier et me revêt de mes anciens habits. Mes soeurs arrêtées devant la porte ajustent leur brillante coiffure et enlacent des fleurs d'or dans leurs cheveux“.

„Mou-lân sort de sa chambre et va voir ses compagnons d'armes; ses compagnons d'armes sont frappés de stupeur. Pendant douze ans elle a marché dans leurs rangs, et ils ne sont point aperçus que Mou-lân fût une fille.

On reconnaît le lièvre qui trébuche en courant; on reconnaît sa compagne à ses yeux effarés; mais, quand ils trottent côte à côte, qui pourrait distinguer leur sexe (M. Stanislas Julien, *Les Avâdânas*, t. II, p. 151 et suiv.).

Сентъ-Илеръ находить, что лишь послѣдняя часть разсказа поражаетъ чѣмъ-то страннымъ и не гармонируетъ съ цѣлымъ, оставаясь болѣе или менѣе ненужнымъ придаткомъ; все же произведение полно естественности и изящной простоты и композиція его отличается въ одно и тоже время характеромъ сельской и воинственной поэзіи. Оно съ успѣхомъ можетъ соперничать съ лучшими произведеніями Запада, относящимися къ тому же отдѣлу литературы. Разсказъ въ немъ мѣтокъ и кратокъ, картины, описываемыя имъ, правдивы и живо очерчены. Интересъ этого произведенія, по словамъ Сентъ-Илера, былъ бы еще выше, если бы оправдалось предположеніе, что оно составлено самой Муланъ въ половинѣ VI-го вѣка нашей эры.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, на чемъ основано подобное предположеніе? Мы не знаемъ также и того, въ какихъ сношеніяхъ была восточная литература съ западной въ первые вѣка нашего счисленія. При всемъ томъ врядъ-ли можно въ настоящее время думать, будто весь литературный матеріалъ, образцы котораго можно открыть на востокъ, шелъ на западъ именно отсюда. По всей вѣроятности, должно было существовать и противоположное теченіе, съ

запада на востокъ, какъ это и наблюдается по отношенію вліянія греческой драмы на индійскую ¹⁾).

Не имѣя возможности войти въ ближайшее разсмотрѣніе этого вопроса, мы ограничимся лишь слѣдующимъ замѣчаніемъ: намъ кажется, что бытовыя условія востока не вполне благоприятствовали возникновенію произведеній въ родѣ „Mou-lân“. По крайней мѣрѣ въ индійскихъ литературныхъ памятникахъ женщина не достигаетъ такой высоты положенія, чтобы равняться мужинѣ и заступать его мѣсто, не вызывая протеста.

Какъ въ приведенной выше латышской пѣснѣ одно появленіе вооруженной дѣвушки вызываетъ громкій протестъ воиновъ, указывающихъ, что война не женское дѣло, такъ и въ Магабгаратѣ старикъ Бишма отказывается сражаться съ своимъ соперникомъ, Сикгандиномъ, такъ какъ этотъ послѣдній былъ собственно женщина.

У Гольцмана (Indische Sagen I, p. 49) мы читаемъ такое мѣсто: „Der Panduide Sikhandin im Mahabharata ist eigentlich ein Weib, das mit einem Diener des Schatzegottes Kuvera Gestalt und Geschlecht getauscht hat; so oft er daher im Kampfe dem schrecklichen unnahbaren Greis Bhischma begegnet, senkt dieser lächelnd seine Waffe und wendet sich ab, weil er mit keinem Weib kämpfen will“.

Подобное пренебрежительное отношеніе къ женщинѣ вполне въ духѣ далекой Азіи. Поэтому и произведеніе „Mou-lân“, столь близкое къ разбираемому нами мотиву и столь важное для нашей работы, возбуждаетъ въ насъ лишь недоумѣніе, разрѣшить котораго мы не въ состояніи.

Мотивъ, — что *дѣвушка вмѣсто отца или брата идетъ на войну*, — разобранъ нами не вполне, такъ какъ онъ почти всегда является осложненнымъ другимъ мотивомъ, именно — *испытаніе пола дѣвушки*. Разбирая произведенія съ послѣднимъ, мы, по необходимости, будемъ говорить и о первомъ и во избѣжаніе повтореній въ слѣдующемъ отдѣлѣ своей работы мы, прямо перейдя къ анализу мотива „*объ испытаніи пола дѣвушки война*“, дополнимъ еще то, что слѣдовало бы сказать въ настоящей главѣ.

¹⁾ Windisch, Der griechische Einfluss im indischen Drama въ Verhandlungen des dritten Congresses der Orientalisten zu Berlin. 1882.

V.

Источники испытанія пола и половой метаморфозы.

Выше разсмотрѣнныя пѣсни даютъ намъ право предполагать, что въ составѣ поэзіи славянскихъ племенъ существовали произведенія, законченныя въ себѣ и посвященныя исключительно воспѣванію того или другаго подвига дѣвушки или женщины. Въ одномъ случаѣ дѣвушка играетъ роль гайдука, — она мужественно сражается въ рядахъ своихъ юнаковъ; въ другомъ — она освобождаетъ изъ неволи брата, или же, будучи женой, мужа при посредствѣ хитрости, соединенной съ воинской доблестью; наконецъ, она добровольно идетъ на войну, замѣняя отца или брата, долго несетъ свою обязанность и возвращается счастливо домой.

Послѣдняго рода пѣсенныя или сказочныя произведенія обыкновенно осложнены новымъ элементомъ разсказа, какъ намъ кажется, принесеннымъ къ чисто народной схемѣ, нами выше представленной, откуда-то извнѣ, изъ другой области литературныхъ произведеній. Подъ этимъ новымъ элементомъ, вплетеннымъ въ готовую уже формулу, благодаря случайно сложившимся условіямъ разсказа, мы разумѣемъ *мотивъ испытанія пола дѣвушки-воина*.

Благодаря своей занимательности, мотивъ этотъ приобрѣлъ себѣ значительную популярность въ европейской литературѣ и, можно сказать, сдѣлался любимымъ приемомъ, къ которому охотно прибѣгали расказчики разныхъ повѣстей, сказокъ и пѣсенъ, хотя бы отдаленнымъ образомъ дававшихъ возможность связать общую нить повѣствованія съ этимъ новымъ элементомъ. Съ особенною страстью расказъ объ испытаніи пола переодѣтой дѣвушки при-

мѣнялся къ пѣснямъ, выше нами разобраннымъ, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ выводилась дѣвушка-воинъ. Разъ самостоятельное существованіе такихъ пѣсенъ твердо обосновано, не остается никакого сомнѣнія, что осложненіе фабулы произошло путемъ механическаго сцѣпленія двухъ разныхъ произведеній. Первоначальный источникъ первой половины осложненной фабулы — пѣсенъ о дѣвущкѣ-воинѣ — для насъ ясенъ: онъ открывается въ бытовой исторіи южнаго славянства; но каково происхожденіе второй половины ея, именно — мотива объ испытаніи пола дѣвущки-воина, — для насъ не совсѣмъ ясно.

Въ одной изъ своихъ работъ ¹⁾ профессоръ А. Н. Веселовскій, какъ бы мимоходомъ, ставитъ вопросъ: „не сохранилась ли въ Бритскомъ обрядѣ *'Ejððsia* память объ испытаніи половъ?“ Намъ кажется, что вопросъ слѣдовало бы поставить нѣсколько иначе: нельзя-ли въ этомъ обычаѣ видѣть прототипъ или первоисточникъ, изъ котораго съ теченіемъ времени путемъ литературной разработки могъ возникнуть цѣлый мотивъ объ испытаніи пола дѣвущки-воина?

Разсказъ объ этомъ обычаѣ сохранился у Антонина Либерала ²⁾, вольноотпущенника Марка Аврелія Антонина (161—180 по Р. Х.), и заимствованъ имъ отъ Никандра „*de libro Mutatorum altero*“. Содержаніе его слѣдующее: „Галатеа, дочь Эвритія Спартона, вышла замужъ въ Фестѣ за Лампра, сына Пандіона, человека не низкаго происхожденія, но бѣднаго. Во время беременности своей жены, выпрашивая у боговъ себѣ мужское потомство, онъ заявилъ ей, чтобы она не воспитывала имѣющаго родиться ребенка, если таковой окажется дѣвочкой. Вслѣдъ затѣмъ онъ отправился пасти овецъ. Галатеа родила дочь и, съ одной стороны сожалѣя о ребенкѣ, а съ другой имѣя въ виду одиночество своей семейной жизни, побуждаемая къ тому же сновидѣніями и гадателями, приказывавшими ей воспитывать новорожденную въ качествѣ сына, обманула Лампра, заявивъ ему, что родился мальчикъ. Назвавъ дѣвочку Левкиппомъ, она воспитывала ее, какъ будто бы это былъ мальчикъ. Когда дѣвочка начала развиваться и сдѣлалась необычайно красивой, Галатеа, боясь мужа, такъ какъ далѣе невозможно было скрывать тайны, обратилась въ святилище Латоны, усердно прося богиню, нельзя ли дочь ея превратить въ мужчину, подобно тому,

¹⁾ Croissans-crescens и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ. Сборникъ Отд. русск. яз. и слов. т. XXII, 1881.

²⁾ Antonini Liberalis, Transformationum Congeries. Basileae per Thomam Guarinum. 1568, стр. 32, § XVII: Leucippus.

какъ это нѣкогда случилось съ Бенидой, дочерью Атрація, превращенной, по волѣ Нептуна, въ Кенея Лапита, или подобно Тирезію, изъ мужчины сдѣлавшемуся женщиной за то, что на перекресткѣ трехъ дорогъ онъ убилъ змѣй, сошедшихся для любви?“

Опуская другіе примѣры такого страннаго перерожденія, пользовавшіеся довѣріемъ въ классической древности, перейдемъ къ концу разсказа Антонина Либерала.

„Латона“, говоритъ преданіе, „тронутая постоянными плачами и просьбами Галатеи, превратила дѣвушку въ юношу. Жители Феста еще помнятъ объ этомъ событіи и совершаютъ въ память его жертвоприношеніе Латонѣ Фитійской, называя самое празднество *Индисіей* (Ecdysia), т. е. раздѣваніемъ, потому что дѣвушка сняла съ себя пеплъ (perlum — широкое женское одѣяніе). Существоуетъ также обычай требующій, чтобы при бракосочетаніи молодые сперва возлежали при статуѣ Левкиппа“.

Конецъ разсказа стоитъ въ противорѣчіи съ его началомъ: дочь Галатеи, воспитанная подъ видомъ мальчика, очевидно, не должна была носить пепла (perlum), а потому ей не было надобности сбрасывать его при своемъ уже дѣйствительномъ превращеніи въ мужчину. Несомнѣнно, мы имѣемъ въ разсказѣ Антонина Либерала лишь приуроченіе извѣстнаго въ древности преданія о половой метаморфозѣ къ какому то брачному обычаю, именуемому *Ἐκδύσια*, и, быть можетъ, являющемуся темнымъ отголоскомъ той роли, какую играло божество или жрецъ въ брачномъ обиходѣ ¹⁾. Видѣть же въ этомъ обычаѣ первоисточникъ или даже какую либо связь его съ начальными формами того сказанія, изъ котораго впоследствии возникъ примѣръ испытанія пола переодѣтой воиномъ дѣвушки, по нашему мнѣнію, нѣтъ никакого основанія. По всей вѣроятности, лишь случайно эпизодъ о „перемѣнѣ пола“ попалъ въ нѣкоторыя средневѣковыя поэмы, приближающіяся своимъ содержаніемъ къ такого рода произведеніямъ, которыя, дѣйствительно, до извѣстной степени могли бы служить образцами для разбираемаго нами литературнаго сюжета.

Если развитіе легенды о половой метаморфозѣ понятно для насъ въ классической древности, если широкое распространеніе ея

¹⁾ „In celebratione nuptiarum super Priapi scapum nova nupta sedere jubebatur“. August. de Civit. Dei VII, 24. „Collitur et Tutinus, in cujus sinu pudendo nubentes praesident, ut illarum pudicitiam prior deus delibare videatur“. Lact. I, 20, 38. Срав. Preller, Römisch. Myth. 2 Aufl. p. 396—7; 586 пр. 2. О связи этого явленія съ обычаями русскаго народа: А. Н. Веселовскій въ рецензій — Матеріалы и изслѣдованія, собр. Чубинскимъ, 7 т., 1872—74.

въ сказаніяхъ востока (Benfey, Pantschatantra I, § 9) вполне соотвѣтствуютъ господствовавшимъ тамъ воззрѣніямъ, то примѣненіе такого приѣма для выхода изъ затруднительнаго положенія въ литературномъ произведеніи средневѣковой Европы намъ кажется случайнымъ, такъ какъ къ нему могъ прибѣгнуть лишь убѣжденный церковникъ, допускающій вмѣшательство высшаго существа въ судьбу людей и при томъ на манеръ языческій. Такому автору казалось слишкомъ прозаичнымъ распутать интригу путемъ естественнымъ, какимъ пользуется народная поэзія и вотъ онъ прибѣгаетъ къ посредству ангела, являющагося въ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ поэмахъ.

Ближайшимъ источникомъ къ средневѣковымъ поэмамъ, въ которыхъ переодѣтая дѣвушка является въ роли молодого супруга и затѣмъ подвергается половой метаморфозѣ, по всей вѣроятности, послужилъ рассказъ Овидія ¹⁾, передающій въ художественной обработкѣ то же самое преданіе, о которомъ рассказываетъ и Антонинъ Либераль. Мѣстомъ дѣйствія какъ въ одной, такъ и въ другой передачѣ оказывается Критъ, но обработка Овидія полнѣе и одной своей чертой, несомнѣнно, отразилась въ средневѣковыхъ произведеніяхъ, какъ „Novella della figlia del re di Dacia“, „Historia della Reina d'Oriente“ и эпизодъ, вставленный въ „Huon de Bordeaux“. Какъ въ этихъ средневѣковыхъ романахъ, такъ въ рассказѣ Овидія переодѣтая мужчиной дѣвушка обручена съ другой и въ критическій моментъ вмѣшательствомъ высшихъ существъ на самомъ дѣлѣ превращается въ мушину. Конечно, сюжетъ этотъ заимствованъ Овидіемъ ²⁾ отъ греческихъ романистовъ, но его обработка у римскаго писателя такъ близка къ подобнаго рода произведеніямъ средневѣковой Европы, что не остается никакого сомнѣнія въ существованіи прямой зависимости послѣднихъ отъ первой, служившей для нихъ образцомъ. Дѣйствіе въ рассказѣ Овидія развивается въ слѣдующемъ порядкѣ:

Телеуза, жена критянина Лигда, была уже въ послѣднихъ мѣсяцахъ беременности, когда мужъ ея объявилъ ей свое непреклонное желаніе имѣть сына, а не дочь. Его средства не позволяютъ ему воспитывать дѣвочку и если таковая родится, то онъ принужденъ будетъ умертвить ее. Слезы жены не подѣйствовали на мужа, но зато ея молитвы были услышаны богиней Изидой. Она явилась бѣдной матери во снѣ и совѣтовала воспитывать, дѣйстви-

¹⁾ Ovidii Nasonis, Metamorphoseon lib. IX, ст. 666—797.

²⁾ Erwin Rohde, Der griechische Roman und seine Vorläufer. Leipzig 1876 (XII+552. 8°), стр. 124. Рецензія этого замѣчательнаго сочиненія: Litt. Centralblatt 1877, стр. 81—83.

стоящій сынъ приносятъ въ храмъ дары и для памяти совершаютъ слѣдующую надпись:

„*Dona puer solvit, quae femina voverat, Iphis*“.

Приведенный изъ Овидія рассказъ встрѣчается еще, какъ мы видѣли выше, лишь у Антонина Либерала, связывающаго его съ Критскимъ празднествомъ „*Εχδουσία*“, что собственно значить „*раздѣваніе*“. Мифологическое объясненіе послѣдняго, принятое Сухіеромъ ¹⁾ по Дункеру ²⁾, кажется намъ не вполне соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Самыя толкованія этого послѣдняго ученаго, нося въ себѣ зародыши противорѣчій, если смотрѣть на нихъ съ мифологической точки зрѣнія, лучше прикладываются къ тѣмъ же самымъ историческимъ фактамъ, если наблюдать ихъ въ связи съ нѣкоторыми другими явленіями бытовой и религіозной жизни восточныхъ народовъ ³⁾. Итъя въ виду возвратиться еще къ этому вопросу нѣсколько ниже, мы ограничимся на этотъ разъ общимъ замѣчаніемъ, что праздникъ *εχδουσία*, по всей вѣроятности, связанъ съ обрядами свадебными, воспоминаніе о чемъ сохранилось еще въ редакціи самого рассказа, какъ его сообщаетъ Антонинъ Либералъ.

Бъ произведеніямъ, стоящимъ въ зависимости отъ рассказа Овидія, принадлежитъ между прочимъ средневѣковый французскій романъ „*Huon de Bordeaux*“, ⁴⁾ въ содержаніе котораго вставленъ слѣдующій эпизодъ (*Manuscrit di Toripno*, f. 394 v.). Ида (*Ydes*), избѣгая любви своего отца Флурана (*Flourent*), уходитъ въ Римъ, переодѣтая мужчиной, поступаетъ на службу къ Императору Октавіану (*Othevien*; *Otes*), который посвящаетъ ее рыцаремъ и даже поручаетъ ей орифламу. Спустя нѣкоторое время, императоръ выдаетъ за нее свою дочь, Оливу, которая, узнавъ тайну своего молодого супруга, также рѣшается навсегда оставаться дѣвственницей. Провѣдавъ объ этомъ, императоръ рѣшается сдѣлать испытаніе: онъ приказываетъ *приготовить себѣ ванну*, самъ входитъ въ нее и требуетъ, чтобы Ида сдѣлала тоже самое. Однако

¹⁾ Ovi.d's *Metamorphoseon* übersetzt u. erläutert v. Reinhart Suchier Stuttgart. Hoffmann'sche Verlags-Buchhandlung. 1868 (⁶²), стр. I, 118³. II, 142³.

²⁾ Max Duncker, *Geschichte des Alterthums*. I, стр. 339³. Leipzig 1878.

³⁾ Jules Soury, *La Bible d'après les nouvelles découvertes archéologiques: Revue des Deux Mondes* 1874.

⁴⁾ *Huon de Bordeaux*. *Chanson de geste*, éd. Guessard et Grandmaison, p. LII. Paris 1860. CXXV+329. Подробное изслѣдованіе этого романа у Léon Gautier, *Les Épopées françaises*, 2 édit. p. 732 и сл. Paris 1880, III.

она не соглашается, императоръ настаиваетъ на своемъ и, видя ея упорство, отдаетъ распоряженіе съечь ее. Вотъ въ этотъ то моментъ является ангелъ и превращаетъ Иду въ мужчину.

Точно такого же содержанія и итальянская поэма о прекрасной Камиллѣ ¹⁾. Источникъ ея, по мнѣнію г. Веселовскаго, по всей вѣроятности, французскій. Подобный сюжетъ встрѣчается въ одномъ французскомъ міраклѣ, который будетъ изданъ Гастономъ Парисомъ (G. Paris) и Рэйно (Raynaud). Сущность разсказа, по краткой передачѣ г. Веселовскаго (*Croissans-crescens* 4—6), слѣдующая: „Вассалы заставляютъ короля жениться на своей дочери. Дочь его, Изабель (Ysabel), убѣгаетъ въ Грецію и поступаетъ на службу къ императору, дѣлается затѣмъ маршаломъ его войска и отбиваетъ нападенія турецкаго царя, соединившагося съ королями: „de Hongrie, de Tartares, de Cerces et de Arabes“. Далѣе императоръ выдаетъ за нее свою дочь и потомъ слѣдуетъ *испытаніе купаньемъ*. Купанье поставлено здѣсь въ ряду другихъ испытаній, назначенныхъ раскрыть полъ переодѣтой дѣвушки, какъ въ сказаніи *Славянской палеи* о Соломонѣ ²⁾ (мытье рукъ, подбораніе овощей) и въ народныхъ пѣсняхъ о *дѣвушкѣ-воинѣ*.

Такимъ образомъ въ приведенныхъ средневѣковыхъ поэмахъ испытаніе пола встрѣчается наряду съ перемѣной пола. Тѣсная связь этихъ произведеній съ народными пѣснями и сказками, развивающими тотъ же сюжетъ, даетъ намъ право думать, что примѣненіе въ литературныхъ средневѣковыхъ произведеніяхъ, захватывающихъ народную традицію объ испытаніи пола, приѣма, именуемаго *deus ex machina*, состоящаго въ данномъ случаѣ въ сверхъестественномъ перерожденіи, подсказано классическими образцами, выше нами приведенными. Кажется, мы не далеко будемъ отъ ис-

¹⁾ Содержаніе ея изложено А. Н. Веселовскимъ въ изслѣдованіи, предпосланномъ тексту изданной имъ другой средневѣковой поэмы: „*Novella della figlia del re di Dacia*“. Pisa 1866, p. LXV, а также въ „*Croissans-crescens* и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ“. Сбор. отд. рус. яз. и слов. т. XXII. 1881. Кромѣ того въ извѣстной „*Historia della bella reina d'Oriente*“. Poema romanzesco di Antonio Pucci Fiorentino, Poeta del secolo di Dante, издан. въ „*Delizie delli Eru-diti Bibliofili italiani*. Bologna 1867, переработанъ тотъ же разсказъ, при чемъ ангелъ превращаетъ дѣвушку въ мужчину (стр. 43). Разбору послѣдней поэмы посвящена отдѣльная статья А. Н. Веселовскаго: „*Le tradizioni popolari nei poemi di Antonio Pucci*“ (225—229) въ *Ateneo Italiano* 1866, 15 Aprile. Firenze.

²⁾ Ср. Веселовскаго, Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 348.

тины, отвергнувъ всякую органическую связь между этими двумя приемами: изъ одного не могъ развиваться другой, могло лишь имѣть мѣсто произвольное смѣшеніе ихъ обоихъ или же замѣна одного другимъ въ рукахъ автора, знакомаго съ классическими традиціями.

Въ народныхъ произведеніяхъ приемъ половой метаморфозы не пользовался особой распространенностью. Намъ извѣстно лишь нѣсколько примѣровъ перемѣны пола въ германскихъ сказаніяхъ ¹⁾ и всего одинъ въ греческой сказкѣ „*Von dem Manne, der in eine Frau und wieder in einen Mann verwandelt wird*“, являющейся отраженіемъ извѣстнаго классическаго преданія о Тирезіи ²⁾.

Содержаніе сказки слѣдующее. Одинъ бѣднякъ умѣлъ такъ чудно играть на цитрѣ, что каждому, слушавшему его игру, приходило непреодолимое желаніе пуститься въ плясъ. Однажды Неренда плясала подъ его музыку и наградила его за то пригоршней золота, прося на утро придти снова въ назначенное мѣсто. Но музыкантъ не исполнилъ этой просьбы и проклятіемъ другой Неренды былъ превращенъ въ женщину.

Тогда разбилъ онъ свою цитру, взялъ ружье, пистолеты и ятаганъ и ушелъ въ чужія страны.

Тутъ онъ освобождаетъ принцессу, выставленную на пожраніе дракона, за что получаетъ лошадь-жолнію. При помощи ея онъ перескакиваетъ черезъ ровъ и за этотъ подвигъ добываетъ себѣ въ жены дочь короля и женится на ней. Но королева не довольна своимъ супругомъ, и вотъ отецъ ея даетъ своему зятю трудныя порученія, которыя усильно имъ исполняются. Такъ онъ завоевываетъ непобѣдимое царство, убиваетъ морское чудовище, отнимаетъ, наконецъ, яблоко у какого-то Арапа, за что этотъ послѣдній проклинаетъ своего побѣдителя: если ты мужчина, то превратись въ женщину, и если ты женщина, то сдѣлайся мужчиной. Такимъ образомъ бѣдный музыкантъ получилъ свой первоначальный видъ.

Это единственная извѣстная намъ сказка въ европейской литературѣ съ эпизодомъ половой метаморфозы. Естественнѣе всего предположить, что она непосредственно связывается съ классическими преданіями о Тирезіи, которыя въ свою очередь примыкаютъ къ индійскимъ вѣрованіямъ, основаннымъ, по мнѣнію Бенфея (Pantschatantra § 9, стр. 49), на религіозныхъ представленіяхъ о

¹⁾ Hertz, Der Werwolf, стр. 25, пр. 4 (1862).

²⁾ v. Hahn, Griechische und Albanesische Märchen. 1864. I, стр. 307. Варіантъ ея у Aug. Dozon „Contes albanais“. Paris 1881, N 14, стр. 109. Албанскій подлинникъ у Dozon, Manuel de la langue chkipe ou albanaise. Paris 1878, N XXI, стр. 71.

двуполыхъ божествахъ, какъ это особенно рельефно проявляется въ сказаніи объ Идѣ, дочери Ману. Она нѣсколько разъ мѣняла полъ, и, наконецъ, мѣсяцъ была женщиной и мѣсяцъ мужчиной.

Въ средневѣковой письменности французской и итальянской эта восточная черта сказалась въ произведеніяхъ выше указанныхъ; но въ массѣ народа она не нашла сочувствія, благодаря своей неестественности.

Въ истинно народныхъ произведеніяхъ дѣйствіе развивается простымъ и естественнымъ путемъ, воплощая въ себѣ настоящія черты быта и господствующія понятія даннаго народа.

Основываясь на такихъ соображеніяхъ, мы склонны думать, что мотивъ испытанія пола переодѣтой дѣвушки-воина развитъ совершенно самостоятельно, безъ всякой зависимости отъ классическаго представленія о половой метаморфозѣ, въ тотъ моментъ однако, когда народное произведение о дѣвушкѣ, облекшейся въ воинскіе доспѣхи, сдѣлалось предметомъ литературной обработки.

Такимъ образомъ, народные пѣсни съ осложненнымъ приѣмомъ испытанія пола кажутся намъ возникшими уже путемъ литературнаго развитія и если онѣ получили затѣмъ широкое распространеніе въ народѣ, то этимъ обязаны своей чисто народной основѣ.

Схема такихъ пѣсней принимаетъ слѣдующій видъ:

- а) У старика-отца нѣтъ сыновей;
- б) На войну идетъ его дочь;
- с) Мотивъ переодѣванія воиномъ вытекаетъ неизбежно изъ обстановки дѣйствія;
- д) Полъ дѣвушки-воина подвергается испытанію.

Первые три элемента данной схемы мы уже видѣли въ пѣсняхъ болгарскихъ и сербскихъ и признали ихъ возникшими на почвѣ быта этихъ народовъ. Что касается послѣдняго изъ нихъ, то мы не питаемъ такой увѣренности къ его народному происхожденію и полагаемъ, что скорѣе всего первоначальная идея его возникла въ какой либо литературной обработкѣ народнаго сюжета о дѣвушкѣ-воинѣ: для безыскусственной поэзіи мотивъ этотъ слишкомъ сложенъ и при томъ не вытекаетъ необходимымъ образомъ изъ положенія вещей. Невольно чувствуется, что онъ какъ бы механически привязанъ къ цѣльной народной пѣснѣ, законченной въ самой себѣ и не предполагающей дальнѣйшаго развитія дѣйствія. Подобныя пѣсни, какъ мы видѣли уже и какъ еще увидимъ, встрѣчаются и понынѣ въ составѣ народной поэзіи.

Наряду съ первоначальной такой пѣсней нашла еще большее сочувствіе въ народной массѣ осложненная ея фабула, обработанная то въ видѣ баллады, то въ формѣ сказки, то въ характерѣ былины.

Гдѣ произошло первоначально подобное осложненіе основы

разказа, рѣшить довольно трудно. Однако попытаемся отвѣтить по мѣрѣ нашихъ силъ на этотъ вопросъ, интересный для исторіи странствующихъ мотивовъ.

VI.

Славянскія пѣсни.

Изъ пѣсенъ съ осложненнымъ уже развитіемъ фабулы мы рѣшаемся поставить первой во главѣ всего, занимающаго насъ ряда литературно-народныхъ произведеній, сербскую пѣсню. Она, какъ кажется, соединяетъ въ себѣ элементы *восточно-славянскій* и *западно-романскій*; она болѣе совершеннымъ образомъ связала два основныхъ мотива нашего разказа: *дѣвушка, замѣняя отца, идетъ на войну*, — *полъ ея подвергается испытанію*; наконецъ, она же, повидимому, послужила прототипомъ, отъ котораго пошли вѣтви на востокъ и на западъ.

а) Варіанты сербскіе.

Мы имѣемъ въ виду превосходную пѣсню, записанную Вукомъ (III, N 40, стр. 293). Она же сообщена и Томмазо (Canti Greci, Venezia 1842, p. 79) въ итальянскомъ переводѣ. Начало ея таково: ¹⁾

„Вала Богу, вала јединоме!
Къигу пише царе од Стамбола,—
Те је шале старцу Јевану:“

Царь требуетъ старика Јована въ войско на цѣлыхъ девять лѣтъ, или самого лично, или же кого либо вмѣсто него. Прочитавъ письмо, старикъ горько плачетъ, и слезы падаютъ на его сѣдую бороду: у него нѣтъ мужескаго потомства, — *„јер не има од срца порода“* — лишь есть у него единственная дочь, Златія (у Томм. Дора). Узнавъ о причинѣ горя отца, она вызывается идти вмѣсто него въ царское войско, получаетъ отцовское вооруженіе и коня и ѣдетъ къ мѣсту назначенія. Царь дѣлаетъ ее везиремъ. Проходятъ девять лѣтъ, никто не узнаетъ въ ней дѣвушки. Лишь молодой Омеръ догадывается и пишетъ своему отцу, что царскій везирь, должно быть, дѣвушка,

¹⁾ У Томмазо: *Lodé a Dio, lode all'Uno,
Lettera scrive il sir di Stamboli,
Ela manda al vecchio Giovanni:“* и т. д.

„Јер је танка стаса и узраста,
А бијела и румена лица“.

Отецъ совѣтуетъ сыну прибѣгнуть къ испытаніямъ:

- а) *метать булаву* (мала);
- б) *бросать камни*;
- в) *завзять въ зеленый садъ и приласить валять-ся по зеленой травѣ*: подъ дѣвушкой трава будетъ смята;
- г) *купаться въ рѣкѣ*.

Въ пѣснѣ это мѣсто передается въ слѣдующемъ видѣ:

„Ако буде лијепа ђевојка,
Нити може (бросить) *мала ни камена*; 1) и 2) исп.
Ако ј' тако познат' не могбудеш,
Ти је зови у зелену башчу,
Те с' *ваљајте по зеленој трави*; 3) исп.
Ако буде лијепа ђевојка,
За ком ће се повијати трава;
Ако ј' тако познат' не могбудеш,
Ти је зови у *бању на воду*“. 4) исп.

Воѣ эти попытки Омера, узнать полъ переодѣтой дѣвушки, оказываются безуспѣшными: она ловко бросаетъ булаву и камни; валяясь по травѣ, она незамѣтно приподнимаетъ ее за собой; когда, наконецъ, пошли купаться, внезапно является вѣстникъ, объявляя, что бѣлые дома везирия разграблены, старикъ отецъ погибъ, мать замучена, добро унесено, кони и соколы похищены. Златія, начавшая уже раздѣваться, быстро привела въ порядокъ свое одѣяніе, вскочила на коня и бросилась съ нимъ въ рѣку. Затѣмъ, обернувшись къ Омору, воскликнула:

„Расте ли ти у пољу пшеница,
Као моја коса под колпаком?
Расту ли ти у башчи јабуке,
Као моје у недрима дојке?“

Съ этими словами она скрылась вдали и возвратилась къ своему отцу, старику Јовану.

Разобранная пѣсня кажется намъ самымъ полнымъ развитіемъ даннаго типа. Въ ней умолчано лишь о хитрости, къ какой прибѣгаетъ дѣвушка по другимъ вариантамъ въ виду предстоящаго ей купанья: она сама заранѣе подговариваетъ и научаетъ вѣстника явиться въ самый критическій моментъ и такимъ образомъ вывести ее изъ затрудненія.

Но и этотъ незначительный пропускъ восполняется въ другомъ сербскомъ изводѣ, именно боснійскомъ, несомнѣнно потому, что этотъ послѣдній довольно рано попалъ въ рукопись.

Очень близкой къ сербской пѣснѣ, записанной Вукомъ, оказывается боснійская пѣсня, заимствованная Богичичемъ ¹⁾ изъ Дубровицкой рукописи, писанной въ третьей четверти XVIII вѣка (1758 г.). По мнѣнію издателя, нѣкоторые пѣсни рукописи записаны собирателями изъ устъ народа гораздо раньше. Такимъ образомъ существованіе нашей поэмы въ предѣлахъ сербскаго племени по меньшей мѣрѣ можно прослѣдить за сто двадцать пять лѣтъ тому назадъ.

Вотъ вкратцѣ содержаніе пѣсни:

„Често кнѣге к Босну приходаху,
Од Стамбула града бијелога,
Ка Новому, старцу Диздар-аги:“

Въ одномъ изъ такихъ писемъ старика потребовали въ войско, между тѣмъ какъ онъ до того уже ослабъ, что не въ состояніи пойти даже въ церковь (к джамиѣ) „Великом се Богу помолити“. Старикъ плачетъ. Дочь его, Пеимана, выручаетъ его. Переодѣвшись воиномъ, она въ сопровожденіи раба, Дилавера, отправляется въ войско и благополучно служитъ девять лѣтъ. На десятый годъ царевичъ Муѣо подозрѣваетъ въ ней дѣвушку и вотъ отецъ его совѣтуетъ ему сдѣлать испытанія:

„Ну је води на росне ливаде,
Међите се камена с рамена, 1-е) испытаніе.
Ако буде она женска глава,
Вјера моја добацит' га не ће“.

Оказалось, что дѣвушка дальше всѣхъ бросила камень. Отецъ вторично совѣтуетъ сыну:

„Поведи је на чахиѣ доне,
Ако буде млада женска глава, 2-е) исп.
Гледаће ти везе по махрама“.

Однако дѣвушка и тутъ не поддастся въ обманъ: вмѣсто женскихъ нарядовъ она купила себѣ саблю. Тогда отецъ даетъ Муѣо третій совѣтъ:

„Ти је води у вруће амаме,
Кад почнете свлачити доламе, 3-е) исп.
Ако буде млада женска глава,
Ласно ћете младу познавати“.

Но дѣвушка была „мудра и паметна“: она призываетъ къ себѣ своего раба, Дилавера, и приказываетъ ему пустить по войску двухъ молодыхъ герольдовъ (телара) именно въ тотъ моментъ,

¹⁾ Богичић, N 96, стр. 261: „Како Пеимана кћи Диздар-аге измијени оца идућ' на цареву војеску, и како откри царевичу Муѣу, и за нѣмѣ отиде у Новоме граду“. Срав. тамъ-же стр. 126—133.

когда она будетъ въ банѣ. Она не успѣла еще раздѣться, какъ герольды закричали:

„Гди је овди Пеиман спахија?
Да је прије ка Новому граду,
Умрије му и отац и мати,
Каури му попалише дворе,
И по двору покупише благо,
Поведоше луби за робину“.

Такимъ простымъ способомъ развязывается народная фантазія запутанную интригу, не прибѣгая къ чудовищной половой метаморфозѣ. Услышавъ страшную вѣсть о разграбленіи дома, Пеимана приводитъ въ порядокъ растегнутую было одежду, даритъ свое вооруженіе своей дружинѣ, садится на коня и бросается черезъ Дрину рѣку. Съ той стороны она кричитъ:

„Душо, злато, царевичу Муџо!
Бад сам теби срцу омилела,
Купи свате, ходи по дјевојку:
И ја н'јесам Пеиман спахија,
Него вѣрца старца Диздар-аге“.

Царевичъ Муџо такъ и дѣлаетъ: собравъ сватовъ, отправляется къ отцу дѣвушки и женится на ней ¹⁾.

b) Варіанты хорватскіе.

Тотъ же самый сюжетъ разрабатывается и въ хорватскихъ пѣсняхъ, съ тою лишь разницею, что онѣ замѣтно отклоняются въ сторону западно-романскихъ произведеній того же круга.

Разсматривая подробности хорватскихъ пѣсенъ, мы убѣждаемся, что самая тѣсная связь существуетъ между ними и сербскими съ одной стороны и итальянскими съ другой. Такимъ образомъ онѣ стоятъ на перепутьи нашего сюжета изъ міра Славянскаго въ міръ Романскій. Почему мы представляемъ себѣ литературное теченіе въ этомъ направленіи, а не въ противоположномъ, будетъ ясно изъ сопоставленія подробностей. Теперь же обратимся къ хорватской пѣснѣ, записанной на южной оконечности Истрии, въ Промонтурѣ ²⁾. Она озаглавлена „Sultanija“, и, начинаясь подобно сербскимъ, представляетъ слѣдующія особенности:

¹⁾ У Петрановича (I, 265) приведена пѣсня „Удати се хоће“, примыкающая къ нашему сюжету: дѣвушка по ней не узнана. Пѣсня такъ испорчена, что мы оставляемъ ее въ сторонѣ.

²⁾ Hrvatske narodne pjesme, što se pjevaju u Istri i na

„Piše knjigu care gospodine:
„Koji ima sina al sinovca
Da ga šalje caru za soldata!“

У старика Видулина нѣтъ сыновей: у него лишь девять дочерей, изъ коихъ младшая называется Султанія. О горѣ старика умалчивается. Султанія прямо проситъ отца снарядить ее на царскую службу. Старикъ въ недоумѣніи спрашиваетъ:

„Kamo će mi žute kose tvoje!
Kamo će mi dva goluba tvoja?“

Дочь отвѣчаетъ:

„Žuta kosa niz pleća junačka,
Dva goluba niz oba pazuva“.

Переодѣвшись воинъ, она явилась въ станъ царскаго войска. Всѣ поражены видомъ дивнаго витязя, всѣ поклонились ему, а самъ царь склонился до „черной земли“. У него тотчасъ же зародилось подозрѣніе, что въ лицѣ воина скрывается дѣвушка, и вотъ онъ совѣтуется съ матерью, какъ бы узнать истину. Та говоритъ ему:

„Ti je vodi u svitle kamare
I vadi joj srebrne prešlice 1-е) испытаніе.
I vadi joj svijetlo oružje“.

Если она молодой воинъ, то выберетъ въ лавкѣ свѣтлое оружіе; если же она, дѣйствительно, дѣвушка, то схватится за золотую прялку. Султанія и глядѣтъ не захотѣла на прялку, а взяла оружіе. Тогда старуха мать совѣтуетъ сыну:

„Š njom ti hodi noću noćevati.
Je li ona delijica mlada,
Ona će se do tebe davati; 2-е) исп.
Je li ona mladjana divojka,
Ona će se od tebe micati“.

Султанія приняла и это предложеніе; но, ложась спать, подъ голову положила саблю, дѣлая условіе, что тому голова съ плечъ, кто первый дотронется до другаго. Обезпеченная такимъ договоромъ, она смѣло придвигалась къ царевичу, между тѣмъ какъ тотъ не рѣшался пошевелиться. Видя неуспѣхъ втораго испытанія, мать говоритъ сыну:

„Ako bude Dunaj priplivala,
To će biti mlada delijica; 3-е) исп.
’Ko nebude Dunaj priplivala,
To će biti lipota divojka“.

Не отказалась и отъ этого смѣлаго предпріятія Султанія. Она переплыла Дунай, когда царь былъ еще на серединѣ рѣки. Съ проти-

воположного берега она показала ему свою желтую косу и раскрыла объ груди, говоря:

„Gledaj care, da bi oslipia,
Sam li muška, sam li ženska glava!“

Царь собралъ сильное войско и началъ преслѣдовать дѣвушку. Между тѣмъ она приблизилась уже къ своему родному дому. Отецъ замѣтилъ ее издали и вышелъ къ ней на встрѣчу, спрашивая:

„Sultanija, drago dite moje,
Kakvo si mi poštenje donila?“

Такимъ вопросомъ намекается на ту черту нравовъ, которую мы наблюдали въ болгарскихъ и сербскихъ пѣсняхъ о дѣвухѣ-гайду-кѣ: для нихъ считалось обязательнымъ блюсти свою чистоту. И вотъ Султанія отвѣчаетъ отцу:

„Kakvo odnila, takvo i donila!“

— Какою ушла, такою и вернулась. — При этомъ она рассказываетъ съ эпическимъ повтореніемъ всю свою исторію.

Вторая хорватская пѣсня, озаглавленная „Vidovićeva Margarita“ ¹⁾, записана Яковомъ Волчицемъ. Начинается она, подобно русскимъ былинамъ, похвалъбой на царскомъ пиру:

„Zahvali se Vidoviću starče
Pul mladoga cara na večeri:
Da on ima do devet sinova,
A on nima sina ni sinovca,
Neg do devet polepih devojak,
Svih devet do mlade Margarite“.

Приведенными стихами хорватская пѣсня близко подходитъ къ итальянскому разсказу изъ Пентамерона, къ которому мы перейдемъ нѣсколько ниже. Хотя подобная завязка не вполне уместна въ нашемъ сюжетѣ, тѣмъ не менѣе она, какъ кажется, не случайно попала въ разбираемую пѣсню: за устойчивость такого заглавія въ интересующемъ насъ кругѣ народныхъ произведеній говорить темный отзвукъ его въ русскихъ былинахъ о Ставрѣ Годиновичѣ и весьма похожее вступленіе въ разсказъ Пентамерона. Далѣе содержаніе пѣсни развивается въ такой послѣдовательности.

Старикъ Видовичъ тужить и горюетъ: царь требуетъ его въ войско. Младшая дочь его, Маргарита, сама вызывается замѣнить отца и въ воинскомъ одѣяніи появляется предъ городомъ царя. Слуги доносятъ послѣднему о приѣздѣ молодаго Видовича, замѣчая:

„Na poskoku da je mladi junak;
Na pogledu da j' divojka mlada“.

¹⁾ Изъ „Naše Sloge“, стр. 25, N VIII. Записана, по всей вѣроятности, на Быгрудѣ (Brgud).

Въ царѣ возбуждено подозрѣніе и онъ приказываетъ слугамъ подвергнуть новоприбывшаго воина испытаніямъ:

„*Peljaјte ga u bele butige,*
Ko j' divojka, *će zbirat' prstene,* 1-е) испытаніе.
Ko je junak, *će zbirat' oružje*“.

Догадливая дѣвушка, какъ и въ предыдущей пѣснѣ, на перстни даже окомъ не взглянула, а выбрала себѣ наилучшее оружіе. Тогда царь приказываетъ:

„*Peljaјte ga vrane kovat konje:*
Ko je junak, *će ih podkovati,* 2-е) исп.
Ko j' divojka, *ništar neće znati*“.

Однако и здѣсь дѣвушка не растерялась и подковала коней не хуже другихъ юнаковъ. Наконецъ, слѣдуетъ распоряженіе:

„*Peljaјte ga mutni plivat Dunaj:*
Ko je junak, *će ga preplivati,* 3-е) исп.
Ko j' divojka, *na kraju će stati*“.

И это испытаніе не привело ни къ чему: всѣ юнаки остановились на берегу мутнаго Дуная, лишь одна молодая Маргарита переплыла рѣку. Оставшись такимъ образомъ неузнанной, она служитъ царю девять лѣтъ и затѣмъ возвращается въ домъ къ своей милой матери. Конецъ пѣсни уже запутанъ и отклоняется отъ общаго типа нашего разсказа.

Слѣдующая хорватская пѣсня, „*Dunčiceva Romanija*“ ¹⁾, еще замѣтнѣе теряетъ свою первоначальную свѣжесть, оказываясь не послѣдовательной въ своемъ развитіи.

„*Zahvali se Dunčiću Ivana,*
Da on ima do *devet sinova,*
A *desetu hčerku Romaniju*“.

Имѣя такимъ образомъ девять сыновей, старику нечего было тужить и жаловаться, когда пришло отъ короля требованіе явиться въ войско. Между тѣмъ на службу идетъ молодая Романія. Королевскій сынъ замѣчаетъ, что у прибывшаго витязя

„*Pristup mužki, pogljed divojački,*
Puni prsa *kako u divojke*“.

Отецъ совѣтуетъ ему:

„*Zovi ga ti sobom u dućane:*
Ko je junak *sablju će obirat,* 1-е) исп.
Ko divojka *osuge će zbirat*“.

Какъ во всѣхъ прочихъ пѣсняхъ дѣвушка и тутъ предпочитаетъ саблю женскимъ украшеніямъ. Тогда король говоритъ сыну:

¹⁾ Изъ „*Naše Sloge*“ N XVII, стр. 45 (Dobrinjska).

„Zovi ga ti Dunaj preplivati:
Ako j' junak preplavat ga oće, 2-6) исп.
Ko j' divojka ni pristupit neće“.

Дѣвушка успѣла переплыть Дунай, въ то время какъ королевичъ былъ еще посреди рѣки. Съ берега она открыла предъ нимъ свою бѣлую грудь и умчалась черезъ темныя горы къ отцовскому дому. Такимъ образомъ эта пѣсня забыла послѣдовательный ходъ испытаній, сокративъ число ихъ до двухъ.

Близкой къ вариантамъ хорватскимъ должна быть, по всей вѣроятности, пѣсня словинская изъ Брайны. Ея сожалѣнію, она намъ извѣстна лишь въ нѣмецкомъ переводѣ Анастасія Грюна ¹⁾, подлинника къ которому намъ не удалось отыскать. Пѣсню эту приводитъ къ сравненію съ португальскими вариантами Рейнгольдъ Келеръ ²⁾ и находитъ въ нихъ много общихъ мѣстъ. Однако опредѣленно высказываться о степени родства между ними мы считаемъ невозможнымъ, такъ какъ отсутствіе оригинала не позволяетъ судить о характерѣ самой композиціи словинской пѣсни при наличности составныхъ ея элементовъ. Такъ здѣсь одна изъ семи дочерей старика идетъ вмѣсто отца на войну, переодевая въ мужское платье. Затѣмъ ее подвергаютъ испытаніямъ, что передается Грюномъ въ слѣдующихъ стихахъ:

„Sie (т. е. соратники дѣвушки)
winken sich und flüstern leis,
„Wie man's ergründ in schlauster Weis"?
„Zum Krämerladen gehen sie drauf,
„Wo Waaren lagern bunt zu Hauf:
„Und ist's ein Mann, trifft seine Wahl
„Das Kugelrohr, den Säbelstahl;
„Und ist's ein Weib, so wählt es aus
„Das bunte Band, den Blumenstrauss“.
„Schön Lenchen griff in rascher Wahl
„Nach Kugelrohr, nach Säbelstahl“.

Въ концѣ дѣвушку приглашаютъ плавать въ рѣкѣ, что она и исполняетъ, — какъ это мы наблюдали во многихъ славянскихъ вариантахъ, — опережая своего соперника. Такимъ образомъ словинская пѣсня сохранила воспоминаніе лишь о двухъ испытаніяхъ подобно вышеразобранной хорватской, и это даетъ намъ основаніе думать,

¹⁾ Anastasius Grün, Lieder aus der Fremde. Hannover 1857, стр. 76.

²⁾ Jahrbuch f. Romanische u. Englische Literatur III, 1861. Reinhold Köhler, Zu F. Wolfs Proben portugiesischer u. Catalanischer Volksromane, стр. 57.

что она не представляет собою оригинальной обработки нашего рассказа, а служить только отраженіемъ хорватскихъ вариантовъ.

Интереснее приуроченіе разбираемаго сюжета къ историческому лицу представляетъ пѣсенка изъ Слуня въ бывшей военной Границѣ. Она отнесена издателемъ, Кухачемъ, къ 1856 году и названа „Женски војник“ ¹⁾.

„Прошло, прошло је јур девет годин дана,
Што ја, што ја служим Јелачића бана,
Јелачића бана, хрватскога краља.
Нико, нико не зна, да сам женска глава,
Само, само једна мајурница стара.
То почуо бане, бане господине,
Па говори бане: Еј, чујеш ли, Јанко?
Досад си ми био вјеран, вјерап слуга,
Па садами будеш вјерна, вјерна луба“.

Въ приведенной пѣснѣ мотивъ о переодѣтой дѣвушкѣ-воинѣ переходитъ уже на почву бытовую. Въ ней нѣтъ упоминанія о причинахъ, приведшихъ дѣвушку въ число воиновъ Елачича бана, нѣтъ и намековъ объ испытаніи пола дѣвушки, лишь конецъ пѣсни даетъ возможность чувствовать до нѣкоторой степени связь ея съ вышеразобранными пѣснями, кончавшимися, обыкновенно, замужествомъ узнанной героини.

Какъ сложныя хорватскія пѣсни о дѣвушкѣ-воинѣ, подвергающейся различнымъ испытаніямъ, своими подробностями сближаются съ подобнаго рода произведеніями итальянскими, къ которымъ мы перейдемъ позднѣе, такъ короткая пѣсня о дѣвушкѣ, служившей у Елачича-бана въ качествѣ воина, напоминаетъ намъ значительно раньше разобранныя болгарскія пѣсни о дѣвушкѣ-гайдукѣ, признанныя нами за развившіяся изъ условій быта этого народа.

Въ поэзіи Болгаръ находится не только достаточное количество первоначальныхъ, несложныхъ бытовыхъ пѣсенъ о подвигахъ дѣвушки-воина, но встрѣчаются также, наряду съ первыми, произведенія и болѣе развитыя, осложненныя вплетеніемъ въ дѣйствіе мотива объ испытаніи пола переодѣтой дѣвушки. Къ анализу подобныхъ произведеній мы теперь и обратимся.

с) Варианты болгарскіе.

При общей близости пѣсенныхъ мотивовъ въ поэзіи сербско-хорватской и болгарской нельзя не замѣтить существенной разницы въ ихъ обработкѣ у того и другаго народа. Сербская пѣсня отли-

¹⁾ Куhač I, N 339.

чается могучимъ поэтическимъ чувствомъ; она картинно рисуетъ подробности дѣйствія и художественно группируетъ ихъ въ одно стройное цѣлое; она представляетъ собою законченную, развитую поэму, облеченную то въ легкія, то въ суровыя краски спокойнаго и величаваго характера южнаго Славянина.

Болгарская пѣсня, развивая тотъ же самый сюжетъ, далеко отстаетъ отъ сербской по своему поэтическому достоинству: она сухо и безжизненно передаетъ событіе, скучно растягивая подробности. Отсутствие художественныхъ уподобленій и сравненій, монотонность разсказа и излишняя расплывчивость даютъ право называть ее прозаической передачей высокохудожественной, исполненной силы чувства и выраженія сербской пѣсни.

Бѣдность поэтическаго дарованія болгарскаго народа сказалась и въ передачѣ занимающаго насъ сюжета. Весьма вѣроятно, что этотъ послѣдній попалъ сюда изъ Сербіи и привязался къ бытовымъ пѣснямъ о дѣвушкѣ-хайдукѣ. Самымъ полнымъ болгарскимъ вариантомъ представляется намъ пѣсня, записанная въ Софійскомъ округѣ: „Мома Богдана войникъ отива“ ¹⁾. Содержаніе ея слѣдующее:

„Отъ цара іе абѣр дошло Сѣте си войници найдѣа,
Да ѣда' млади войници, Кой брѣтец, кой побратимче“.
Отъ царя пришелъ указъ, чтобы молодежь шла въ войско. Кто послалъ брата, кто побратима; лишь старому бану нѣтъ замѣны. Онъ сидитъ и плачетъ. Дочь его, Богдана, доткала полотно и спрашиваетъ отца о причинѣ горя. Узнавъ въ чемъ дѣло, она осѣдлала коня двѣнадцатью подпругами, купила въ Софіи воинское одѣяніе и отправилась на царскую службу. Такъ прошло девять лѣтъ. На десятый она холитъ коня, плачетъ и поетъ. Царица по пѣнію догадывается, что это дѣвушка и говоритъ сыну прибѣгнуть къ испытаніямъ:

„Я ги, сѣну, ѡведи
У тѣя бѣйма градѣна
Сѣте по кѣтка да набѣра' 1-е) испытаніе.
И виш млади войниче,
Да ли че кѣтка да набѣре.“

Всѣ войны нарвали цвѣтовъ въ саду, сдѣлали изъ нихъ букеты и украсили ими свои головы, одна лишь Богдана заткнула букетъ за поясъ, т. е. поступила совершенно по мужски. Тогда мать совѣтуетъ сыну:

¹⁾ Период. Спис. 1882 г. I. Пѣсня эта записана въ селѣ Быстрицѣ, лежащемъ къ югу отъ Средца (Софіи).

„Я ги *заве́ди у Бѹдинъ*,
 Сѣте по *фѹрка да кѹпатъ*, 2-е) исп.
 По *фѹрка и по вретѣно*“.

Въ городѣ Будинѣ всѣ воины купили по прѣлѣ и по веретену, а Богдана приобрѣла для себя кафалъ (родъ трубы), на которомъ дивно заиграла и затрубила. По первому и по второму испытанію можно судить, что пѣвецъ не понялъ занесеннаго разсказа, иначе зачѣмъ бы ему заставлятъ всѣхъ прочихъ воиновъ увлекаться предметами женскаго обихода, назначенными для одной лишь переодѣтей Богданы?

Мать царя назначаетъ третье испытаніе:

Я ги *заве́ди, заве́ди*
 На *та́я бѣла Ду́нава*,
 Сѣте че да се *окапа*’ 3-е) исп.
 А *товѣ младо войниче* .
 Да *ли че да се окапе*“.

Въ то время, какъ другіе воины купались, Богдана разыграла своего коня и, бросившись въ рѣку, переплыла Дунай. Прибывъ въ домъ къ матери, она улеглась спать, между тѣмъ царь въ сремской каретѣ (кочія) ѣдетъ взять ее за себя, хотя изъ пѣсни не видно, откуда онъ убѣдился, что она подлинно дѣвушка. Болгарскому пѣвцу почему то казалось нужнымъ закончить разсказъ тѣмъ, что царь увозитъ Богдану въ каретѣ сонною, вѣроятно для этого лишь понадобилась и карета.

Второй болгарскій вариантъ, къ сожалѣнію не полный, сообщенъ бр. Миладиновыми (N 86, стр. 123) и озаглавленъ ими: „Тодорка и княхче“. Какъ и въ разобранныхъ выше пѣсняхъ, такъ и здѣсь дѣйствіе открывается указомъ царя, въ силу котораго всѣ должны послать въ войско сыновей, или же за неимѣніемъ ихъ обязаны идти сами. Въмѣсто Ивана (старика) снаряжается его единственная дочь Тодорка: она служила семь лѣтъ и никто не узналъ ее. Какъ то въ праздникъ св. Лазаря ей показалось, что она въ кругу своихъ подругъ идетъ на базаръ и вотъ она запѣла пѣсню. Молодой князь услышалъ пѣніе и заподозрилъ въ лицѣ ея дѣвушку. Отецъ совѣтуетъ ему для открытія истины:

„Я си *заведи войска-та*
 На *равно поле да играе*,
 Д’играе *хоро юнашко*, 1-е) исп.
 Сички-те на *редъ да гледашъ*,
 Дано *мома-та познаешъ*“.

Когда такой пріемъ не увѣнчался успѣхомъ, царь даетъ сыну новую мысль:

„Я си *заведи войска-та*
 Де-то сж *хурки продаватъ*“ . 2-е) исп.

И тутъ не узнали дѣвушку. На этомъ обрывается пѣсня, представляющая намъ безжизненнымъ скелетомъ занесеннаго сюда сербскаго произведенія. Таже сербская основа примкнула къ бытовой болгарской пѣсенкѣ о дѣвушкѣ-гайдука въ вариантѣ, заимствованномъ Безсоновымъ (N XXX, стр. 148) изъ сборника Катранова и Вельтмана и названномъ „Тодора“.

Пѣсня начинается обычнымъ въ болгарской и ново-греческой поэзіи выраженіемъ необычайности и невѣроятности событія:

„Дѣ сѣ ѿ чюло, видѣло,
Мома сѣ хайдути да ходи,
Бато Тодора дѣвойка!“

Девять лѣтъ она ходила съ гайдуками, на десятый одинъ изъ нихъ почему то догадался, что это дѣвушка и, желая убѣдить въ этомъ также товарищей, приглашаетъ ихъ пойти

„Прѣзъ пазаръ, прѣзъ чиршиж-тж (торгъ),
Тамъ има хурки писани
И позлатіени *взртена*, 1-е) исп.
Тамъ има мѣдни кавали“ (свирѣли).

Предполагалось, что Тодора, какъ дѣвушка, выберетъ себѣ писаную прялку и позолоченное веретено. Она же, будучи хитрой и разумной, взяла свирѣль, заиграла на ней и начала еще подсмѣиваться надъ товарищами, засматривавшимися на прялки и веретена. Неугомонный гайдука даетъ новую мысль:

„Хайде да идемъ, да идемъ,
Въ честж *горж зеленж*, 2-е) исп.
Тамъ има червенъ *трендафилж*“ (роза).

- Если Тодора дѣйствительно воинъ, то она пройдетъ мимо розъ, откусивъ одну лишь изъ нихъ; если же она дѣвушка, то, набравъ розъ, украситъ ими голову. Тодора откусила одну розу и воткнула ее въ ружье. Тогда гайдука прибѣгаетъ къ послѣднему средству:

„Хайде да идемъ, да идемъ,
Въ *Дунавъ да сѣ окжнимъ*“. 3-е) исп.

Какъ дѣвушка, Тодора не могла купаться вмѣстѣ съ гайдуками: она ушла впередъ, распоясалась и, бросившись въ рѣку, переплыла на другую сторону. Оттуда она посмѣялась надъ ихъ простотой, говоря, что въ девять лѣтъ они не смогли узнать въ ней дѣвушку.

Наконецъ, тотъ же пѣсенный мотивъ попалъ въ хороводную болгарскую пѣсню, записанную въ Бюстендильскомъ округѣ г. Качановскимъ (N 50, стр. 125—126), озаглавившимъ ее „Будетъ болгарскій царь изъ Болгаръ“ ¹⁾. И этотъ вариантъ ничѣмъ не вы-

¹⁾ Пѣсня эта записана 5 дек. 1879 г. въ селѣ Жилинцахъ со словъ дѣвицы Анны Карадановой.

дается изъ числа прочихъ болгарскихъ пѣсенъ нашего круга. Первая половина его построена на почвѣ народной мѣстной пѣсни о дѣвушкѣ, замѣняющей отца въ военномъ дѣлѣ; вторая — въ крайне испорченномъ видѣ напоминаетъ отзвуки сербской пѣсни съ испытаніемъ пола дѣвушки при посредствѣ помятой травы. Для полноты передадимъ и ея содержаніе:

„Булгаринъ че царь да биде —

Бугарска войска че бере“.

Въ виду этого всѣ обязаны доставить солдатъ. У Стояна нѣтъ сыновей, а лишь десять дочерей, изъ нихъ младшая называется Радулинка. Отецъ ея, не имѣя кого послать въ войско, заливаясь горькими слезами и ломаетъ свои бѣлые руки. Радулинка вызывается заступить его мѣсто. Отецъ покупаетъ для нея вооруженіе въ Новомъ-Базарѣ, обрѣзываетъ ей косу и оставляетъ только чубъ (перчикъ). Девять лѣтъ она носить зеленое знамя въ войскѣ. Однажды она пропѣла „Лазарицу“, царица услышала пѣніе и сказала царю, что въ его войскѣ есть дѣвушка. Затѣмъ рассказъ путается, остается лишь догадываться, что пѣвецъ имѣлъ въ виду испытаніе при посредствѣ сидѣнія на травѣ. Думать это позволяютъ слѣдующія строфы:

„Де сидѣла дружина,

Се трава-та весела;

Де сидѣла Радулинка,

Тамъ трава-та повенала“.

Но дѣвушка поливала траву водою, принесенною во рту, такъ что и на ея мѣстѣ трава повеселѣла. На этомъ кончается пѣсня, испортившая мотивъ объ испытаніи пола дѣвушки-воинна до неузнаваемости.

Подведя итогъ разобраннымъ болгарскимъ пѣснямъ, мы должны сознаться, что въ нихъ нѣтъ самостоятельной обработки занимающаго насъ сюжета. Онѣ возникли, благодаря сосѣдству сербскаго племени, блестящіе поэтическія произведенія котораго послужили моделью для жалкой копіи, созданной болгарскимъ пѣвцомъ. Послѣдній не сумѣлъ передать ясно и послѣдовательно тѣхъ отдѣльныхъ звѣньевъ, которые логически и необходимо вытекали одно изъ другаго въ сербской пѣснѣ. Онѣ спуталъ рассказъ, смѣшалъ и перзабылъ подробности, чѣмъ наглядно доказалъ, что подобныя пѣсни занесены на болгарскую почву изчужа, заимствованы извнѣ, гдѣ были понятны и цѣльны.

д) Варіанты чешско-словенскіе и русскіе.

Чѣмъ далѣе подвигаемся мы отъ осѣдлости сербскаго племени, тѣмъ блѣднѣе и непрозрачнѣе становятся народныя произведенія,

созданный на основѣ нашего сюжета. Само собою напрашивается сравненіе подобныхъ произведеній съ постепенно замирающимъ эхомъ могучей пѣсни, вылившейся изъ души воодушевленнаго творца ея гдѣ-то въ предѣлахъ сербскаго народа. Область распространенія этой пѣсни далеко выходитъ за черту народности сербско-хорватской и болгарской: въ мірѣ Славянскомъ она проникаетъ также въ поэзію Чеховъ, Мораванъ и Словаковъ и еще далѣе на востокъ захватываетъ пѣсни Бѣлоруссовъ и думы Малоруссовъ. Въ польскихъ сборникахъ пѣсенъ нашъ не удалось найти ничего, напоминающаго нашъ мотивъ, между тѣмъ въ поэзіи великорусской онъ переработанъ такъ своеобразно, что къ изученію этой обработки мы перейдемъ современемъ въ особой главѣ.

Чешская пѣсня извѣстна намъ къ сожалѣнію лишь въ пѣмецкомъ переводѣ Альфреда Вальдау ¹⁾. Содержаніе ея слѣдующее: „Крестьянину пришелъ приказъ явиться въ солдаты. Вернувшись съ поля домой, онъ садится у края стола и поочередно обращается къ каждой изъ трехъ своихъ дочерей съ просьбой пойти на войну вмѣсто него. Двѣ первыя изъ нихъ отказываются неумѣняемъ сражаться, третья младшая охотно соглашается замѣнить отца и проситъ купить ей вороного коня и золотое сѣдло. Когда она сѣла на лошадь, отецъ и мать горько заплакали. Съ перваго выстрѣла она поразила триста Турокъ, со втораго весь лагерь, а съ третьяго обратила всѣхъ въ бѣгство“.

Легко замѣтить, что приведенная чешская пѣсня давно забыла уже свою первоначальную основу и напоминаетъ о ней лишь своимъ началомъ: *у отца нѣтъ сыновей, вмѣсто него на войну идетъ дочь* его, обыкновенно единственная, здѣсь же замѣненная тремя, вѣроятно съ цѣлью особенно оттѣнить удалъ послѣдней. Очень правдоподобно видѣть въ этой пѣснѣ лишь отрывокъ, какъ полагаетъ Адольфъ Вольфъ ²⁾: въ ней опущено какъ испытаніе, такъ и обнаруженіе пола дѣвушки-воина. Последнее удер-

¹⁾ Alfred Waldau, Böhmisches Granaten. Czechische Volkslieder. Prag 1858. B. 1, s. 266, N CCCLII. Тексты заимствованы переводчикомъ изъ многихъ сборниковъ, изъ коихъ важнѣйшіе: *Pisně národní v čechách*. Sebral Karel Jaromír Erben. 3 тома, 1842; *Pisně slovanské*. Sebral F. L. Čelakovský. 3 т., 1822—27; *Staročeské pověsti, zpěvy, hry, obyčeje, slavnosti a napěvy*, od V. Krolmusa, 2 т., 1845—51; *české národní duchovní písňe*. Sebral J. V. Kamaryt, 2 т.; *Moravské národní písňe* od F. S. 2 тома кв. Въ этихъ сборникахъ мнѣ не удалось найти подлинника.

²⁾ Adolf Wolf, Volkslieder aus Venetien. Sitzgb. d. Ph. H. Kl. d. K. Ak. d. Wis. Wien 1864 (257—381).

жалось еще въ словацкой пѣснѣ, записанной Капперомъ ¹⁾ и подвергавшейся, повидимому, многоразличнымъ передѣлкамъ. И эта пѣсня извѣстна намъ, подобно предыдущей, лишь въ нѣмецкой передачѣ: она носитъ заглавіе „Ein Vort — ein König“. Въ краткихъ чертахъ содержаніе ея таково:

„И день и ночь вербуетъ король войско для битвы съ Турками. Каждый, способный владѣть копьемъ, обязанъ явиться въ строй. Протяни мнѣ руку, король, для вѣтвы въ моей готовности умереть за Венгрію, сказалъ лысый съ бѣлоснѣжной бородой старикъ, окруженный женщинами. Тебя не могу принять, былъ отвѣтъ короля: если хочешь сражаться за мой тронъ, то пошли сына. Тогда старикъ предлагаетъ старшей дочери пойти вмѣсто него на войну. Я пошла бы, если бы мой мужъ не поблѣднѣлъ на полѣ битвы, отвѣчаетъ та. Вторая дочь тоже отказывается, боясь потерять въ сраженіи возлюбленнаго; но третья изъ нихъ проситъ добыть ей боеваго коня, новое сѣдло, стрѣлы, мечъ и копье и охотно идетъ въ войско. Всѣ жалѣютъ ее, а отецъ посылаетъ ей въ слѣдъ благословеніе. Гордо и смѣло объѣхала она трижды вокругъ лагерь сѣ дубовой вѣтвью въ рукѣ. Король пораженъ видомъ всадника и говоритъ: если бы ты, рыцарь, былъ дѣвушкой, тебѣ слѣдовало бы немедленно налить мнѣ вина. Дѣвушка сходитъ съ лошади, склоняется къ землѣ, король трижды дотрогивается до нея мечомъ. Если бы ты, рыцарь, продолжаетъ король, былъ дѣвушкой, ты сейчасъ же сдѣлался бы королевой. Дѣвушка поднимаетъ шлемъ, ея золотистые волосы развѣваются, король держитъ свое слово и женится на ней“.

Такимъ образомъ словацкая пѣсня нѣсколько полнѣе чешской: въ ней есть темный намекъ на испытаніе пола и какъ результатъ признанія — является замужество дѣвушки съ королемъ.

На той же степени развитія, или вѣрнѣе сказать паденія, что и словацкая пѣсня, стоятъ варианты моравскіе. Сушилъ ²⁾ сообщаетъ ихъ три, изъ которыхъ самый длинный записанъ въ окрестностяхъ Прибора и принятъ въ Антологію Бартоша ³⁾. Развитіе дѣйствія въ пѣснѣ таково:

„Zakazali na vojnu
Sedláčkovi do domu.
Sedláček se zastaral

Sednā za stůl zaplakal.
Nemāu syna žádného
Ani bratra vlastního“.

¹⁾ Siegfried Kapper, Slavische Melodien. Leipzig 1844, стр. 34.

²⁾ Sušil, Moravské národní písně s nápěvy. V Brně 1860, 1 т., стр. 106—107.

³⁾ Bartoš, Anthologie z národních písní československých. Praha 1874 (17).

Отец просит старшую дочь пойти вместо него воевать; та отказывается, так какъ у нея мягкое сердце, и она всякаго боится. Точно также поступаетъ и вторая. Третья дочь твердаго сердца идетъ на войну и побиваетъ Турокъ. Король (сіаѣ) удивляется ея молодечеству и обѣщается отдать за удалаго воина свою единственную дочь. Но тутъ переодѣтая дѣвушка сама объявляетъ свой полъ и король беретъ ее въ жены своему сыну.

Второй вариантъ у Сушилы (N 109, стр. 106) мало чѣмъ отличается отъ перваго, нами приведеннаго. Онъ названъ издателемъ „Bojovnice“ и начинается такъ:

„Kral na vojnu zavolal (2)—Sedlaček se zastaral“ (2). Все отклоненіе его отъ перваго состоитъ лишь въ томъ, что младшая изъ трехъ дочерей отказывается отъ замужества съ сыномъ короля, говоря:

„Něpřijela sem se vdat', To za sveho mileho,
Přijela sem bojovat'— Za tatičku stareho“.

На этомъ кончается пѣсня, очевидно, лишь слегка видоизмѣненная.

Третій вариантъ сообщенъ Сушилой не вполне: изъ него выдѣлено лишь одно оригинальное мѣсто, представляющее значительный интересъ, такъ какъ оно указываетъ на общность источника вариантовъ моравскихъ съ одной стороны и бѣлорусскаго, а также и малорусскаго съ другой. Сообщенная выдержка содержитъ наставленіе отца, данное дочери въ моментъ ея отправленія на войну. Оно такого характера:

„Dyž jí vrata otvíral, Než sa chytni prostředu.
Tatko jí on povídal: V zadu, předu stíla já,
Nedrž sa předu, zadu, Postředeťk vumíňajú“.

„Открывая ворота, отецъ говоритъ ей: не ѣзди впередъ и не отставай назадъ, но держись середины войска. Въ заднихъ и въ переднихъ стрѣляютъ, а въ средину не попадаютъ“.

Въ самой тѣсной связи съ чешско-словенскими пѣснями находятся варианты бѣлорусскій и малорусскій: въ первомъ съ большою точностью передано *сватовство королевича за дѣвушку-воина*, во второмъ — *советъ отца дочери, какъ держаться въ войсѣхъ*, вложенный здѣсь въ уста матери. Въ бѣлорусскомъ вариантѣ послѣдній мотивъ неумѣло прилаженъ къ первому: сразу бросается въ глаза механическое соединеніе двухъ различныхъ пѣсень, родственныихъ, но: разншихъ съ большою выразительностью разные моменты разсказа. Такія произведенія, занимающіяся однимъ изъ помянутыхъ мотивовъ, существуютъ въ малорусской поэзіи независимо другъ отъ друга: къ нимъ мы перейдемъ, познакоившись

предварительно съ пѣсней бѣлорусской, помѣщенной у Безсонова ¹⁾. Дѣйствіе развивается ея слѣдующимъ образомъ:

„Ой, загадали на войну	У нашего войта сыноў нѣтъ,
Нашаму салу ўсяму,	Одна дачушка на роду,
Нашаму войту самаму.	И тоя ѣхаці на войну“.

Дочь просить отца справить ей острый мечъ, побиваетъ имъ неприятельское войско и возбуждаетъ удивленіе короля (королевица?). Тотъ и говоритъ:

„Ой, кабъ я вѣдаў, чій то сынъ,
Отдаў бы я дочку королеўночку.
Ой, не питай, королевичъ, чій то сынъ:
Я сама панна войтовна! . . .
— Колижъ ты есць войтовна,
Яжъ цябе за сына возьму,
Яжъ тобѣ половина королеўства опишу“.—

Въ этомъ мѣстѣ мы ожидали бы конца пѣсни, между тѣмъ она безъ всякой внутренней связи переходитъ къ другому мотиву. Войтовну отецъ выправляетъ въ путь и совѣтуетъ ей не держаться впереди войска, точно также какъ въ моравскихъ вариантахъ. Но она пошла впереди и вотъ пришлось переплывать синее море: она поплыла и утонула. Всѣ козаки идутъ съ войны и въ рукахъ ведутъ коня войтовны.

Бѣлорусская пѣсня такимъ образомъ представляется намъ крайней степенью запутанности разсказа и затемнѣнія первоначальной его основы. Такъ постепенно сглаживается логическая связь основныхъ звѣньевъ разсказа по мѣрѣ удаленія отъ центра, его создавшего.

Не большею прозрачностью первобытной основы своей отличаются и варианты малорусскіе. Въ этомъ отношеніи они не выдѣляются изъ всей группы чешско-словенскихъ и бѣлорусскихъ пѣсенъ и если представляютъ какую либо особенность, такъ это разложеніе нѣкогда цѣльнаго произведенія о дѣвушкѣ-воинѣ на составные его элементы, послужившіе матеріаломъ для отдѣльныхъ колядокъ, приспособленныхъ къ быту и понятіямъ народа. Самымъ цѣльнымъ малорусскимъ вариантомъ можетъ считаться пѣсня „Дѣвушка-воинъ“ ²⁾, записанная въ Киевской губерніи. Содержаніе ея таково:

„Тай чую загадано та заповидано, У кого є сини то висилати,
Усімъ козаченькамъ та в війсьго йти: А в кого нема,—то наймати“.

¹⁾ Безсоновъ, Бѣлорусскія пѣсни I, 39.

²⁾ Историческія пѣсни малорусскаго народа, съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Т. I, Киевъ 1874, N 65, стр. 314 и сл.

Начало пѣсни тоже самое, что и во всѣхъ нами разобранныхъ славянскихъ вариантахъ; но далѣе рассказъ отклоняется отъ общаго типа. На краю села жила вдова съ одною только дочкой, Катериночкой. Снаряжая ее въ войско, мать и говоритъ:

„Як будеш ти в вѣйсько йти,
То не попережайся поперед вѣйська
І не оставайся позад вѣйська,
Та держись вѣйська середнѣго“.

Дочка, оказывается, не послушалась совѣта матери, поѣхала впередъ. Всѣ козаки пошли вплавъ, а конь Катериночки не перешелъ рѣки, и она попала въ руки Татарина. Точно такой же вариантъ былъ записанъ Чубинскимъ и Новицкимъ. Во всѣхъ нихъ чувствуется отзвукъ выведенной нами схемы:

а) *дѣвушка идетъ на войну* вмѣсто сына вдовы;

б) *она переправляется черезъ рѣку* на конѣ, какъ при одномъ изъ испытаній, назначенныхъ для открытія ея пола; но слѣдующая затѣмъ надставка — дѣвушка попадаетъ въ плѣнъ къ Татарину — возникла путемъ нарастанія бытовыхъ чертъ.

Связанный съ нашей схемой эпизодъ сватовства за узанную дѣвушку переродился въ малорусскихъ колядкахъ въ обратномъ направленіи: отличившемуся воину непріятельскій царь предлагаетъ въ жепы свою дочь. Такой мотивъ развиваютъ колядки, записанныя Чубинскимъ въ Ушицкомъ уѣздѣ, изъ которыхъ одна приведена въ упомянутомъ сборникѣ „Историческихъ пѣсень“ (стр. 27) ¹⁾. Сохраненіе ея слѣдующее:

„З суботи на неділю заказали на вѣйну,
Заказали на вѣйну: хто сина має,
А хто немає, нехай наймає“.

Начало колядки цѣликомъ взято изъ круга нашихъ пѣсень о дѣвушкѣ, идущей на войну, выступленіе которой на сцену вызывается стихомъ „а хто немає, нехай наймає“. Между тѣмъ по колядкѣ на войну идетъ единственный сынъ вдовы. Мать даетъ ему извѣстный уже намъ совѣтъ: не заскакивать впередъ войска, не отставать позади его, но держаться середины. Сынъ не слушается совѣта матери: впереди всѣхъ онъ такъ отличается, что турецкій царь спрашиваетъ:

„Ой чий то синок коником грає,
Мечем ввиває, вѣйсько рубає?
Ой колиб я його знав,
Тоб я за його свою дочку оддав“.

¹⁾ Подобныя же колядки записаны: Головацкимъ (Чтенія 1866, I, III, 609) и Лукашевичемъ (Малор. и Червон. думы и пѣсни 86—87).

Обыкновенно подобное предложеніе дѣлалось отличившейся дѣвушкѣ, съ которой оно и перенесено въ колядкахъ на сына вдовы вслѣдствіе уже крайняго паденія и полнаго забвенія первоначальной фабулы. На ея основѣ выросли уже новыя бытовыя черты, рельефно сказывающіяся въ послѣднихъ стихахъ колядокъ. Сынъ вдовы отказывается отъ предложенія турецкаго царя, говоря: „Твоя дочка — погана віра!“

Малорусскія колядки оказываются послѣднимъ отголоскомъ нашего сюжета, слѣды котораго сохранились въ поэзіи всехъ славянскихъ племенъ за исключеніемъ развѣ польскаго. Отправившись отъ произведеній сербскихъ, мы прослѣдили шагъ за шагомъ распространеніе мотива о *дѣвушкѣ-воинѣ* на востокъ и сѣверъ между славянскими народами и не могли не замѣтить, что послѣдніе отзвуки его, едва уже замѣтные, наблюдаются въ памятникахъ народнаго творчества Малоруссовъ и Бѣлоруссовъ.

Теперь обратимся въ другую сторону и постараемся прослѣдить, какое развитіе получилъ нашъ мотивъ въ поэзіи романскихъ народовъ, приходившихъ часто въ соприкосновеніе съ юго-западными Славянами, по преимуществу Сербо-Хорватами.

УІІ.

Пѣсни романскія.

Мотивъ о дѣвушкѣ-воинѣ занялъ вниманіе не только пѣвцовъ славянскихъ, создавшихъ на немъ, какъ мы видѣли, значительное количество пѣсенъ, но онъ проникъ также въ поэзію западныхъ народовъ, отнесшихся къ нему не безъ сочувствія. Изъ всѣхъ вышеразобранныхъ славянскихъ произведеній, основанныхъ на немъ, пѣсни сербскія сохранили его въ наибольшей чистотѣ и прозрачности: всѣ звѣнья разсказа здѣсь въ наличности и легко отдѣляются одно отъ другаго. Такъ какъ, несомнѣнно, въ нашемъ мотивѣ мы имѣемъ дѣло съ такъ называемымъ странствующимъ сюжетомъ, то, поставивъ разъ сербскія пѣсни въ центрѣ, изъ котораго вышли прочіе славянскіе варианты, отправимся теперь отъ того же пункта по направленію къ западу, гдѣ среди романскихъ народовъ встрѣтимъ отзвукъ того же разсказа.

а) Варианты итальянскіе.

Въ сѣверной Италіи пѣсня наша получила довольно широкое распространеніе. Мы уже упоминали въ началѣ нашего труда о томъ, что Нигрѣ удалось собрать 12-ть вариантовъ, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, не всѣ были опубликованы. Послѣдующіе собиратели тоже записали нѣсколько подобныхъ пѣсенъ. Изъ нихъ мы прежде всего остановимся на экземплярѣ, напечатанномъ Адольфомъ Вольфомъ ¹⁾, не потому, чтобы онъ представлялъ какую либо особенность сво-

¹⁾ Adolf Wolf, Volkslieder aus Venetien (стр. 314, N 79). Sitzungsber. d. ph.-his. Klasse d. K. Ak. d. Wissenschaften. 1864. Wien.

имъ содержаніемъ, а лишь въ силу того, что записанъ въ Венеціанской области, въ которой издавна жили Славяне и съ которой они состояли въ постоянныхъ и разнообразныхъ международныхъ сношеніяхъ.

Адольфъ Вольфъ, какъ это видно изъ приведенной раньше выдержки изъ его статьи, приписываетъ обиліе поэтическихъ произведеній, наблюдаемое въ сѣверной Италіи, примѣси германскихъ элементовъ въ крови обитателей венеціанской области. Не оспаривая такого утвержденія, мы считаемъ нужнымъ замѣтить лишь, что германское поэтическое вліяніе не имѣло ровно никакого мѣста по крайней мѣрѣ по отношенію къ разбираемому сюжету: если не считать далеко отклоняющейся отъ общей схемы разбираемыхъ произведеній сказки нѣмецкой въ сборникѣ Ян. Гримма, къ которой мы со временемъ перейдемъ, то можно настаивать на мнѣніи, отвергающемъ всякое соучастіе германскаго творчества въ созданіи произведеній изъ круга нашего мотива ¹⁾.

Въ Истріи и въ Крайнѣ мы нашли славянскіе варианты пѣсни о дѣвущкѣ-воинѣ: въ первой сербско-хорватскій, во второй словинскій. Ближайшимъ послѣдствіемъ сосѣдства этихъ славянскихъ народностей съ итальянской могла быть взаимная передача пѣсенныхъ мотивовъ. На самомъ дѣлѣ это и наблюдается на пѣснѣ, напечатанной Вольфомъ. Она озаглавлена имъ „La figlia coraggiosa“ и развиваетъ извѣстную намъ фабулу слѣдующимъ образомъ:

„Cosa piangeu, o fratello!
Cosa piangi mai vu?
Piangeu per andar ala guera,
Anderò mi per vu“.

Такъ говоритъ сестра къ брату, неизвѣстно почему нежелающему идти на войну. Однако братъ колеблется принять услуги сестры, возражая, что ее узнаютъ.

„No, no, fratello mio,
Che saverò che fare,
Saverò tanto parlare,
Non vegnirò conosciu“,

отвѣчаетъ сестра и проситъ дать ей хорошую лошадь, саблю и ножъ. Дѣвушка садится на лошадь, одѣтая драгуномъ. Мать смо-

¹⁾ Nigra, La poesia popolare italiana. Romania 1876 (417—452) вообще отрицаетъ вліяніе германское на поэзію сѣверной Италіи: въ ней онъ усматриваетъ субстратъ кельтско-романскій, развивавшійся подъ вліяніемъ исключительно французскимъ. Напротивъ того итальянское литературное направление сказалось въ пѣснѣ о Нибелунгахъ, въ ея приемѣ и въ ея рыцарскомъ колоритѣ (450).

трить на нее изъ окна, отецъ съ балкона. Она возбуждаетъ всеобщее удивленіе въ войскѣ и вотъ начальникъ батальона безъ всякихъ предварительныхъ примѣтъ испытываетъ ее:

„Chi vuol conoscere la sua figlia,
La mena sul mercato,
Se la sarà una figlia,
La prenderà un anelo“. 1-е исп.

Вмѣсто кольца дѣвушка выбираетъ на рынкѣ саблю и ножъ. Тогда ее ведутъ къ фонтану (alo lavel):

„Se la sarà una figlia
La si laverà le man“. 2-е исп.

Солдаты на войнѣ никогда не умываютъ рукъ, замѣчаетъ она, развѣ лишь въ крови христіанъ: „I si lava dele volte—nel sangue de Christian“. Весьма странное замѣчаніе, не гармонирующее съ цѣлымъ и не отвѣчающее быту городскому, наложившему печать на всю композицію пѣсни. Здѣсь, быть можетъ, кроется, какое-то отдаленное переживаніе? Послѣ этого дѣвуху ведутъ въ садъ въ томъ предположеніи, что

„Se la sarà una figlia,
La prenderà un mazzetin“. 3-е исп.

Солдаты, говоритъ она, не дѣлаютъ букетовъ, лишь изрѣдка срываютъ они розу или жасминъ. На этомъ кончается пѣсня, а дѣвушка остается неузнанной.

Не трудно замѣтить крайнюю уже испорченность приведенной пѣсни: въ ней удержались лишь самыя рѣзкія черты нашей схемы, самыя устойчивыя при международной передачѣ основы ея, вся же литературная отдѣлка, способная указать нить, которая привела бы насъ къ признанію родства данной пѣсни съ другими подобными произведеніями, стерта въ ней до неузнаваемости. Конечно, подобное явленіе могло быть и случайнымъ, благодаря неумѣлости или забывчивости пѣвца, придавшаго слышанной имъ пѣснѣ замѣтный мѣстный колоритъ съ оттѣнкомъ городской жизни. Недостатки этого варіанта восполняются достоинствами другихъ. Такъ въ Пьемонтѣ пѣсня наша передается гораздо полнѣе. Въ изданіи Нигры ¹⁾ она названа „Lezione Piemontese“ и начинается слѣдующими стихами:

— „Che piangete, padre,
Che piangete voi?
Se avete d'andar alla guerra,
Andrò io per voi“.

¹⁾ Rivista Contemporanea, Novembre 1858. Torino. Canzoni popolari del Piemonte, raccolte da Const. Nigra. Fasc. III, p. 90.

Въ вариантѣ венеціанскомъ сестра потому то шла на войну вѣсто брата, чего не встрѣчалось намъ въ славянскихъ пѣсняхъ. Эту неточность исправляетъ пьемонтскій вариантъ, приближаясь своимъ строемъ къ славянскимъ: въ немъ дочь замѣняетъ отца. Однако и этотъ вариантъ не полонъ, въ немъ не упоминается о причинѣ, вызывающей горе отца. Дочь безъ предварительной мотивировки берется замѣнить его и проситъ дать ей добраго коня и *сърпатоу* — подробность, встрѣтившаяся намъ лишь въ Дубровницкой пѣснѣ (Богитичъ, стр. 261, N 96). Нерасдѣлая юмощей, дѣвушка сразу даетъ возможность узнать себя, и королевичъ, увидѣвъ ее изъ окна, немедленно влюбляется въ нее. Тогда мать его совѣтуетъ ему прибѣгнуть къ испытаніямъ, переданнымъ здѣсь мотивомъ, чѣмъ въ предыдущемъ вариантѣ. Сначала дѣвушку ведутъ на рынокъ, предполагая, что она купитъ перчатки и тѣмъ выдастъ себя; но она отказывается отъ этого, замѣчая: — „Soldati che vanno a guerra — non han freddo alle mani“. — Затѣмъ ее приглашаютъ къ ювелиру, ожидая, не купитъ ли она кольцо; но и отъ него отворачивается дѣвушка, говоря: „Soldati che vanno a guerra — han uopo di spade e coltello“. Тогда мать говоритъ сыну: „Menatela a dormir con voi“ — не высказывая при томъ, подобно хорватск. варианту, по какимъ признакамъ можно узнать, что это дѣвушка? Пѣсни сообщаетъ лишь, что „Ella soffìo sulla candella, — ei mandò il servitore“. Наконецъ, мать научаетъ сына: „Menatela un'acqua a passare“, предупреждая его, что, если это дѣвушка, то она не захочетъ раздѣваться. Когда дѣвушка разула уже одну ногу, пришло письмо, по которому она получала отпускъ.

И такъ, всѣ звѣнья нашего разсказа переданы въ данномъ вариантѣ точно, лишь съ нѣкоторыми измѣненіями, вызванными условіями высшей культурной жизни. Къ нимъ мы относимъ потребность для дѣвушки перчатокъ, приглашеніе къ ювелиру, гашеніе свѣчи и присутствіе слуги въ спальнѣ. Основные элементы связаны между собою кратко и не всегда достаточно мотивирована необходимость каждаго изъ нихъ: такъ упоминаніе служителя въ разсказѣ совершенно излишне. Онъ не является на сценѣ въ самый критическій моментъ, во время перехода рѣки или купанья, подготавливая по приказанію дѣвушки сообщеніе письма съ отпускомъ. Наконецъ, заключительныя строфы пѣсни

„La bella a messa via
la s'è messa a cantare:
Verginella sono stata alla guerra
e verginella ne son tornata!“

несомнѣнно указываютъ на заимствованіе оригинала изъ славянскихъ источниковъ, гдѣ послѣдняя черта — дѣвушка-воинъ хранитъ

свою честь — получила широкое развитіе, вытекаая изъ бытовыхъ отношеній, опредѣляемыхъ воинственнымъ строемъ жизни южнаго славянства. Примѣры этому мы имѣли во множествѣ въ пѣсняхъ болгарскихъ и сербско-хорватскихъ и ничего подобнаго не встрѣтилось намъ въ произведеніяхъ западно-романскихъ.

Въ большемъ отдаленіи отъ славянскихъ первоисточниковъ стоятъ варианты Монферринскіе, одинъ сообщенный у Джузеппе Ферраро ¹⁾ на народномъ мѣстномъ діалектѣ, другой у Нигры въ переводѣ на литературный итальянскій языкъ. У Ферраро онъ носитъ названіе „La ragazza guerriera“ и начинается такъ:

— „Cosa piuvère, pare,
Cosa piuvère vui? —
— Ajo d'andè a ra uera, —
— Aj' andrò mi pir vui“.

Какъ и въ предыдущемъ вариантѣ, дѣвушка беретъ съ собою слугу. При этомъ чтеніе Ферраро нѣсколько уклоняется въ сторону варианта венеціанскаго, выше нами разобраннаго, но въ тоже время удерживаетъ общій характеръ чтенія Нигры. Такъ какъ характерные признаки венеціанскаго варианта намъ уже извѣстны и не представляютъ особаго интереса, то мы последуемъ за Нигрой въ его чтеніи.

На дорогѣ дѣвушка запѣла и тѣмъ выдала себя, какъ это обыкновенно наблюдалось нами въ пѣсняхъ болгарскихъ. Услышавъ пѣніе, капитанъ сказалъ: „Sembra più la voce d'una fanciulla, — Che d'un gentil galante“.

Далѣе испытанія слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: дѣвущку приглашаютъ сперва въ садъ въ предположеніи, что, быть можетъ, она сдѣлаетъ себѣ букетъ; затѣмъ зовутъ ее на рынокъ, не купить ли она себѣ передникъ (grembiale) и въ торговцу, не выберетъ ли она ленты (patri); послѣ этого ее ведутъ пить вино, кладутъ съ собою спать и, наконецъ, зовутъ плавать въ рѣкѣ. Въ этотъ моментъ приходитъ письмо съ извѣстіемъ, что ея отецъ боленъ, она уѣзжаетъ и въ дорогѣ поетъ: — „Giovinetta di quindici anni — Servi sett'anni il re“.

Особенно интересно отмѣтить, что своимъ запѣвомъ дословно напоминаетъ сербскія пѣсни вариантъ Канавезскій (Canavese) ²⁾. Онъ начинается такъ:

¹⁾ Canti popolari Monferrini, raccolti ed annotati dal Giuseppe Ferraro. Въ изд. Comparetti e D'Ancona: Canti e Racconti del popolo italiano. Vol. I, p. 54, N 38. Torino-Firenze 1870.

²⁾ Nigra l. c. Вариантъ этотъ переведенъ на нѣмецкій языкъ: Heyse, Italienisches Liederbuch. Berlin 1880, стр. 183.

„Il re ha scritto una lettera,
Una lettera sigillata;
Buon vecchio di sessant'anni
Deve andar a fare il soldato“.

Такъ обыкновенно начинаются и славянскія пѣсни нашего сюжета. Мы наблюдали этотъ запѣвъ у Сербо-Хорватовъ, у Болгаръ, въ чешско-словенской и русской группѣ вариантовъ. Присутствіе его въ итальянской пѣснѣ трудно объяснить иначе, какъ примыкомъ заимствованіемъ его изъ славянскаго подлинника. Подобный выводъ находитъ подтвержденіе въ общемъ характерѣ композиціи итальянскихъ вариантовъ: всѣ они не цѣликомъ передаютъ подробности нашего разсказа, а оказываются какъ бы дифференціацией стоящаго за ними оригинала. Только умышленно собравъ всѣ частности итальянскихъ вариантовъ, можно составить текстъ полной сербской пѣсни; но такой процессъ творчества не примѣнимъ къ произведеніямъ народной поэзіи, такъ какъ трудно допустить, чтобы пѣвецъ случайно могъ услышать нѣсколько разныхъ вариантовъ и составить изъ нихъ преднамѣренно одно цѣлое.

Прослѣдимъ далѣе за ходомъ дѣйствія въ разбираемомъ вариантѣ. Какъ это обыкновенно въ нашемъ разсказѣ, дѣвушка выручаетъ старика отца и проситъ дать ей воронаго коня (morello) и хорошаго пажъ. Въ виду войска она запѣла, такъ что капитанъ догадывается, что это не юноша, а переодѣтая дѣвушка, и подвергаетъ ее разнымъ испытаніямъ. Такъ ее ведутъ въ садъ, не сдѣлаетъ ли она букетъ; затѣмъ къ торговцу, не купитъ ли она ленты; потомъ укладываются спать по двое, при чемъ дѣвушка остается вѣстѣ со своимъ пажемъ; далѣе ей предлагаютъ плавать, но тутъ получается письмо о болѣзни ея отца и она уѣзжаетъ.

Спеціальной особенностью всѣхъ итальянскихъ вариантовъ оказывается служитель или пажъ, сопровождающій переодѣтую дѣвушку на войну или въ войско. Этой чертой всѣ они связываются съ Дубровницкой пѣсней, заимствованной Богишичемъ изъ рукописи XVІІІ вѣка: изъ всѣхъ славянскихъ вариантовъ лишь здѣсь встрѣчается служитель дѣвушки, Деливаръ, съ тою однако разницей, что роль его тутъ перенесена на другой моментъ: въ послѣднемъ итальянскомъ вариантѣ пажъ понадобился, чтобы составить пару для дѣвушки на ночь и тѣмъ предотвратить открытіе ея, между тѣмъ какъ въ Дубровницкомъ онъ подготавливаетъ появленіе письма къ моменту купанья.

Подобная, хоть и незначительная черта несомнѣнно указываетъ на общность литературнаго происхожденія пѣсенъ итальянскихъ и сербскихъ. Если мы къ ней прибавимъ еще признаки, выше нами отмѣченные, какъ запѣвъ и окончаніе въ итальянскихъ пѣсняхъ,

отнесенные нами на счет сербской поэзии, то можно будет утверждать, что первообразъ для итальянскихъ кроется въ произведеніяхъ сербско-хорватскихъ.

Въ итальянской поэзии нашимъ мотивомъ воспользовались не только для созданія, какъ мы видѣли, цѣлаго ряда пѣсень, но также примѣнили его и къ сказкамъ, сдѣлавшимся въ настоящее время извѣстными, благодаря прекрасному сборнику Лауры Гонценбахъ ¹⁾. Въ своемъ введеніи къ нему Гартвигъ дѣлаетъ попытку опредѣлить, какому народу можно приписать главное участіе въ созданіи памятниковъ сицилійской поэзии, такъ какъ извѣстно, что островъ этотъ состоялъ въ обладаніи многихъ и при томъ разнородныхъ этнографическихъ группъ?

Боторая изъ нихъ внесла наибольшую сумму оригинальныхъ чертъ и самобытныхъ мотивовъ, сбереженныхъ намъ въ живыхъ народныхъ памятникахъ, — вопросъ, близко касающійся нашей работы?

На ряду съ историческими пѣснями изъ періода довольно отдаленнаго, — какъ напр. пѣсни помнящія событіе, именуемое Сицилійской Вечерней, — отерываются произведенія съ одной стороны апокрифическаго характера, — какъ сказка съ эпизодомъ, напоминающимъ библійское сказаніе о Товитѣ и зломъ духѣ Асмодеѣ, являющемся въ индійскомъ преданіи подъ именемъ Rāxasa ²⁾, а здѣсь, въ сицилійскомъ носящемъ славянское прозваніе Вилы (Donna Villa) ³⁾, — съ другой стороны произведенія, близко сто-

¹⁾ Sicilianische Märchen. Aus dem Volksmund gesammelt v. Laura Gonzenbach. Mit Anmerkungen Reinhold Köhler's und einer Einleitung herausgegeben von Otto Hartwig. Leipzig 1870. I, LIII+368; II, IV+263.

²⁾ Benfey, Orient und Occident I, 745.

³⁾ Извѣстный библійскій рассказъ, заимствованный изъ апокрифической книги Товита, въ своей древнѣйшей формѣ знакомый индійской литературѣ, перешелъ и въ народныя сказки. Такъ Гартвигъ въ предисловіи къ сборнику Гонценбахъ (Vorwort XI) замѣчаетъ: „Ich bemerke bei dieser Gelegenheit, dass noch ein Märchen in Sicilien verbreitet ist, das dieselbe That, die im Buch Tobit der Rāxasa Asmodaios vollbringt, einem weiblichen Dämon, der Donna Villa, zuschreibt. Die „Grotte der Donna Villa“, welche sich in einem aus dem Meere senkrecht aufsteigenden Felsen findet, dessen Gipfel die Ueberreste der namentlich in der Römerzeit blühenden Stadt Tyndaris trägt, ist auch in anderer Beziehung höchst interessant. Da ich das Märchen leider nicht in seiner originalen Fassung erhalten konnte, so fehlt es in dieser Sammlung. Nach den Erzählungen, die ich übrigens von ihm gehört habe, ist die Donna Villa nichts, als eine serbische Wile“, die die höchsten

ящія по своему содержанію къ сказкамъ сѣверныхъ европейскихъ народовъ. Кому изъ этихъ послѣднихъ можно приписать дѣятельное участіе въ поэтическомъ творествѣ Сицильянцевъ?

Одно время господствовали на островѣ Испанцы и оставили замѣтные слѣды своего пребыванія главнымъ образомъ въ городахъ. Ихъ вліяніе сказалось лишь въ верхнихъ слояхъ общества, массы народной оно не коснулось, такъ что если бы нашлись произведенія, сходныя въ самой своей композиціи, испанскія и сицильянскія, то слѣдовало бы скорѣе допустить переходъ ихъ изъ Сициліи въ Испанію, чѣмъ наоборотъ.

Иное значеніе могли бы имѣть довольно многочисленные колоніи Албанцевъ, появившихся здѣсь въ половинѣ XV ст., если бы не ихъ дикость и отчужденность отъ прочаго народонаселенія, мѣшавшія имъ вступить въ тѣсныя сношенія со своими сосѣдями. Однако, если придавать какой либо вѣсъ открытію сербской Вилы въ сицильянскихъ сказкахъ, то слѣдуетъ признать, что она попала туда вмѣстѣ съ Албанцами, какъ извѣстно, сохранившими до сихъ поръ въ своемъ діалектѣ много сербскихъ словъ ¹⁾.

Не большее значеніе въ развитіи духовной жизни позднѣйшихъ обитателей острова имѣли, по мнѣнію Гартвига, и древніе его обладатели, Сивиллы: они были вытѣснены пришлымъ греческимъ элементомъ, не только не уступившимъ предъ напоромъ Римлянъ, но даже возобладавшимъ надъ латынянами въ вѣка по Р. Х. Нѣкоторое время безъ особаго вліянія на ходъ жизни народной играли первенствующую политическую роль Арабы-мусульмане. Лишь съ приходомъ норманнскихъ дружинъ, за которыми послѣдовали многочисленные переселенцы изъ южной Италіи, народность сицильян-

Gebirge und Felsen bewohnt, die Nähe von Gewässern liebt und als ewig jung, schön von Antlitz, in weisses luftiges Gewand gekleidet und mit langem um Brust und Schultern flatterndem Haare geschildert wird“ (Вукъ, Сербскія сказки, стр. 128 нѣм. пер.). Интересно отмѣтить, что вѣмецкому изслѣдователю не пришло на умъ видѣть въ этой сицильянской Доннѣ Виллѣ классическую Сивиллу, послужившую будто источникомъ для сербской Вилы, какъ полагаетъ почтенный академикъ Ягичъ (Archiv f. Slav. Ph. VII, 669). Мы, признаться, не видимъ никакого внутренняго родства между представленіемъ классическимъ о Сивиллѣ и современнымъ сербскимъ о Вилѣ, хотя, быть можетъ, и вѣроятно сопоставленіе, сдѣланное А. Н. Веселовскимъ: Samovila = Šembilja = Sibylla (Archiv. f. Slav. Ph. 1885, VIII, 330).

¹⁾ Gustav Meyer, Essays und Studien zur Sprachgeschichte und Volkskunde. Berlin 1885. III, Ueber Sprache und Literatur der Albanesen (49—91).

ская формируется въ духѣ итальянскомъ; преобладающимъ языкомъ становится южно-итальянское нарѣчіе.

При такомъ смѣшеніи расъ почти невозможно рѣшить, какой изъ народовъ, оставившихъ свои поселенія на островѣ, привнесъ наибольшую долю въ сокровищницу сицилійской новизны? Это тѣмъ болѣе трудно, что сицилійскія сказки, которыми одними мы интересуемся въ данный моментъ, не отмѣчены какимъ либо рѣзко очерченнымъ національнымъ характеромъ, но, представляя общее сходство съ сѣверно-европейскими, онѣ въ то же время очень близко подходят своимъ складомъ къ подобнымъ же произведеніямъ южно-европейскихъ народовъ. Въ тѣснѣйшемъ родствѣ однако онѣ находятся, какъ и слѣдовало ожидать, судя по образованію сицилійской народности, со сказками неаполитанскими и ново-греческими, при чемъ надо замѣтить, что въ нихъ, какъ и вообще въ ново-греческой поэзіи, не такъ уже часто попадаются отзвуки древне-классическихъ преданій, какъ это полагаетъ Ваксмуть ¹⁾. По мнѣнію Гартвига, основанному на значительной начитанности, какъ ново-греческія, такъ и испанскія, каталанскія, сицилійскія и сказки другихъ народовъ, приходившихъ въ столкновеніе съ Арабами, мало носятъ въ себѣ чертъ восточныхъ, тогда какъ имѣютъ много общаго съ произведеніями сѣверныхъ народовъ вплоть до самой Исландіи.

Такую общность мотивовъ между сказками сицилійскими и сѣверными Гартвигъ приписываетъ элементу норманнскому, игравшему видную роль въ судьбѣ народности, населяющей нынѣ Сицилію. На его долю и слѣдуетъ, въ самомъ дѣлѣ, отнести распространенное на островѣ уже около 1200 года сказаніе объ Артурѣ, по которому этотъ король появился въ пустынѣ возлѣ Этны ²⁾.

Однако общая точка зрѣнія Гартвига нуждается еще въ деталяхъ изысканійхъ, могущихъ ее до извѣстной степени оправдать. Не возражая противъ ея сущности, мы не можемъ принять ее по отношенію къ нашему сюжету, усвоенному сицилійскими сказками. Сюда онъ занесенъ, несомнѣнно, изъ южной Италіи въ готовой уже формѣ неаполитанскаго разсказа. Такой разсказъ сбереженъ для насъ изъ XVII ст. въ Пентамеронѣ Джамбаттиста Базиля ³⁾,

¹⁾ C. Wachsmuth, Das alte Griechenland im neuen. Bonn 1864, стр. 18.

²⁾ Gervasius von Tilbury, Otia Imperialia. Herausg. v. Liebknecht. Стр. 12. In Sicilia est mons Aetna.—Hunc autem montem vulgares Mongibel appellant. In hujus deserto narrant indigenae Arturum magnum nostris temporibus apparuisse etc.

³⁾ Der Pentamerone oder: Das Märchen aller Märchen von Giambattista Basile. Aus dem Neapolitanischen übertragen

умершаго въ 1637 г. ¹⁾). Народная пѣсня, разложившаяся уже въ разсказъ, послужила для него матеріаломъ, которому онъ придалъ литературную отдѣлку въ духѣ своего времени. Основы разсказа однако удержаны и переданы въ слѣдующемъ порядкѣ:

У бѣдняка Амброзіо семь дочерей, у богача Біазилло семь сыновей. Младшая дочь Амброзіо, Беллючча, соглашается остричь свои волосы, переодѣться юношей и идти въ домъ Біазилло, старшій сынъ котораго былъ боленъ и нуждался въ развлеченіи. Больной узнавъ въ переодѣтой Беллюччѣ дѣвушку, и мать его, желая изслѣдовать истину, предлагаетъ дѣвушкѣ сперва *пройтись на дикой лошади*, потомъ *зарядить мушкетъ и выстрѣлить*, наконецъ, самъ больной приглашаетъ ее *купаться съ нимъ въ морѣ*; но тутъ заранѣе подбученный *слуга приноситъ извѣстіе о болѣзни отца* Беллюччи, и она уходитъ.

Въ такомъ видѣ является предъ нами нашъ сюжетъ въ литературной переработкѣ XVII вѣка. Если мы полагаемъ, что онъ перешелъ изъ Италіи въ Сицилію, то этимъ вовсе не хотимъ сказать, будто разсказъ Пентамерона служилъ образцомъ для сицильянскихъ вариантовъ, но думаемъ лишь, что таже народная пѣсня, которую мы встрѣтили на сѣверѣ Италіи, проникла на югъ этой страны, при чемъ, удаляясь отъ центра своего возникновенія, постепенно теряла свой пѣсенный складъ, превращаясь такимъ образомъ въ сказку, послужившую образцомъ какъ для автора Пентамерона, такъ и для сицильянскихъ сестеръ своихъ. Въ искусственной передачѣ Базили нѣтъ уже возможности открыть хотя бы слабыя признаки нѣкогда бывшаго пѣсеннаго строя, но въ народномъ изложеніи сицильянскихъ сказокъ еще удержались отдѣльные пѣсенныя строфы, дающія право думать, что и все повѣствованіе первоначально пѣлось, а не рассказывалось. Этого и можно было ожидать отъ чисто-

von Felix Liebrecht. Nebst einer Vorrede v. Jakob Grimm. Breslau 1846, I, стр. 335, N 26 „Der Knoblauchgarten“. Въ итальянскомъ изданіи: Il Pentamerone del cavalier Giovan Battista Basile. A Napole 1728. Сказка эта называется — „La serva d'Aglie“ стр. 274—281.

¹⁾ M. Landau, Beiträge zur Geschichte der italienischen Novelle. Wien 1875, стр. 149. Не лишено значенія для нашего взгляда и то обстоятельство, что разсказъ о дѣвушкѣ-воинѣ не встрѣчается у итальянскихъ новеллистовъ раньше XVII вѣка, охотно почерпавшихъ матеріалъ для своихъ обработокъ изъ народной традиціи, какъ это доказывается и относительно Боккаччо: M. Landau, Die Quellen des Dekameron. Stuttgart 1884^u. A. Bartoli, I precursori del Boccaccio e alcune delle sue fonti. Firenze 1876, такъ что можно полагать, что сямый мотивъ этотъ попалъ въ Италію сравнительно поздно.

народнаго произведенія, отличающагося отъ литературнаго большею консервативною. Вотъ какъ излагается нашъ рассказъ въ сказкѣ „Von dem Klugen Mädchen“ (Gonzenbach, N 17, стр. 114—118), ближе другихъ стоящей къ обработкѣ Пентамерона.

Были два брата: у одного было семь сыновей, у другого семь дочерей. Первый всегда сѣялся надъ вторымъ, говоря: „O vñ frate, voi cu setti graste, e ju cu setti spadi“ — т. е. о братъ, у тебя семь горшковъ съ цвѣтами, у меня семь мечей. Последній очень огорчался этимъ и вотъ, по совѣту младшей своей дочери, умной и красивой (Belluccia въ Пентамеронѣ), предлагаетъ первому состязаніе: пусть одинъ изъ нихъ отправитъ младшаго своего сына, другой младшую свою дочь и посмотрятъ, кому изъ этихъ двухъ удастся первому украсть корону у королевича?

Въ дорогѣ юноша не рѣшился намочить своихъ ногъ, переходя рѣку. Онъ усѣлся на берегу и, черная воду орѣховой скорлупой, началъ выливать ее на песокъ. Дѣвушка между тѣмъ, подобравъ платья, смѣло перебралась на другую сторону и, встрѣтивъ какого-то крестьянина, помѣнялась съ нимъ своимъ одѣяніемъ. Подъ видомъ крестьянскаго юноши она показала предъ дворцемъ королевича, понравилась ему и поступила къ нему секретаремъ подъ именемъ Джованни. Бѣлые руки дѣвушки возбудили подозрѣніе королевича и вотъ онъ обращается къ матери, говоря:

„Giovanni scrive Modu di donna
Cu manu sottile, Ca mi fa murire“,

т. е. Джованни пишетъ нѣжной рукой, у него видъ женщины, доводящій меня до смерти.

Мать совѣтуетъ сыну *идти съ секретаремъ въ садъ*: если онъ сорветъ фіалку, — то это дѣвушка, если розу, — то юноша. Когда это испытаніе ни къ чему не привело, мать даетъ сыну мысль *выкупаться въ моръ вмѣстѣ со своимъ секретаремъ*. На берегу моря хитрая дѣвушка вдругъ заявляетъ, что забыла полотенца и проситъ королевича обождать, пока она ихъ принесетъ. Между тѣмъ она возвращается въ замокъ къ его матери и говорить, что королевичъ требуетъ немедленно свою золотую корону. Получивъ ее, она оставляетъ записку:

„Schetta vinni, E lu figghiu ddu rè
Schetta mi nni vaju, Gabbatu l'aju“,

т. е. дѣвушкой пришла, дѣвушкой и уйду, а королевичъ обманутъ: и съ этимъ уѣзжаетъ къ отцу. Узнавъ въ чемъ дѣло, королевичъ пускается въ поиски за дѣвушкой и наконецъ женится на ней.

Не смотря на нѣсколько иной замыселъ, легко узнать въ приведенной сказкѣ основу выше разобранныхъ пѣсенъ. Сохранившіе-

ся стихи безспорно указывают на происхождение сказки путем разложения пѣсни, послѣднія строфы которой „*дѣвушкой пришла, дѣвушкой и ухожу*“ невольно заставляют насъ видѣть ея первоначальную родину въ суровыхъ условіяхъ боевой жизни народовъ Балканскаго полуострова, среди которыхъ безчестіе дѣвушки считается великимъ позоромъ. Подобная бытовая черта проникла вмѣстѣ съ новыми поселеніями и въ современную Грецію, въ глухихъ мѣстахъ которой еще до сихъ поръ оскорбленіе дѣвушки жестоко карается ¹⁾. Къ этому бытовому явленію мы еще будемъ имѣть случай вернуться, теперь же послѣдуемъ за разысканіемъ нашего сюжета, который и оказывается въ сказкѣ „*Von der Königstochter und dem König Chicchereddu*“ (Gonzenbach, I, N 12, стр. 64—73). Въ эту весьма сложную сказку также вплетенъ нашъ мотивъ. Онъ составляетъ одно звѣно слѣдующаго разсказа.

У короля и королевы долго нѣтъ дѣтей; наконецъ, рождается дочь, которой, по словамъ предсказателя, на 14 году жизни предстоятъ разныя испытанія. Въ этомъ возрастѣ дѣвушка вдругъ сдѣлалась задумчивой и грустной и чтобы развлечь ее, король приказалъ построить колодезь, позволивъ всѣмъ приходить и черпать изъ него оливковое масло. Когда оно уже истощилось, пришла убогая старушка и начала собирать остатки масла губкой, которую затѣмъ выжимала въ свою кружку. Это разсмѣшило королевскую дочь и она въ припадкѣ веселости бросила камешекъ и разбила имъ кружку старушки. Послѣдняя произнесла на дѣвушку проклятіе: до тѣхъ поръ будешь странствовать, пока не найдешь короля Бикереду.

Съ этого момента начинается рядъ приключеній. Дѣвушка покидаетъ домъ родителей, поступаетъ сидѣлкой поочередно къ двумъ разнымъ принцамъ и избавляетъ ихъ отъ неизлѣчимой болѣзни,

¹⁾ Henri Belle, Voyage en Grèce. Paris 1881. Слѣдующими чертами характеризуетъ авторъ Маніотскихъ женщинъ: „*Malgré la condition d'infériorité qui leur est faite, elles sont respectées et jamais maltraitées. L'honneur des femmes est confié à tous les hommes de la tribu, et un outrage ou une séduction est poursuivi avec une rigueur implacable. La femme séduite est mise à mort, par son mari, par son père, ses frères, par un parent même éloigné auquel la loi maniotte confère ce droit de justicier. S'il s'agit d'une jeune fille, le coupable n'a qu'un moyen d'échapper à une mort certaine, c'est de l'épouser. S'il s'enfuit, fût-ce même jusqu' à Athènes, la vengeance l'y poursuivra, et on le trouvera, un jour ou l'autre, au coin d'une rue, avec un coup de couteau dans la poitrine*“ (p. 328).

убивая вѣдьмъ, приходившихъ по ночамъ высасывать изъ нихъ кровь. Лишь оставляя втораго своего паціента, дѣвушка переодевается юношей и въ такомъ видѣ продолжаетъ свое странствованіе. Тутъ извѣстный мотивъ о дѣвущкѣ-воинѣ приспособляется къ характеру всего разсказа, при чемъ довольно точно передаются частности, развиваемыя въ пѣсняхъ, намъ уже извѣстныхъ.

Когда дѣвушка подъѣхала къ замку короля Кикередду, то этотъ послѣдній стоялъ на балконѣ. Пораженный красотою юноши онъ принимаетъ его къ себѣ на службу и дѣлаетъ своимъ секретаремъ. Маленькія руки секретаря заставляютъ короля думать, что это переодѣтая дѣвушка, и онъ обращается къ своей матери, оказывающейся вѣдьмой, за совѣтомъ, какъ открыть истину. Та предлагаетъ *сперва идти въ садъ*, думая, что дѣвушка увлечется цвѣтами и сдѣлаетъ букетъ. Когда это не удалось, то совѣтуетъ *идти купаться въ моръ*. Будучи уже вблизи купальни, дѣвушка вдругъ заявляетъ, что она забыла полотенца и возвращается домой. Пока король ждалъ ее въ купальнѣ, она написала записку:

„Schetta vinni, Lu re Chicchereddu
Schetta mi unn' annai, Lu gabbai“,

т. е. дѣвущкой пришла, дѣвущкой и ухажу, а король Кикередду обмануть; затѣмъ сѣла на лошадь и уѣхала къ родителямъ.

Дальнѣйшее повѣствованіе не относится къ нашей схемѣ, хотя можно указать и на то, что Кикередду въ концѣ женится на дѣвущкѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ.

Кромѣ Пентамерона и сказокъ сицильянскихъ, сохранившихъ сюжетъ, нами разбираемый, онъ встрѣчается также, въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ, въ новеллахъ итальянскихъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ полуострова изъ устъ народа.

Такъ Имбриани ¹⁾ приводитъ слѣдующую флорентійскую новеллу (стр. 537, N XXXVII): „Fanta Ghirò, persona bella“, повторенную еще въ сборникѣ Неруччи ²⁾. Имя героини разсказа — Fanta или Fantina, по мнѣнію издателя, означаетъ тоже самое, что латинское слово Virago и вторая половина имени — Ghirò, очень можетъ быть, представляетъ собою ничто иное, какъ испорченную форму Virago. Содержаніе флорентійской и монталесской новеллы слѣдующее:

Въ старину былъ король, у него было три дочери: старшая Баролина, средняя Ассунтина и младшая красавица Фанта-Гирò.

¹⁾ Vittorio Imbriani, La novellaja Fiorentina, Fiabe e Novelline. Livorno 1877.

²⁾ Gherardo Nerucci, Sessanta novelle popolari Montalesi (въ окрестностяхъ Пистойи). Firenze 1880, стр. 248, N XXVIII.

Король страдалъ неизлѣчимою болѣзнью и постоянно оставался въ своей комнатѣ, въ которой стояло три кресла: голубое, означавшее радость, черное — смерть, красное — войну.

Разъ, когда дочери вошли въ комнату къ отцу, онъ сидѣлъ въ креслѣ краснаго цвѣта. Что случилось, спрашиваетъ старшая дочь? Я получилъ письмо отъ сосѣдняго короля, отвѣчаетъ отецъ; онъ объявляетъ мнѣ войну, но я такъ боленъ, что не въ состояніи командовать войскомъ. Мнѣ нужно найти опытнаго генерала. При этомъ извѣстіи старшая дочь просится занять мѣсто командира арміи. Отецъ отпускаетъ ее въ сопровожденіи слуги, но съ условіемъ, въ силу котораго она немедленно должна вернуться домой въ случаѣ, если во время пути ей придутъ на умъ женскія занятія.

Проѣзжая мимо тростника, королева восклицала: „о какой прекрасный тростникъ! Если бы онъ былъ у насъ дома, сколько бы мы приготовили изъ него прядей“. Послѣ такого восклицанія слуга потребовалъ немедленнаго возвращенія домой.

Средняя дочь короля увлекается въ пути прутьями. „Смотри, Тонино“, говоритъ она къ слугѣ, „какіе гибкіе и прямые прутья! Если бы они были у насъ дома, сколько бы веретенъ для пряжи мы приготовили изъ нихъ“. Подобно первой и эту дѣвушку слуга заставлялъ вернуться домой.

Тогда отпрашивается на войну младшая дочь, Фанта-Гирѡ. Она переодевается драгуномъ, беретъ саблю, пистолеты и мундиръ и молча проѣзжаетъ мимо тростника и прутьевъ, прельстившихъ старшихъ сестеръ. Достигнувъ границы, она спѣшитъ переговорить съ враждебнымъ королемъ, оказавшимся стройнымъ юношей. У него тотчасъ возникаетъ подозрѣніе, что Фанта-Гирѡ дѣвушка. Они идутъ во дворецъ разсуждать о причинахъ войны. Но королевичъ бѣжитъ къ матери и говоритъ:

— „Fanta-Ghirò, persona bella,
Du' occhi neri, drento la su' favella:
Carissima madre, mi pare una donzella“.—

Послѣ этого начинается рядъ испытаній. Мать совѣтуетъ вести дѣвушку сперва въ оружейную комнату: „Se lei è una donna, non le guarderà e non le vorrà toccare“. Но дѣвушка взяла саблю и попробовала ее и съ ловкостью мужчины выстрѣлила изъ пистолетовъ.

Потомъ мать даетъ сыну совѣтъ пригласить дѣвушку въ садъ: „Se lei è una donna, piglierà una rosa o una viola in mano e poi se la metterà nel petto: ma, se gli è omo, vederai, che si ferma al gelsumino catalogno; e, doppo averlo annusato, se lo metterà all' orecchio“. И тутъ дѣвушка поступила подобно мужчине.

Однако королевичъ продолжаетъ увѣрять мать, что Фанта-Гирò дѣвушка. Тогда мать даетъ третье наставленіе: „Nvitala a desinare. Se lei piglia il pane e per tagliarlo l'appoggia al petto, è una donna; ma, se nvece lo taglia accosi per aria, allora poi è dicerto un omo, e non vale star tanto sollevato“. Когда и это испытаніе не удалось, королевичъ приглашаетъ дѣвушку спать съ собой. Она охотно принимаетъ такое предложеніе, но за ужиномъ предварительно подписываетъ королевича, припѣвая:

— „Bevi su, compagno,
„N sennò t'ammazzero:

на что тотъ отвѣчаетъ:

— „Non m'ammazzar, compagno,
„Perchen' io beverò“.—

Напившись допьяна, королевичъ завалился на постель и заснулъ мертвецки, такъ что и при этомъ испытаніи не могъ узнать, дѣвушка или нѣтъ Фанта-Гирò.

Наконецъ, ее приглашаютъ купаться вмѣстѣ съ королевичемъ. Дѣвушка откладываетъ купанье на завтра и между тѣмъ посылаетъ слугу къ отцу своему съ просьбой прислать извѣстіе, будто бы онъ боленъ. Вѣстникъ съ письмомъ появляется какъ разъ въ моментъ, когда Фанта-Гирò начала раздѣваться для купанья. Узнавъ изъ письма о мнимой болѣзни отца, дѣвушка покидаетъ королевича, уѣзжаетъ къ себѣ, но оставляетъ письмо:

— „Fanta-Ghirò,
Donna è venuta e donna se ne va,
Ma 'imperò cognosciuta il Re non l'ha“.

Убѣдившись изъ него, что Фанта-Гирò, дѣйствительно, дѣвушка, королевичъ въ слѣдъ за ней отправляется въ ея царство и женится на ней.

Только что изложенная сказка оказывается самой подробной изъ всѣхъ извѣстныхъ итальянскихъ вариантовъ нашего сюжета. Въ ней переданы, хотя и своеобразно, всѣ звѣнья разсказа, обработаннаго въ пѣсенной формѣ у славянскихъ народовъ. Остатки нѣкогда бывшаго пѣсеннаго склада всей новеллы замѣтны еще въ тѣхъ немногихъ стихахъ, которые приведены нами выше, при чемъ и слово „donna“ въ строфѣ: Donna è venuta e donna se ne va: также указываетъ на потерю первоначального смысла заключительныхъ стиховъ пѣсни, которая, подобно всѣмъ вариантамъ славянскимъ и сказкамъ сицильянскимъ, по всей вѣроятности, употребляла слово *donzella*, отгнѣняя тѣмъ черту дѣвственности дѣвушки-воина.

Въ осложненномъ видѣ нашъ сюжетъ встрѣчается еще въ итальянской новеллѣ, записанной Компаретти ¹⁾, носящей названіе „Il Drago“ (стр. 70, N XVII). Содержаніе ея таково:

У царя и царицы не было дѣтей. Наконецъ, послѣ усердныхъ молитвъ и щедрой милостыни, царица понесла и царь немедленно велѣлъ призвать астрологовъ, съ тѣмъ, чтобы узнать у нихъ о судьбѣ имѣющаго родиться дитяти.

Астрологи отвѣтили: у царицы родится сынъ; по достиженіи двадцатилѣтняго возраста онъ женится именно въ день своего рожденія; но если онъ въ тотъ же самый день и при томъ ровно въ часъ своего рожденія не убьетъ своей жены, то превратится въ дракона.

Когда царевичъ выросъ, для него сосватали англійскую королевну. У нея была лошадка, очень ею любимая и умѣвшая говорить. Когда сватовство состоялось, королевна пошла къ своей лошаdkѣ, и та сказала ей: „Bada, non ti gallegiare, sappi ch'è così e così“, и при этомъ сообщила своей госпожѣ, что было предсказано царевичу. Чтобы избѣжать бѣды, лошадка совѣтуетъ королевнѣ въ день свадьбы не садиться въ карету съ женихомъ, но ѣхать верхомъ и обѣщаетъ въ минуту опасности унести ее. Возвращаясь изъ подъ вѣнца, королевна верхомъ на своей лошаdkѣ ѣхала возлѣ кареты своего мужа и замѣтила, что сидѣвшіе въ ней очень внимательно смотрѣли на часы. Вдругъ ея лошадка ударила копытомъ и вихремъ помчалась прочь. Королевна крѣпко держалась за гриву. Въ ту же минуту часы показали моментъ рожденія царевича, и онъ, не успѣвъ убить своей невѣсты, превратился въ дракона.

Такого характера завязка сказки, записанной въ Пизѣ. Далѣе слѣдуетъ извѣстный намъ рассказъ.

Королевна прибыла въ домъ какого-то крестьянина и помѣнялась съ нимъ платьемъ. Подъ видомъ крестьянскаго парня она отправилась въ городъ на своей лошаdkѣ и та, остановившись предъ царскимъ дворцомъ, посовѣтовала своей госпожѣ искать мѣста у царскихъ конюшихъ. Тѣ приняли ее въ свою среду. У царя былъ сынъ, которому очень понравился новый конюхъ, возбудившій въ тоже время въ немъ подозрѣніе, что это дѣвушка.

Царевичъ и говоритъ матери: „a dirtela, mamma, sarà che mi sbagli, ma io credo che quello sia una donna“. Ты ошибаешься, отвѣчаетъ ему мать, а впрочемъ поведи его въ

¹⁾ Domenico Comparetti, Novelline popolari italiane. Torino. I, 1875.

сидъ: „se lo vedi amante dei fiori, è una donna, ma se strappa un fiore e se lo mette in bocca, è un uomo“.

Это первое испытаніе не удалось, хотя царевичъ сказалъ дѣвущкѣ: „Prendi pure dei fiori e fatti un mazzo“, однако та, предупрежденная заранѣе своей лошадкой, отвѣтила: „Grazie, veramente poco sono amante di fiori“ и при этомъ сорвала лишь одинъ цвѣтокъ и положила его въ ротъ.

Царевичъ однако не успокоился и теперь, и вотъ мать говорить ему: „Ebbene, fai un'altra prova: invitala a tavola a partire il pane; se vedi che se l'accosta al petto, è una donna; se lo taglia franco è un uomo“. При этомъ второмъ испытаніи лошадка также помогла своей госпожѣ выйти изъ затрудненія, такъ что царевичъ и на этотъ разъ не могъ узнать истины.

Тогда мать снова говорить сыну: „Ebbene, ora non c'è altro che vedere se sa maneggiare le armi; prova di battersi con lei, s'è uomo o donna s'ha a vedere“.

Въ третьемъ испытаніи дѣвушка была узнана, такъ какъ принуждена была сдаться вслѣдствіе усталости. Царевичъ, узнавъ, что дѣвушка-конюхъ собственно королевна англійская, женится на ней. Спустя нѣкоторое время, королевна забеременѣла, „e ecco che viene una lettera al re che doveva andare alla guerra; ma il re era vecchio e il figlio bisognò che andasse in vece sua“.

Такъ своеобразно измѣнена извѣстная намъ пѣсня о дѣвущкѣ, идущей на войну вмѣсто старика отца. Запѣвъ ея, или лучше сказать завязка, повѣствующая о томъ, что пришло письмо отъ царя, призывающее старика на войну, переиждена здѣсь въ конецъ разсказа, съ тѣмъ, чтобы оторвать царевича отъ жены и затѣмъ связать нашъ разсказъ съ повѣствованіемъ совершенно иной группы, охватывающей варианты извѣстной фабулы о *преследуемой невесткѣ*, куда принадлежатъ сказочные типы — „Fanciulla perseguitata“ и „La fille aux mains coupées“ разбору которыхъ въ новѣйшее время посвящена работа Пюймэгра ¹⁾, развивающая подобныя же изслѣдованія Д'Анконы и А. Н. Веселовскаго.

Отсутствующему мужу сообщаютъ о рожденіи у него дѣтей. Происходить подмѣнъ писемъ, въ которыхъ говорится, что жена

¹⁾ Th. de Puymaigre, La fille aux mains coupées. Revue de l'hist. des Religions X, 1884, стр. 192—209. Статья эта перепечатана затѣмъ въ: Folk-Lore par le Comte de Puymaigre. Paris 1885, VI+367, 26°. Рецензии книги въ: Archivio per lo Studio delle tradizioni popolari, Palermo 1885, IV, стр. 304—305, принадлежащая Salomone-Marino; другая въ Mélusine, 1884—85, II, стр. 407.

его родила не дѣтей, а щенятъ. Въ нашемъ разсказѣ подѣлѣть ни-
 сень совершаетъ никто иной, какъ драконъ, — первый мужъ коро-
 левны. Ее бросаютъ затѣмъ въ море. Варіанты этого чрезвычайно
 распространеннаго разсказа были указаны многими учеными ¹⁾. За-
 вязкой его часто служитъ эпизодъ о томъ, что отецъ вымѣняется
 въ свою дочь. Такъ прихотливо переплетаются въ народныхъ раз-
 сказахъ различные сказочные мотивы.

Что касается въ частности нашего мотива — о дѣвухѣ-вои-
 нѣ, то онъ попалъ въ итальянскія новеллы и позднѣе чрезъ нихъ
 посредство въ средневѣковыя литературныя произведенія изъ на-
 родныхъ пѣсенъ. Такой взглядъ на средневѣковыя поэмы, захваты-
 вающія нашъ мотивъ, былъ высказанъ и А. Н. Веселовскимъ въ
 статьѣ, сдѣлавшейся намъ доступной лишь въ послѣднее время ²⁾.
 Намъ остается лишь замѣтить, что пѣсня, новелла и поэма пред-
 ставляются намъ послѣдовательными ступенями развитія того же
 самаго сюжета, при чемъ первыя двѣ формы его обработки, по всей
 вѣроятности, стоятъ въ органической связи съ образцами славян-
 скими, вліяніе которыхъ сказалось въ двухъ направленіяхъ: пѣсня
 передавалась по материкъ съ сѣвера на югъ; сказка, возникнувъ
 гдѣ-то на югѣ подъ непосредственнымъ вліяніемъ полноты славян-
 скаго варіанта, двигалась, напротивъ того, къ сѣверу. Какъ та,
 такъ и другая постепенно теряла свѣжесть передачи подробностей
 по мѣрѣ удаленія отъ своего исходнаго пункта.

Разборомъ сицильнскихъ сказокъ и материковыхъ новеллъ мы
 кончаемъ анализъ итальянскихъ варіантовъ нашего мотива. На сѣ-
 верѣ Италіи, какъ мы видѣли, онъ разрабатывался еще въ пѣсенной
 формѣ, на югѣ же, теряя свою первоначальную свѣжесть, онъ попа-
 даетъ въ сказки, неразборчиво ³⁾ поглащаемый ими на ряду со все-
 возможнаго рода разсказами. Только изрѣдка въ сказкахъ попада-
 ются слабые отзвуки пѣсеннаго строя, нѣкогда неразрывно связан-
 наго съ нашимъ мотивомъ и они то вмѣстѣ съ отиѣченной выше
 бытовой чертой указываютъ намъ путь, по которому шло распро-

¹⁾ Archivio per lo Studio delle tradizioni popolari. Pa-
 lermo 1882, стр. 524—525, примѣчанія G. Pitre къ „Novelle
 popolari Toscane“.

²⁾ L'Ateneo Italiano 1866, 15 Aprile. Firenze: Le tradi-
 zioni popolari nei poemi d'Antonio Pucci (225—229).

³⁾ Гартвигъ, издавая сказки Гонценбахъ, замѣчаетъ:
 „Auch die Aufeinanderfolge der einzelnen Thaten und Leiden
 des Helden einer Geschichte, die theilweise recht kaleidosko-
 pisch aus allen möglichen Erzählungen zusammengerrüttelt sind,
 hier genau in der Aufeinanderfolge mitgetheilt worden, wie sie
 in Sicilien erzählt werden“ (VIII—IX, Vorwort).

отраженіе нашего разсказа въ направленіи отъ сѣвера къ югу, постепенно тускнѣя въ своемъ проявленіи. Самое яркое и самое полное выраженіе онъ нашелъ въ пѣсняхъ сербскихъ: онѣ, передаваясь съ одной стороны на востокъ, мало по малу замирали, отражаясь слабымъ эхомъ въ колыдакахъ и думахъ Малороссовъ, съ другой, двигаясь на западъ и югъ, онѣ разлагались въ сказку, занесенную даже въ Сицилію и переплещущую тамъ многоразличными нитями съ разнаго рода мотивами.

б) Вѣріанты испанско-португальскіе.

Научный интересъ къ произведеніямъ народнаго слова, проявившійся впервые въ Германіи, какъ результатъ увлеченія средневѣковой романтикой ¹⁾, раніе другихъ проникъ въ Англію ²⁾ и Францію, а затѣмъ сообщился и руководящимъ слоямъ національности испанской и португальской. Имена Донъ-Мануэля Мила-и-Фонтанальса ³⁾, уроженца Каталоніи, бывшаго профессоромъ въ Барселонскомъ Университетѣ и Альмеида-Гарретта ⁴⁾, значительнаго португальскаго поэта, пользуются почетною извѣстностью въ исторіи собранія и изученія народнаго творчества на Пиренейскомъ полуостровѣ. Съ нимъ слѣдуетъ прибавить еще имена Фердинанда Вольфа и Беллерманна, оказавшихъ важныя услуги дѣлу изученія поэзіи испанской и португальской, которая нынѣ, благодаря усиліямъ помянутыхъ ученыхъ, можетъ войти въ кругъ сравнительнаго изученія произведеній европейскихъ народовъ.

Какъ Каталонія, такъ и Португалія рано подпали вліянію Провансальской поэзіи. Она привилась при Барселонскомъ и Лис-

¹⁾ W. Scherer, Jacob Grimm. Berlin 1865.

²⁾ Ludwig Lemcke, Jahrbuch f. romanische u. englische Literatur. 1862, IV, 1. 2. 3: „Ueber einige bei der Kritik der traditionellen schottischen Balladen zu beobachtende Grundsätze“.

³⁾ Don Manuel Milà y Fontanals, Observaciones sobre la poesia popular, con muestras de romances catalanes inéditos. Barcelona 1853. 4°. Ero же: De la Poesia heroico-popular castellana. Estudio precedido de una oracion acerca de la literatura española. Barcelona 1873, XLV+490.

⁴⁾ I. B. de Almeida-Garrett, Romanceiro, Lisboa т. I, 1853^{III}; т. II, 1851^{III}. Труды перваго даютъ превосходную характеристику народной поэзіи вообще и каталонской въ особенности, для которой приложенъ сборникъ образцовъ; второй старается привлечь вниманіе Португальцевъ къ старымъ народнымъ романсамъ, принадлежащимъ, по мнѣнію знатоковъ, къ числу лучшихъ произведеній поэтическаго искусства.

сабонскомъ дворахъ, происходившихъ отъ южно-французской династїи и подавила собою чисто народное творчество, слѣды котораго сохранились до нашего времени въ нѣкоторыхъ рукописяхъ отъ періода до XIII столѣтія. Не то было въ Кастиліи. Тамъ борьба за самостоятельное существованіе развила въ массѣ народа глубокое національное самосознаніе, нашедшее свое выраженіе въ оригинальномъ и богатомъ расцвѣтѣ народной поэзіи, культивировавшейся какъ въ высшихъ, такъ и низшихъ слояхъ населенія.

Когда около конца XV ст. всѣ народности Пиренейскаго полуострова увлеклись пыломъ религіозной борьбы и приняли общее участіе въ дѣлахъ страны, Кастильская поэзія получила широкій доступъ въ Португалію и Каталонію, гдѣ сказалась не только содержаніемъ, но и самой своей формой въ литературныхъ произведеніяхъ поэтовъ первой четверти XVI вѣка. До конца этого столѣтія было даже модой у Лиссабонскихъ дамъ и кавалеровъ расцѣвывать для развлечения въ придворныхъ кружкахъ Кастильскіе романы, которые затѣмъ, постепенно теряя расположеніе высшаго общества, переходили въ низшіе слои его и среди нихъ переработанными и уже переведенными на португальскій языкъ удержались до нашего времени въ устахъ народа.

Между тѣмъ литературный вкусъ около половины того же столѣтія началъ поддаваться вліянію школы классическо-итальянской и привелъ писателей и поэтовъ къ обработкѣ романсовъ пастушескихъ и маврскихъ, но направленіе это не увлекло за собою народа: онъ остался ему чуждъ, потому что подобнаго рода произведенія, навѣянные модой изчужа, по словамъ Гарретта, не говорили къ сердцу народному, не возбуждали его страстей, не утѣшали его въ горѣ и не оживляли въ немъ надеждъ.

Въ періодъ вліянія кастильской поэзіи на португальскую перреданъ былъ послѣдней въ числѣ многихъ другихъ народныхъ произведеній также и нашъ пѣсенный сюжетъ. О немъ въ первый разъ упоминаетъ въ XVI стол. одинъ португальскій поэтъ, по имени Жоржъ Феррейра де-Васконселлосъ ¹⁾ († 1585) въ своемъ сочиненіи „Aulegraphia“, дѣлая слѣдующее интересное сообщеніе.

Двое придворныхъ, Динардо Перрейра и Гразидель де-Абреу, съ нетерпѣніемъ ожидая обѣденнаго часа, старались сократить скучное время остротами и музыкой. Тогда Динардо и говоритъ: „Oga roys que assi te tocarey: *O rapaz do Conde Daros*“ т. е. а теперь пропою нѣчто такое, что и тебя растрогаетъ. Поетъ:

¹⁾ S. Jorge Ferreira, Aulegraphia, Act. III, sc. I, въ изд. 1619 fol. 66.

Pregonadas son las guerras
de Francia contra Aragon.
Cómo las haria, triste,
viejo, sano y pecador? . . .

т. е. объявлена война между Франціей и Арагоніей. Что мнѣ дѣлать несчастному, старому, сѣдому и грѣшному?

Хотя отъ XVI ст. сохранилось всего эти четыре строфы, тѣмъ не менѣе онѣ имѣютъ большое значеніе не только для исторіи развитія португальской поэзіи вообще, но также и для нашего сюжета въ частности. Указывая несомнѣннымъ образомъ, что кастильскіе романсы были одно время въ модѣ при Лиссабонскомъ дворѣ, въ то же время онѣ даютъ намъ право думать, что и самый сюжетъ нашъ перенесенъ изъ Кастиліи въ Португалію, а не наоборотъ. Разница эта весьма значительна. Если бы переходъ поэтическихъ сюжетовъ имѣлъ обратное движеніе, изъ Португаліи въ Кастилію, то легко можно было бы предположить, что нашъ мотивъ занесенъ туда провансальскими трубадурами, произведенія которыхъ, какъ замѣчено выше, пользовались исключительнымъ господствомъ при Лиссабонскомъ дворѣ до XVI вѣка. Если бы это было такъ, то придворнымъ кавалерамъ въ Лиссабонѣ не къ чему было бы заимствовать его вторично отъ своихъ кастильскихъ сосѣдей, у которыхъ народное творчество шло независимо отъ вліянія провансальской поэзіи. Въ силу этихъ соображеній, намъ и кажется, что Нигра не правъ, утверждая ¹⁾, будто нашъ сюжетъ распространился по Европѣ изъ Прованса въ періодъ крестовыхъ походовъ. Какъ бы то ни было, но кастильскій романсъ изъ придворныхъ сферъ Лиссабона перешелъ и въ народные слои и превратился въ довольно распространенный пѣсенный сюжетъ хотя, быть можетъ, онъ передавался въ народѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибрежной Португаліи и независимо отъ образованныхъ классовъ. Въ первый разъ онъ напечатанъ въ Португаліи въ литературной обработкѣ И. М. да-Коста-е-Сильва (I. M. da Costa e Silva) подъ названіемъ: „Isabel ou a heroína de Aragão“ (Lisboa 1832).

Извѣстный во всей Португаліи и на Азорскихъ островахъ, романсъ этотъ носитъ разныя названія: „Dona Leonor“, „Dom João“, „Dom Carlos“ и т. д. Варіантъ съ Азорскихъ острововъ помѣщенъ у Гарретта ²⁾, но болѣе полный записанъ въ окрестностяхъ Лиссабона и напечатанъ въ сборникѣ Беллерманна ³⁾. Текстъ

¹⁾ Const. Nigra, Canzoni popolari del Piemonte. Rivista Contemporanea 1858 Torino, p. 90.

²⁾ Almeida-Garret l. c. v. III, p. 65.

³⁾ Fr. Bellermann, Portugiesische Volkslieder und Ro-

Гарретта переведенъ на нѣмецкій языкъ Шакомъ (v. Schack) ¹⁾ и Фердинандомъ Вольфомъ ²⁾. Различія въ чтеніи во всѣхъ этихъ вариантахъ такъ незначительны, что не можетъ быть сомнѣнія относительно единства ихъ источника. Общее названіе романа „Donzella que vai à guerra“ или „A filha guerreira“ опредѣляетъ слѣдующее содержаніе.

— „Ja se apregoam as guerras
Entre França e Aragão“;

т. е. война опять объявлена между Франціей и Аррагоніей, такъ начинается романъ у Гарретта. Нѣсколько лишь выражений отличаютъ чтеніе Беллерманна, но такъ какъ оно полнѣе, то мы послѣдуемъ за нимъ.

„Altas guerras se apregoarão
Entre França e Aragão:
„Ai de mim que ja sou velho,
As guerras me acabarão;
Com sete filhas que eu tenho
Sem nenhum filho varão!“

т. е. великая война объявлена между Франціей и Аррагоніей: горе мнѣ старому, нѣтъ силъ для войны; есть у меня семь дочерей, но ни одного сына. Готовность замѣнить отца высказываетъ старшая дочь (*velha* у Гарретта) или по другимъ вариантамъ младшая (*pequena* у Беллерманна) и вступаетъ съ нимъ въ слѣдующаго рода разговоръ. Отецъ говоритъ поочереди, что дѣвушку узнаютъ по ея длиннымъ, блѣлымъ волосамъ, по ея большимъ свѣтлымъ глазамъ, по ея полнымъ плечамъ (*os hombros mui altos*) и высокимъ грудямъ (*os peitos mui altos*), по небольшимъ рукамъ и маленькимъ ногамъ, — но дочь даетъ на всѣ эти замѣчанія успокоительный отвѣтъ, обрѣзываетъ свои волосы, наряжается въ воинскіе доспѣхи и, простившись съ родными и получивъ ихъ благословеніе, идетъ на войну защищать короля — „defender el Rei Dom João“.

Переданное содержаніе наполняетъ всю первую половину пѣсни, заключительныя слова которой „defender el Rei Dom João“, по мнѣнію Беллерманна (l. с. стр. 270 пр.), являютъ

manzen. Portugiesisch u. deutsch mit Anmerkungen herausg. Leipzig 1864. N 9, стр. 64–74.

¹⁾ Этотъ переводъ не попался мнѣ въ руки.

²⁾ Ferdinand Wolf, Proben portugiesischer u. catalonischer Volksromanen. Sitzungsber. d. Kais. Ak. XX, 1, 1856. Wien, съ литературно-историческимъ введеніемъ о народной поэзіи въ Португаліи и Каталоніи.

ся, очевидно, произвольнымъ прибавленіемъ въ португальской обработкѣ, стремившейся локализовать воспѣваемое новѣствованіе, прикрѣпивъ его къ событіямъ національной исторіи. Подобныя усилія со стороны народнаго творчества, направленные къ поднятію общаго интереса къ передаваемому разсказу припоровленіемъ его къ мѣстнымъ условіямъ жизни и введеніемъ его въ рядъ историческихъ происшествій, замѣчаются повсюду.

Что касается содержанія всей первой половины разбираемыхъ португальскихъ вариантовъ, то оно, несомнѣнно, стоитъ въ генетической связи съ ходомъ разсказа въ пѣсняхъ хорватскихъ, въ которыхъ однако эти моменты дѣйствія не обратили на себя такого исключительнаго вниманія пѣвца, какъ въ обработкахъ португальскихъ. Такъ въ выше разобранной хорватской пѣснѣ изъ Промонтура (изъ „*Naše sloge*“ N II, стр. 10) отецъ, отправляя въ войско младшую изъ своихъ девяти дочерей, обращается къ ней:

„Sultanija, drago dite moje!

Kamo će mi žute kose tvoje?

Kamo će mi dva goluba tvoja?

т. е. куда ты спрячешь свои золотистыя косы и свои бѣлыя груди? Дочь отвѣчаетъ: золотистыя косы будутъ развѣваться по молодецкимъ плечамъ, а груди будутъ за пазухой.

Въ другой хорватской пѣснѣ изъ Быгкуда (изъ „*Naše sloge*“ N VIII, стр. 25) тѣ же черты развиты еще подробнѣе. Также одну изъ девяти дочерей своихъ, именно младшую, отецъ спрашиваетъ:

„Aj ti Boga, draga kćerko moja!

Kako biš ti konja podkovala?

Kako biš ti Dunaj proplivala?

Kamo biš ti žute kose svoje?“

т. е. какъ ты будешь подковывать коня, какъ переплывешь Дунай и куда денешь свои золотистыя косы?

Нѣсколько похожая черта встрѣчается въ разсказѣ Пентамерона (N 26, стр. 335), гдѣ дѣвушкѣ предлагаютъ проѣхать на дикой лошади —, но это лишь отдаленное сходство, между тѣмъ какъ, за исключеніемъ этой частности, во всемъ прочемъ португальскія варианты поразительно близко подходятъ къ пѣснямъ сербско-хорватскимъ, какъ бы минуя передѣлки итальянскія, съ которыми они имѣютъ общаго только указаніе на малыя руки и ноги дѣвушки-воина.

Перейдемъ ко второй половинѣ португальскаго варианта. Она до нѣкоторой степени обособлена отъ первой и начинается такъ:

„Oh minha mai, minha mai,

Que eu morro de coração.—

Que os olhos de Dom Marcos
São de mulher, de homem não!“

т. е. о мать моя, мать моя, я умру отъ любви, — очи Донъ Марка — женскія очи, а не мужскія! За этимъ слѣдуютъ испытанія. Мать совѣтуетъ сыну пригласить Донъ Марка въ садъ: — если онъ дѣвушка, то изъ цвѣтовъ выберетъ розу; но онъ выбралъ, какъ разъ противное тому, что требовалось въ сицильянскихъ сказкахъ ¹⁾, именно пахучую фіалку, замѣтивъ, что розы для женщинъ. Затѣмъ поочередно мать предлагаетъ сыну пригласить Донъ Марка на обѣдъ, думая, что если онъ дѣвушка, то усядется на рогожкѣ и свести его на рынокъ, не бросится ли онъ къ лентамъ; но сообразительная дѣвушка за обѣдомъ усаживается на высокую скамью, а на базарѣ выбираетъ кинжалъ. Наконецъ, слѣдуетъ окончательное испытаніе посредствомъ купанья. Дѣвушка уже развязала одинъ ботинокъ, когда пажъ, о которомъ раньше въ пѣснѣ не было даже упомянуто, приноситъ ей письмо съ извѣстіемъ, будто мать ея умерла, отецъ при смерти и оставшіяся дома сестры въ горѣ. При этомъ она приглашаетъ испытывавшаго ее капитана ѣхать вмѣстѣ съ нею и дома представляетъ его своему отцу, какъ будущаго его зятя, говоря:

„Sette annos andei na guerra
E fiz de filho varão.
Ninguém me conheceu nunca,
Senão o meu capitão;
Conheceu-me pelos olhos
Que por outra cousa não“.

т. е. Семь лѣтъ я была на войнѣ и считалась мужчиной; никто не узналъ во мнѣ дѣвушки, только мой капитанъ; онъ узналъ меня по глазамъ и ни почему другому.

Въ такомъ видѣ обработанъ нашъ сюжетъ въ пѣсняхъ португальскихъ. Намъ извѣстно, благодаря свидѣтельству Жоржа Феррейра де-Васконселлосъ, что онъ произошли отъ кастильскаго романа, занесеннаго въ Португалію въ XVI ст. и ни коимъ образомъ не возникли подъ вліяніемъ провансальской поэзіи. Остается предположить, что сюжетъ этотъ занесенъ въ Кастилію и при томъ до-

¹⁾ Въ примѣчаніи къ сказкѣ (Gonzenbach, N 17, стр. 116) Гартвигъ говоритъ: „Das Mädchen zieht nämlich die Nelke vor, weil sie obgleich unscheinbar, doch herrlich duftet, während der Jüngling mehr auf die Schönheit sieht. Ausserdem ist die Nelke das Zeichen der glücklichen Liebe; das Mädchen wirft ihrem Liebhaber eine Nelke herab, wenn sie seine Bewerbung annimmt“.

вольно рано откуда то съ востока. Если оставить безъ вниманія характеръ общей композиціи португальскихъ вариантовъ, носящій на себѣ слѣды литературной обработки, то полнотою своего содержанія они цѣликомъ совпадаютъ съ пѣснями сербско-хорватскими: ни пѣсни итальянскія, ни сказки сицильянскія въ своей совокупности не составляютъ всего содержанія вариантовъ португальскихъ, между тѣмъ какъ оно вполне покрывается богатствомъ элементовъ, составляющихъ сербскій рассказъ. Единственной чисто Пиренейской чертой, внесенной въ составъ нашего рассказа, можно считать испытаніе, которому подвергается дѣвушка во время обѣда: какъ дѣвущкѣ, ей почему то слѣдовало сѣсть на рогожку; но, играя роль мужчины, она сѣла на скамью. Намъ не понятенъ смыслъ этого приема и мы не знаемъ, въ какомъ бытовомъ явленіи онъ находитъ свое оправданіе. Что же касается прочаго содержанія португальскихъ вариантовъ, то оно цѣликомъ и при томъ въ большей логической связи дано въ пѣсняхъ сербско-хорватскихъ. Поэтому, кажется, мы будемъ правы, предположивъ, что кастильскій романъ, на которомъ основаны португальскія передѣлки, вывезенъ откуда-то изъ славянскихъ земель. Но какимъ путемъ произошла передача, намъ неизвѣстно.

Количество португальскихъ вариантовъ нашей пѣсни послѣ Беллерманна и Ферд. Вольфа значительно умножено позднѣйшими собирателями, изъ которыхъ Теофиль Брага, поэтъ, юристъ, философъ и изслѣдователь въ области литературы, профессоръ Лиссабонскаго Университета съ 1872 г., нѣсколько разъ возвращался въ своихъ работахъ къ нашему сюжету.

Въ первомъ своемъ сборникѣ ¹⁾ онъ сообщилъ три варианта, отличающіеся достаточной полнотою, но не представляющие какихъ либо характерныхъ особенностей въ сравненіи съ выше нами разобранными образцами Беллерманна и Вольфа. Въ своихъ взглядахъ на происхожденіе португальской повѣсти Брага оказывается послѣдователемъ Вольфа, считая вѣстѣ съ этимъ послѣднимъ кастильскіе романсы оригиналами португальскихъ. Въ то же время по отношенію къ нашему пѣсенному мотиву онъ принялъ теорію Нитры и старается поддержать ее фактами историческими, разъясняя ту обстановку, среди которой могла произойти передача сюжета во время крестовыхъ походовъ. Такъ онъ говоритъ: „A vinda dos Cruzados pelo Mediterraneo à Terra Santa, e o auxilio que prestaram na conquista de Lisboa, fazem crer que pelas narrações das viagens e dos arraiaes espalhassem entre

¹⁾ Romanceiro Geral. Colligido da tradição por Teophilo Braga. Coimbra 1867.

nós essas grandes tradições cavalheirescas do cyclo carolino, que então percorriam a Europa" (стр. 164). При этомъ онъ указываетъ на тотъ фактъ, что въ дѣйствительности нѣкоторые произведенія средневѣковой Европы переданы въ греческую литературу въ періодъ крестовыхъ походовъ ¹⁾. Однако поддержать эту точку зрѣнія по отношенію къ нашему сюжету онъ могъ лишь ссылкой на авторитетъ Нигры и упоминаніемъ подходящей новогреческой пѣсни у Марцеллюса, выше нами разобранный ²⁾.

То обстоятельство, что въ старыхъ сборникахъ пѣсень не встрѣчается ничего подобнаго нашему мотиву, даетъ Брагѣ основаніе думать, будто онъ былъ извѣстенъ лишь въ мѣстахъ прибрежныхъ (Ор. с. 164). Ничего не имѣя противъ такого вывода и даже полагая, что онъ соответствуетъ дѣйствительности, хотя намъ придется подойти къ нему совершенно съ противоположной стороны, мы тѣмъ не менѣе не можемъ согласиться со Станиславомъ Прато, подведшимъ итогъ, будто подобные факты, какъ тѣ, о которыхъ говоритъ Брага, оправдываютъ слѣдующій законъ поэтической традиціи, открытый Нигрой ³⁾: „Qesti canti romanzeschi comuni alle nazioni di razza latina debbono, nel dubbio, considerarsi come trasmessi e spesso originati dalla Provenza“. Уже А. Н. Веселовскій отнесся съ сомнѣніемъ къ такому предположенію Нигры, замѣтивъ ⁴⁾ по поводу пѣсень о дѣвушкѣ-воинѣ: „Dali quali non so come risulta per il Sig. Nigra, che questo canto abbia ricevuta la sua origine in Provenza“... И въ самомъ дѣлѣ оно не только не оправдывается при ближайшемъ изученіи всего круга вариантовъ нашего сюжета, но напротивъ того опровергается тѣмъ наблюденіемъ, что во Францію, какъ увидимъ ниже, проникли лишь глухіе отголоски могучей и свѣжей народной пѣсни, возникшей въ другой странѣ при иныхъ условіяхъ общественной жизни.

Сдѣлавъ эти общія замѣчанія, перейдемъ къ самымъ вариантамъ, сообщеннымъ Брагой въ приведенномъ выше сборникѣ, изъ которыхъ первый (N 3, стр. 8) носитъ названіе: „Romances de D. Martinho de Avizado“ (Versão da Beira-Baixa). Такъ какъ и два послѣдующихъ: „Dom Martinho“ (N 4, стр. 11,

¹⁾ Ch. Gidel, Études sur la littérature grecque moderne. Paris 1866.

²⁾ См. стр. 33.

³⁾ Romania 1884, стр. 278—280. Stanislao Prato въ указаніи параллелей къ шестой и седьмой балладамъ изъ сборника Fleury; Littérature orale de la Basse-Normandie. 1883.

⁴⁾ L'Ateneo Italiano 1866, 15 Aprile, стр. 226.

Variante da Beira-Baixa) и „Dom Barão“ (N 5, стр. 15, Variante da Foz) ровно ничѣмъ не различаются между собой, развѣ лишь отдѣльными выраженіями, то для нашей цѣли достаточно остановиться съ нѣкоторымъ вниманіемъ на первомъ изъ нихъ; но такъ какъ и этотъ послѣдній не представляетъ замѣтной разновидности съ разобранными нами чтеніями Ферд. Вольфа и Беллерманна, то мы ограничимся лишь для подтвержденія своихъ словъ приведеніемъ его вступленія и конца. Начинается онъ такъ:

— „Grandes guerras 'stão armadas
Entre França e Aragão!
Mal o hajas tu mulher,
Mais a tua criação;
Sete filhas que tiveste
Sem nenhuma ser varão!“

т. е. точно также, какъ и другіе, извѣстные уже намъ варианты. Затѣмъ старшая дочь (velha), какъ у Вольфа, ведетъ бесѣду съ отцомъ, снаряжаясь въ войско, и на его вопросъ:

— „Filha, se fores á guerra
Como te lá chamarão?“

отвѣчаетъ: „Dom Martinho de Avizado,
Filho do Rei Dom João“.

Какъ во всѣхъ прочихъ португальскихъ вариантахъ, такъ и здѣсь пѣсня распадается на двѣ половины, плохо связанные между собою, выдавая тѣмъ процессъ преднамѣренной обработки со стороны литературно образованнаго поэта, забывшаго или незнавшаго первоначальной фабулы въ ея исконной свѣжести и естественной послѣдовательности.

Вторая часть пѣсни, дѣлая неожиданный переходъ, начинается такъ:

„Ai minha mãi que me morro,
Morro-me do coração;
Os olhos de Dom Martinho,
Mi madre, matar-me hão,
O corpo tiene de hombre,
Os olhos de mulher são“.

Послѣ такого признанія сына — мать совѣтуетъ прибѣгнуть къ испытаніямъ, состоявшимъ въ томъ, что дѣвушку зовутъ поочередно за столъ (Que vá comvoso jantar), на рынокъ (enfeirar), спать (dormir) и купаться (nadar). Недостаётъ лишь испытанія цѣтми въ саду. При послѣднемъ испытаніи, какъ это обыкновенно, дѣвушка получаетъ печальныя извѣстія изъ дома и уѣзжая говорить къ влюбленному въ нее юношѣ:

„Venha a casa de meu pai

Se commigo quer casar.
Sete annos andei na guerra,
Sete annos por capitão,
Sem ninguem me conhecer
Se eu era mulher ou não*.

Очевидно, различіе всѣхъ вариантовъ португальскихъ между собою незначительно, между тѣмъ какъ общій характеръ ихъ композиціи обличаетъ единство ихъ первоисточника, восходящаго въ своей литературно-искусственной формѣ къ извѣстнымъ намъ народно-сказочнымъ сицильянскимъ образцамъ. Несомнѣнность такого вывода будетъ для насъ очевидной, когда мы познакоимся съ новыми португальскими вариантами, обнародованными тѣмъ же Брагой во второмъ его сборникѣ, обнимающемъ народныя пѣсни, записанныя на Азорскихъ островахъ ¹⁾. Происходящія отсюда обработки нашего сюжета связываютъ нѣкоторыми своими чертами подобные же изводы португальскіе и сицильянскіе.

Такъ „Romance de Dom Varão“ (N 11, стр. 211, I Versão da ilha de S. Jorge-Ribeira do Nabe), не разнясь своимъ складомъ и передачей подробностей отъ вариантовъ, записанныхъ на материкѣ, представляетъ интересную особенность по отношенію къ нимъ въ своихъ послѣднихъ строфахъ.

При послѣднемъ испытаніи дѣвушка начала уже раздѣваться для купанья и вдругъ заговорила:

„Oh que novas, oh que novas
Me acabaram de chegar!
Que meu pae que era morto,
Minha mãe para acabar.
Acompanhe-me, acompanhe-me
Se quereis-me acompanhar;
Sete annos servi el-rei
Em palacio a brigar!
Virgem vim, e virgem vou
O filho do rei como asno ficou;
Se quizer casar commigo,
Siga-me por onde eu vou“.

Какъ только что подчеркнутыя нами строфы, такъ и конецъ втораго варианта съ Азорскихъ острововъ (стр. 215, N 12: „Donzella guerreira“, — II, Variante dos Rosacs —) служить для насъ путеводной нитью при установленіи генетической

¹⁾ Th. Braga, Cantos populares do Archipelago açoriano. Porto 1869.

связи между португальскими и сицильянскими изводами нашего мотива. При конечномъ испытаніи и здѣсь мы встрѣчаемъ такое мѣсто:

„Dom Varão (дѣвушка) como discreto
Em bragas se foi botar;
Levou-o lá tanto fóra
Arriscado a o matar.
Viu um barquinho na agua
Começou de navegar:

„Donzella vim, e donzella vou,
O filho do rei como asno ficou“.

Эти строфы, не встрѣчающіяся въ другихъ португальскихъ вариантахъ, дальше ушедшихъ отъ своего первоисточника, совпадаютъ дословно съ подходящими мѣстами въ сицильянскихъ сказкахъ, выше нами отмѣченными. Но въ то же время какъ первая мысль — „дѣвужкой пришла, дѣвужкой и ухажу“ —, такъ и вторая — „а королевичъ остается обманутымъ осломъ“ — не принадлежать къ основнымъ нитямъ ни въ разсказахъ сицильянскихъ, ни въ пѣсняхъ азорскихъ, писколько не вытекая изъ внутренняго развитія интриги и не оказывая ровно никакого воздѣйствія на ходъ всего повѣствованія, прямо противоположно тому, что наблюдается въ произведеніяхъ славянскихъ, въ которыхъ съ особой выразительностью отмѣчается черта дѣвственности героини разсказа и часто цѣлью ея переодѣванія оказывается необходимость перехитрить своего противника. Эти двѣ характерныя мысли какъ бы приросли къ остоу фабулы и въ силу народно-поэтической инерціи, обусловливающей собою глубокіе архаизмы въ устныхъ произведеніяхъ, были переданы вмѣстѣ съ нашимъ мотивомъ, несомнѣнно, изъ славянскихъ земель, быть можетъ, при посредствѣ Албанцевъ ¹⁾ въ Сицилію или южную Италію и отсюда уже на Азорскіе острова. Дальнѣйшее распространеніе пѣсни по матеріку въ народности испанско-порту-

¹⁾ Dora d'Istria, La Nationalité albanaise d'après les chants populaires. Revue des Deux Mondes 1866, т. 63; Dorsa, Poesia popolare въ „Su gli Albanesi ricerche e pensieri“. Napoli 1847; Crispi, Пѣсни сицильянскихъ Албанцевъ въ сборникѣ Vigo, Canti popolari Siciliani. Santa 1849, второе изданіе 1870—71. У Криспи и у Дорсы есть пѣсня, приведенная у Доры Дистріи (383), въ которой развивается сюжетъ объ отсутствующемъ мужѣ въ теченіи 9 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ и 9 дней и молодой женѣ его, собирающейся, наконецъ, выйти замужъ за другаго. Мужъ возвращается однако во время и надѣваетъ женѣ кольцо на палецъ; та признаетъ его. Мотивъ, какъ извѣстно, усвоенный и русскими былинами.

гальской, естественно, обозначается выпадениемъ строфъ, бывшихъ механически уже привязанными къ обработкамъ сицильскимъ и азорскимъ, но причинно-внутреннимъ образомъ спаянныхъ съ ходомъ дѣйствія въ образцахъ славянскихъ.

При такомъ взглядѣ на распространеніе нашего мотива по южно-романскимъ землямъ оправдывается и тотъ выводъ Браги, что традиція эта была извѣстна въ Испаніи и Португаліи лишь въ мѣстахъ прибрежныхъ ¹⁾, куда, конечно, ей легче всего было попасть съ острововъ. При нашемъ мнѣніи легко будетъ понять, почему азорскіе варианты полнѣе образцовъ, записанныхъ на материаль, какъ это признаетъ и Брага, замѣчая: „As duas versões que apresentamos são notaveis pela graça pittoresca, e em tudo superiores ás lições do continente“ (l. c.).

Если это такъ, то теряютъ свою силу доводы Браги, направленные къ поддержанію теоріи Нигры, будто мотивъ нашъ занесенъ крестоносцами во всѣ прочія романскія страны изъ Прованса. Такую роль должны были играть, по домыслу Браги, французскіе рыцари, помогавшіе Альфонсу Энриквецу (Alfonso Enriquez) добывать Лиссабонъ и затѣмъ прослѣдовавшіе вмѣстѣ съ нимъ въ Св. Землю.

Не находя въ этомъ историческомъ фактѣ никакихъ точекъ соприкосновенія съ условіями передачи нашего мотива, мы не отрицаемъ значенія той общественной обстановки, которая могла пробудить въ народѣ вниманіе и сочувствіе къ произведеніямъ изъ нашего круга. Къ ней, по справедливости, относится исторія Антоніи Родригесъ (Antonia Rodriguez), сражавшейся на востокѣ въ качествѣ простаго солдата, какъ это рассказывается въ *Theatro heroico di Froez Perym*, t. I, p. 54 и въ книгѣ Duarte Nunes, *Descripção de Portugal*, c. 89, p. 346, ediz. 1785. На ряду съ этой португальской героиней Прато ²⁾ припоминаетъ еще имя подобной же знаменитости испанской, извѣстной Каталины Эраусо, сдѣлавшейся предметомъ комедіи Монтальвана ³⁾ и приводить имена двухъ героинь итальянскихъ, Элеоноры д'Арбореа и Екатерины Се-сураны.

Каталина Эраусо была солдатомъ и слыла подъ именемъ „*Monja-alferez*“ — монахиня-знаменосецъ. Она сама описала свои приключенія, изданныя Don Joaquim Ferrer и переведенныя на нѣмецкій языкъ полковникомъ von Schepeler (Aachen u. Leip-

¹⁾ Th. Braga, Op. cit. стр. 410—412.

²⁾ Romania, 1884, стр. 160.

³⁾ Don Juan Perez de Montalban. О его произведеніи упоминаетъ Gil Gonzalez Davila въ Истріи Филиппа III.

zig 1830). М. А. de la Tour написалъ цѣлое изслѣдованіе о „Monja-alferez“ въ своей книгѣ: Valence et Valladolid, p. 213 и сл.

Въ виду общаго интереса подобныхъ явленій мы остановимся на нихъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ и дополнимъ указанія Прато. Значительное количество такихъ фактовъ собрано Стриккеромъ ¹⁾ изъ исторіи многихъ европейскихъ народовъ. Вотъ какъ онъ передаетъ біографію Эраусо.

Она родилась въ 1580 г. въ землѣ Басковъ; въ 1602 г. она бѣжала изъ своего монастыря, переправилась затѣмъ въ Америку и участвовала въ сраженіи при Paicavi въ качествѣ знаменосца, потомъ была въ битвѣ при Puren въ 1608 г. и при Callao въ 1615 году. Въ 1624 г. она вернулась назадъ въ Испанію, а въ 1625 г. издала свою автобіографію. Переодѣваясь воиномъ, она носила разныя имена и, будучи разъ тяжело раненой въ Перу, она была узлана. Помимо 15-лѣтней службы въ войскѣ, за которую ей былъ данъ пенсіонъ въ 500 піастровъ, она счастливо выдержала также безсчетное число поединковъ и убила многихъ изъ своихъ противниковъ.

У всѣхъ народовъ въ моментъ одушевленной борьбы за независимость можно найти примѣры отважнаго мужества со стороны дѣвушекъ, бравшихся за оружіе для спасенія отечества. Такъ у Испанцевъ извѣстна еще Августина „Дѣвушка изъ Сарагоссы“, достигшая своею храбростію степени офицера и получившая орденъ. Она умерла въ Цеутѣ въ 1805 г.

Изъ періода болѣе отдаленнаго въ исторіи Испаніи на ряду съ энергичными защитницами Сагунта и Пумантіи можно еще указать на Марію Пачеко (Pacheco), жену казненнаго Карломъ V въ 1521 г. Juan de Padilla, отстаивавшую Толедо въ теченіе шести мѣсяцевъ противъ королевскихъ войскъ.

У ближайшихъ сосѣдей Испаніи, у Итальянцевъ, женщины упоминаются при защитѣ St. Bonifacio въ Корсикѣ противъ Альфонса Арагонскаго въ 1420 г. Маргарита Бобія изъ знатной корсиканской фамиліи руководила защитой города. Она приказала бросать огромные камни на Испанцевъ, взбравшихся на стѣны и затѣмъ сама сдѣлала вылазку. Женщины обливали непріятеля кипящей водой, растопленнымъ масломъ и смолой. Желая обмануть враговъ, онѣ въ военныхъ дослѣхахъ расказывали по стѣнамъ

¹⁾ W. Stricker, Die Amazonen in Sage u. Geschichte. Berlin 1868 (1—40 стр. выпуска 61-ro Wissenschaftliche Vorträge, изд. von Virchow u. Holzendorf).

города (Platen по Cynnaeus въ своей „Geschichte des Königreichs Neapel“ V, 106 и сл.).

Упомянутая уже выше Екатерина Сегурана въ 1543 г. мужественно защищала Ниццу противъ турецкихъ морскихъ разбойниковъ. Коломба Антонетти изъ Foligno, имѣя всего 21 годъ отъ рожденія, сопровождала своего мужа, Людвига Порцію, полковника римской республики, въ походахъ, и участвовала въ бояхъ. Она сражалась при Velletri (19 мая 1849 г.) и пала при защитѣ Рима противъ Франгузовъ на бастіонѣ St. Pancrazio 13 Юня, произнося: „Viva l'Italia!“ (G. V. Hochstetter, Tagebuch aus Italien 1849. Zürich 1851).

Жена Гарибальди также сопровождала своего мужа во время отступленія изъ Рима. Одѣтая въ темно-зеленую амазонку въ калабрійской шляпѣ съ перьями на чаломъ конѣ она въ минуту опасности защищалась легкой кавалерійской саблей, служившей ей уже раньше въ Америкѣ.

При всемъ томъ не слѣдуетъ придавать подобнымъ фактамъ значенія, котораго они не имѣли въ судьбѣ нашего мотива. Они, быть можетъ, способствовали возникновенію литературныхъ типовъ, какъ Камила въ Энеидѣ и Клоринда въ Освобожденномъ Іерусалимѣ; они, очень можетъ быть, привлекли вниманіе литераторовъ или, вѣрнѣе сказать, придворныхъ пѣвцовъ къ народнымъ произведеніямъ нашего сюжета, но дальше этого ихъ вліяніе, безъ сомнѣнія, не простиралось.

Подобные факты часто можно встрѣтить въ исторіи и другихъ народовъ. У Поляковъ не рѣдко женщины участвовали въ самыхъ смѣлыхъ предпріятіяхъ; у насъ извѣстна героиня отечественной войны, Дурова; у современныхъ Грековъ прославляются подвиги Бабулины, дѣятельницы періода борьбы за независимость. Однако всѣ подобныя историческія личности, сдѣлавшіеся предметомъ драмы или романа, не оказали воздѣйствія на народное творчество, закончившееся въ своемъ развитіи въ періодъ болѣе ранняго общенациональнаго состоянія. Личности эти могутъ считаться героями національными, но не народными, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ онѣ вовсе неизвѣстны народу, но составляютъ сюжетъ литературной обработки ¹⁾. Событія общенародной жизни и дѣятельности, относящіяся болѣе прямымъ путемъ къ словеснымъ произведеніямъ нашей схемы, отчасти были уже нами указаны, а отчасти будутъ еще отмѣчены позднѣе.

¹⁾ Такъ извѣстной Шарлоттѣ Кордэ, убившей Марата, посвящено 37 драматическихъ произведеній, а Жаннѣ Даркѣ 59: Feuilleton Frankfurten Zeitung N 179 Morgenblatt 28 Juni 1886.

Изъ произведеній чисто народныхъ, возникшихъ на почвѣ описываемыхъ явленій, у Итальянцевъ извѣстна лишь одна пѣсенка изъ XIII ст., сообщенная лѣтописцемъ Виллани ¹⁾ и перепечатанная Данконой ²⁾, посвященная воспоминанію о томъ, какъ женщины защищали Мессину. Вотъ она:

„Deh, com' egli è gran pietate
Delle donne di Messina,
Veggendole scapigliate
Portando pietre e calcina!
Dio gli dea briga e travaglio
Chi Messina vuol guastare“.

Ясно, что это историческая пѣсня, другихъ же памятниковъ о дѣвущѣ-воинѣ ни испанскій, ни итальянскій народъ не создалъ.

Итакъ, при общепризнанномъ вліяніи французской и провансальской поэзіи на итальянскую можно было бы вѣстѣ съ Нигрой думать, что оригиналъ нашей пѣсни попалъ въ Италію изъ Прованса, передавашаго его равнымъ образомъ и на Пиренейскій полуостровъ. Однако отсутствіе французскихъ текстовъ нашей пѣсни всецѣло подрываютъ выставленную гипотезу. Съ другой стороны самъ Нигра ³⁾ не находитъ слѣдовъ передачи испанско-португальскихъ произведеній въ Италію, такъ что и оттуда нашъ мотивъ не могъ попасть къ Итальянцамъ. Въ тоже время онъ замѣчаетъ: „In tutte le canzoni poi, di qualsiasi categoria, storiche, romanesche, domestiche, ad accezione di qualche caso sporadico, che sarà notato, ove si produca, non troviamo traccia d'origine latina, o greca, o germanica, o tanto meno araba“ (Op. c.).

О возможности заимствованія славянскихъ произведеній ученый авторъ даже не упоминаетъ. Между тѣмъ сдѣланный нами анализъ собранныхъ вариантовъ приводитъ къ убѣжденію, что не только самый мотивъ, но даже цѣльныя славянскія произведенія изъ круга нашего разсказа усвоены какъ итальянской народной поэзіей, такъ и испанско-португальской.

¹⁾ La cronica di Giovanni Villani. Изд. Cel. Durando. Torino 1880. Vol. III, lib. VII, cap. 68.

²⁾ A. D'Ancona, La poesia popolare italiana. Livorno 1878, стр. 8.

³⁾ Nigra, La poesia popolare italiana. Romania 1876, стр. 445—447.

Спорадическія отраженія разсказа о дѣвущкѣ-воинѣ.

Какъ въ своемъ простомъ видѣ, такъ и въ осложненномъ пѣснѣ о дѣвущкѣ-воинѣ, по своему содержанію — повѣствовательному или разсказывающему и по своему изложенію — обстоятельному и прибѣгающему къ повтореніямъ, относится къ отдѣлу народно-эпическихъ произведеній, связанныхъ съ одной стороны съ бытомъ, съ другой съ литературными произведеніями. Въ такомъ характерѣ этихъ продуктовъ народнаго творчества мы находимъ новое основаніе для того, что бы отвергнуть самымъ положительнымъ образомъ теорію Нигры касательно ихъ происхожденія.

Единственнымъ основаніемъ для созданія высказанной Нигрой гипотезы могло служить лишь необыкновенно яркое развитіе литературной дѣятельности, наблюдаемое въ южной Франціи въ теченіе одного столѣтія, начиная съ первыхъ годовъ XII ст. до крестоваго похода противъ Альбигойцевъ. Этотъ недолгій промежутокъ времени считается золотымъ вѣкомъ поэзіи трубадуровъ ¹⁾. Вліяніе ихъ на сосѣднія романскія страны было огромное: въ Ломбардіи и Каталоніи усердно слѣдовали ихъ литературной манерѣ въ созданіи легкихъ лирическихъ пѣсень, при чемъ пользовались даже языкомъ своихъ руководителей. Послѣ жестокаго пораженія, нанесеннаго крестоносцами богатымъ провинціямъ южной Франціи, большая часть трубадуровъ искала пріюта въ Арагоніи, въ Кастиліи и въ Италіи, и въ этихъ земляхъ провансальская поэзія блеснула своимъ

¹⁾ P. Meyer, de l'Influence des Troubadours sur la poésie des peuples romans. Romania, V, 1876 (257—268).

послѣднимъ блескомъ, тогда какъ у себя на родинѣ она медленно угасала, съ тѣмъ чтобы не оправиться уже никогда отъ нанесеннаго ей удара.

Къ концу XIII ст. исчезли въ Провансѣ послѣдніе слѣды нѣкогда могучаго искусства лирической пѣсни. Ея мѣсто постепенно начали занимать новые роды поэзіи — новелла, легенда и романъ, пришедшіе съ сѣвера Франціи. Жителямъ южной Франціи съ ея роскошной поэтической природой при ихъ сравнительно высшемъ интеллектуальномъ развитіи эпическія пѣсни, существовавшія на сѣверѣ, были чужды. Характеръ южанъ былъ переработанъ уже въ обстановкѣ высшей гражданственности и рѣзко отличался отъ привычекъ сѣверянъ. Вотъ почему еще и теперь поется поговорка: „Les Francs à la bataille, les Provençaux aux vivres!“ ¹⁾. При такихъ условіяхъ жизни на сѣверѣ слагался національный эпосъ, на югѣ замирала лирика ²⁾. Но прежде чѣмъ угаснуть окончательно, она передалась сосѣднимъ романскимъ народамъ, у которыхъ мы въ настоящее время находимъ эпическія пѣсни разбираемаго нами круга. Очевидно, эти послѣднія ничего общаго не имѣютъ съ провансальской лирикой, пѣвшей о любви и анализировавшей внутреннія душевныя движенія. При томъ, насколько извѣстно, эпическій мотивъ о воинственной женщинѣ вовсе не встрѣчается въ поэзіи провансальской ³⁾. Если бы мотивъ нашъ какъ либо случайно, такъ сказать со стороны, примкнулъ къ литературному потоку, увлекшему его вмѣстѣ съ лирической поэзіей изъ Франціи на южные полуострова, то трудно допустить, чтобы на мѣстѣ его первоначальной родины не сохранилось болѣе яркихъ слѣдовъ его прежняго существованія, чѣмъ тѣ, какіе открываются нынѣ изслѣдователями и собирателями народно-поэтического творчества Французовъ. Вообще еслибы сюжетъ этотъ былъ разработанъ въ народной поэзіи французской, то, несомнѣнно, отразился бы на характеристикѣ женскихъ типовъ французскаго эпоса ⁴⁾, подобно тому, какъ это замѣчается въ эпосѣ нѣмецкомъ, особенно русскомъ, а также и византийскомъ. Между тѣмъ лишь въ одномъ средневѣко-

¹⁾ Уже въ 1110 г. пѣли по улицамъ „Franci ad bella, Provinciales ad victualia“. *Gesta Tancredi*, гл. LXI, приведено у Edélestand du Mériel, *Poésies populaires latines du Moyen Age*. Paris 1847, стр. 5.

²⁾ L. Gautier, *Les Épopées françaises*, 2 édit. 1878, т. I, стр. 130.

³⁾ Birch-Hirschfeld, *Ueber die den provenzalischen Troubadours des XII und XIII Jahrhunderts bekannten Epischen Stoffe*. Leipzig 1878.

⁴⁾ Graevell, *Die Charakteristik der Personen im Rolandsliede*. Heilbronn 1880.

вомъ французскомъ произведеніи попадаетъ женскій типъ съ характеромъ воинственнымъ; но и онъ, какъ оказывается, развитъ подь непосредственнымъ вліяніемъ итальянскихъ книжныхъ источниковъ ¹⁾). Такимъ образомъ произведенія, нашедшія такой громкій отголосокъ въ устной поэзіи многихъ европейскихъ народовъ, какъ пѣсни изъ нашего круга, не могли бы исчезнуть вмѣстѣ съ трубадурами, еслибы они коренились въ быту и психикѣ французскаго народа и были бы созданы его поэтическимъ гениемъ. То, что произведено этимъ послѣднимъ, сдѣлалось извѣстнымъ въ наше время, благодаря многимъ труженикамъ на поприщѣ такъ называемой Folk-Lore литературы.

Матеріалы, ими представляемые, раскрываютъ предъ нами крайне интересный фактъ изъ области демонпсихологій, состоящій въ томъ, что при разныхъ бытовыхъ условіяхъ, но по поводу сходныхъ явленій жизни французскій народъ создалъ произведенія, приближающіяся къ тѣмъ, какія были наблюдаемы нами у южныхъ Славянъ. Конечно, произведенія эти лишь сходны, параллельны съ тѣми, какія оказались у Болгаръ и Сербовъ, но не тождественны съ ними, такъ какъ культурное развитіе этихъ народовъ различно, что по необходимости повсемѣстно накладываетъ свою печать на чисто народныя созданія. Взгляды и понятія у этихъ народностей сложились не одинаково, условія общественной и политической жизни у нихъ различны, положеніе женщины и ея характеръ сильно уклоняются въ противоположныя стороны, такъ что при разработкѣ хотя бы въ основѣ до нѣкоторой степени сходнаго бытоваго явленія обнаруживаются коренныя различія быта и духа каждаго изъ этихъ народовъ.

Бытовое явленіе, которое мы имѣемъ въ виду, есть тотъ

¹⁾ G. Paris, *Histoire poétique de Charlemagne*, 1865, стр. 185: „Berte au grand pied“ (Reali VI, 1—17). „Un trait qui appartient à l'imitateur italien et qui est des plus malheureux, c'est d'avoir fait de la douce Berte une *virago*: c'était, dit-il (c. I) *la più forte cavalcatrice di tutte le donne del mondo*. Et quand les Mayençais viennent l'attaquer, elle s'arme, prend une lance et se bat à outrance avec l'un d'eux: *ma se ella l'uccise nol so*, remarque le judicieux conteur“ (c. 16). У итальянскихъ писателей, обработывавшихъ сюжеты французскіе, часто выводятся на сцену женщины. Такъ у Пульчи (op. c. 196)—*La belliqueuse reine Antea, qui veut combattre Charlemagne*“...; *La bella Meridiana*, chez laquelle la valeur n'exclut pas la grâce; *Rovenza au marteau* героиня романа, въ которомъ *Renaud* побѣждаетъ *la terrible Sarrasine* (op. c. 197); у предшественника Ариосто Боярдо также заурядъ встрѣчаются „*Sarrasines et chrétiennes combattant mieux que des hommes*“ (op. c. 200).

фактъ, что дѣвушка идетъ на войну. Случаи такого рода весьма не рѣдки въ позднѣйшей исторіи французскаго народа и возникшія въ слѣдъ за этими событіями словесныя произведенія, оправдываютъ, какъ нельзя болѣе, нашу точку зрѣнія на ту связь, какая существуетъ между пѣснями нашего круга у южныхъ Славянъ и указанными въ началѣ нашего труда явленіями ихъ бытовой жизни.

Разсмотримъ теперь, что даетъ намъ исторія французскаго народа и въ какомъ духѣ безыскусственная поэзія отразила въ себѣ событія дѣйствительности?

Кромѣ извѣстной Жанны Даркъ, оказавшей изумительныя подвиги мужества, у Французовъ можно еще отмѣтить имена многихъ дѣвушекъ, или искавшихъ военной славы, или вынужденныхъ обстоятельствами братья за оружіе. Такъ въ 1472 г. Жанна Гапшеттъ съ женщинами защищала городъ Безансонъ, въ то время какъ мушкеры бѣжали изъ него. Луиза Лабэ, названная „la belle cordière“, просто изъ любви къ приключеніямъ, избрала военную карьеру. Она родилась въ Ліонѣ въ 1526 или 27 году, а въ 1543 подъ именемъ капитана Луизы принимала участіе при осадѣ Перпиньяна.

Во время французской республики и послѣдующей имперіи весьма часто женщины вступали въ ряды войскъ. Такъ Марія Шеллингъ, родившаяся въ 1756 г., сдѣлалась солдатомъ въ 1792 г. и въ томъ же году была шесть разъ ранена, продолжала однако походы въ Германію и, подъ Аустерлицемъ получивъ тяжелую рану, была открыта. Наполеонъ произвелъ ее въ лейтенанты и пожаловалъ ей крестъ своего собственнаго легіона. Она получила потомъ пенсію и умерла въ 1840 году 1 Сентября.

Вандейка Рене Бордеро, потерявъ во время революціи 42 чело-
вѣка изъ своихъ родныхъ, послѣ того какъ отецъ ея былъ казненъ, сама поступила въ ряды воиновъ, сдѣлалась драгуномъ и при Санъ-Ламбертѣ убила четырехъ республиканцевъ. Республиканское правительство оцѣнило ея голову въ 1000 франковъ. Послѣ реставраціи Людовикъ XVIII пожаловалъ ей орденъ. У Стриккера ¹⁾ приведены еще краткія біографіи многихъ подобныхъ воиновъ-женщинъ изъ послѣднихъ французскихъ войнъ. Такъ Александрина Роза Лауракъ, рожденная Борро, въ 1793 г. вступила вмѣстѣ съ своимъ братомъ и мужемъ въ ряды пиренейской арміи и третьей взойшла на шанцы Аллокви. Бретонъ-Добль служила въ великой арміи въ 1805 г. и достигла званія сержанта. Екатерина Ромеръ была ранена при Ваграмѣ, затѣмъ участвовала въ походахъ испан-

¹⁾ W. Stricker, Die Amazonen in Sage u. Geschichte. Berlin 1868, 61-ый выпускъ Wissenschaftliche Vorträge.

скомъ и алжирскомъ. Особого разнообразія полна судьба Регулы Энгель, напечатавшей свои воспоминанія, извлеченія изъ которыхъ помѣщены въ *Mag. für Litter. des Auslandes* за 1855 годъ. Наконецъ Анжелика Дюшеменъ, сдѣлавшаяся сержантомъ, и Тереза Суттеръ, сражавшаяся при Ватерлоо, принадлежать также къ сподвижникамъ великой арміи.

Помимо приведенныхъ фактовъ можно указать еще на два слѣдующихъ разсказа, о которыхъ упоминаетъ Станиславъ Прато ¹⁾. Какой то Питре Шевалье описалъ приключенія бреттонки Матурины. Она отправилась на войну вмѣсто своего брата и совершила компаніи 1812, 1813 и 1814 годовъ (*Musée des Familles*, 2-e série, t. V, pag. 189). Такого же рода событіе извѣстно изъ жизни искательницы приключеній, Сильвіи Маріетти. Она равнымъ образомъ замѣнила брата на войнѣ (*Figaro* 20 Окт. 1879 г.).

Подобныя явленія жизни не остались незамѣченными народной пѣсней уже потому, что они не могли повторяться особенно часто и тѣмъ какъ бы притупить общественное вниманіе. Какъ выходящее изъ ряда обыденнаго событіе такое послужило сюжетомъ для пѣсни, варианты которой въ наибольшемъ числѣ собраны Смитомъ ²⁾. Ему было извѣстно двѣнадцать пѣсенъ, но большинство ихъ до такой степени было испорчено или вслѣдствіе недостатка памяти у пѣвца или его подиовленіемъ, что собиратель нашелъ возможнымъ напечатать лишь пять изъ нихъ, заявляя при этомъ, что число вариантовъ можетъ быть значительно увеличено. Смитъ, по всей вѣроятности, не были извѣстны выше указанные факты изъ жизни французскаго народа. Поэтому онъ предполагаетъ, будто подобныя пѣсни или восходятъ къ тому періоду, когда воспѣваемые ими явленія были особенно часты въ обыденной жизни, или напротивъ того свидѣтельствуютъ объ особомъ вкусѣ данной эпохи, не могшей возвести въ легенду разсказы, значительно удаленные отъ дѣйствительности, или наконецъ, народъ просто унаслѣдовалъ эти произведенія отъ высшаго класса, вкусы котораго по необходимости переходятъ въ массу.

Что касается насъ, то мы смотримъ на пѣсни французскіе, какъ на отраженіе дѣйствительности. Такой взглядъ оправдывается уже тѣмъ, что побужденія, влекущія дѣвушку на войну, крайне разнообразны. Разсмотримъ содержаніе пѣсенъ. Въ первой изъ нихъ у Смита говорится слѣдующее:

¹⁾ *Romania*, XIII, 1884, стр. 160 и слѣд.

²⁾ *Revue des Langues Romanes*, 3-e série, t. IV, 1880, стр. 5—10 „*Fammes-soldats*“, *Chamons populaires*. V. Smith.

„Фаншонъ, моя Фаншонъ, — надо идти на войну; мы отправимся на зарѣ, мы последуемъ звукамъ барабана, ты тамъ будешь гораздо счастливѣе. — Что скажутъ мои родители, если я пойду на войну! У нихъ я единственный ребенокъ; они меня такъ нѣжно воспитывали; какое огорченіе для матери!“ Такъ начинается пѣсня и дѣвушка въ самомъ дѣлѣ покидаетъ домъ родителей, но съ какою собственно цѣлью, изъ пѣсни этого не видно. Мать ея просыпается, входитъ въ комнату дочери и, не находя ея, кричитъ мужу, что дочь ихъ уведена. Тотъ старается остановить полкъ, но получаетъ отвѣтъ отъ капитана, что Фаншонъ сама согласилась уйти. На этомъ кончается пѣсня, очевидно, описывающая какой либо дѣйствительный побѣгъ молодой дѣвушки въ слѣдъ за полкомъ.

Вторая пѣсня у Смита такого характера: Молодой кадетъ идетъ на войну и приглашаетъ съ собою свою возлюбленную, обѣщая заботиться объ ней. Она не осмѣливается, говоря, что у нея есть маленькая сестра, которая будетъ очень горевать, а кромѣ того, ей извѣстно, что всякая дѣвушка, отправляющаяся на войну, непремѣнно теряетъ свою честь.

„Чести своей ты не потеряешь, моя прекрасная подруга“, возражаетъ кадетъ, „я дамъ тебѣ свой поясъ и свой мундиръ о трехъ пуговицахъ, я дамъ тебѣ свою шляпу, украшенную перьями и галунами, какъ у драгуна“. Съ дороги дѣвушка возвращается назадъ, чтобы проститься съ друзьями, — всякая дѣвушка, идущая на войну, не увѣрена въ томъ, что возвратится домой; — въ пути она заходитъ въ гостиницу. Содержательница съ улыбкой смотритъ на нее и спрашиваетъ: „не дѣвушка-ли вы изъ города или деревни?“. „Нѣтъ, я благородный кадетъ изъ хорошаго семейства; я покинулъ Провансъ, чтобы поступить въ гарнизонъ“, отвѣчаетъ дѣвушка. „Ну, если такъ, то сядемъ за столъ, будемъ пить это доброе вино: оно вселитъ въ наше сердце любовь и прогонитъ нашу печаль“, заявляетъ содержательница гостиницы. На этомъ и кончается пѣсня.

Въ другомъ вариантѣ дѣвушка сама слѣдуетъ на войну за своимъ возлюбленнымъ, наряжаясь въ платье своего брата. Въ обществѣ офицеровъ она пропиваетъ деньги, полученные за службу. Отецъ разыскиваетъ ее, но получаетъ такой отвѣтъ: „Иди назадъ и утѣшайся, ожидая меня. Я иду на войну съ молодымъ драгуномъ, я сяду въ сѣдло и буду играть шпайгой“.

Слѣдующая пѣсня какъ будто напоминаетъ нѣкоторыми своими чертами разбираемый нами международный мотивъ. Въ ней дѣвушка дѣлается солдатомъ съ цѣлью разыскать своего возлюбленнаго, о которомъ она не знала даже, въ какомъ полку онъ служитъ. Поступивъ добровольцемъ въ армію, она служитъ семь лѣтъ: —

„Elle a resté sept ans—dans les troupes de France,
L'a parcouru par toutes les armées,
Sans jamais être déclaré“.

По прошествіи семи лѣтъ она беретъ у своего капитана отпускъ, говоря:—

„Mon père m'a mandé'—d'une lettre secrète.
Mon père, ma mère,—qui sont en pauvreté,
Je voudrais bien les soulager“.

Покинувъ армію, она заходитъ въ какую то гостинницу для отдыха и, не успѣвъ еще закусить, начинаетъ пѣть и при томъ такъ хорошо, что ея возлюбленный, случайно попавшій туда же, признаетъ ее.

Такія черты разсказа, какъ семь лѣтъ службы въ арміи, оставшійся при этомъ нераскрытымъ полъ дѣвушки, отпускъ ея вслѣдствіе письма, полученнаго ею отъ отца, наконецъ встрѣча ея съ предметомъ ея любви и ихъ взаимное признаніе, поводъ къ которому подало пѣніе дѣвушки, — какъ будто бы не случайно сгруппированы въ разобранной пѣснѣ, хотя строй ея и сильно разнится отъ выше приведенныхъ вариантовъ нашего круга. Такъ конецъ пѣсни построенъ вполнѣ во вкусъ французскихъ нравовъ:

— „De tant loin qu'elle le voit,— elle lui a tendu son
— A ta santé, mon jeune compagnon! [verre:
De nos amours nous deviserons“.

Очень можетъ быть, что и тѣ черты, которыя отмѣчены нами, какъ напоминающія до нѣкоторой степени складъ вариантовъ нашего круга, возникли самостоятельно на почвѣ французской жизни. Такому предположенію нисколько не противорѣчитъ и слѣдующая пѣсня, въ которой дѣвушка, покинутая своимъ возлюбленнымъ, дѣлается солдатомъ, разыскиваетъ измѣнника и убиваетъ его на поединкѣ, хотя подобный сюжетъ и могъ бы напомнить нѣкоторыя новогреческія пѣсни, выше приведенныя (стр. 33). Однако французская пѣсня до такой степени характерно отразила на себѣ отношенія и взгляды создавашаго ее общества, что, указывая на нѣкоторыя совпаденія, мы рѣшительно отвергаемъ какое бы то ни было родство ея съ подходящими иностранными произведеніями. Лучшимъ доказательствомъ такого вывода можетъ служить сама пѣсня, которую мы и приводимъ.

„Derrière chez nous,—il y a-t-un capitaine,
La nuit, le jour,— qui cherche ses amours.
En lui disant:—Bel Henri, que je t'aime,
Peut-être un jour,—jouirons de l'amour.
N'eut pas joui—du plaisir de la belle,
Lui dit tout bas:—La belle, je m'en vas.

—Si tu t'en vas,—bel Henri, que je t'aime,
Si tu t'en vas,—moi, je suivrai tes pas.
Mais si n'a pris—cent écus à son père,
Droit à Paris,—s'en va faire des habits;
S'est habillé—en dragon volontaire,
N'en monte à cheval,—comme un vrai général.
S'en va trouver—son amant qui était de garde,
En lui disant:—Prends les armes en main.
S' sont tant battus,—le galant, la maîtresse,
N'a mis d'abord—son amant à la mort.
Droit à Paris,—s'en fait des connaissances,
Le roi Louis—l'a voulu voir aussi.
—Non, ce n'est pas—pour te punir, la belle,
Mais te fair' voir—que tu as fait ton devoir.
Le roi Louis—lui donne, en récompense,
Une chaîne en or—ou bien cent louis d'or.
Une chaîne en or—vaut plus qu'un mariage,
Une chaîne en or—vaut bien cent louis d'or“.

Такого содержанія пѣсни пользуются значительной популярностью во Франціи, очевидно, соответствуя вкусамъ и понятіямъ народа. Подходящіе варианты сообщены Пюймагрозъ ¹⁾, Бюжо ²⁾ и Флери ³⁾. Они различаются между собою лишь стихомъ и римой, но не содержаніемъ, для знакомства съ которыми достаточно привести версію Флери.

„Ah! chez mon père logeait un capitaine,
Qui nuit et jour
M'entretenait d'amour.
Il me disait: Brunette, je vous aime,
Je voudrais bien
Devenir votre époux.
Mais quand il eut les amours de la belle,
Sans contredit,
La belle il faut partir.

¹⁾ Puymaigre, Chants pop. recueillis dans le pays Messin. 1865, p. 76: *La brave Claudine*; p. 78: *La fille soldat*; p. 80—пѣсня изъ Франшъ-Конте такого же содержанія.

²⁾ Bujeaud, Chants pop. de l'Ouest, t. II, p. 206 сообщаетъ пѣсню, въ которой солдатъ убиваетъ свою возлюбленную; но въ этомъ справедливо усматриваютъ лишь порчу первоначальной фабулы.

³⁾ Jean Fleury, Littérature orale de la Basse-Normandie. 1883, p. 278, N VI: *La fille Militaire*; N VII: *Suite de l'histoire de Cécile*.

Ne comptez plus sur moi, belle Cécile
Je faut servir
Le monarque Louis“.

Тогда дѣвушка беретъ двѣ тысячи франковъ, отправляется въ Парижъ, заказываетъ себѣ мужское платье, наряжается прекраснымъ воинномъ, разыскиваетъ своего возлюбленного и въ поединкѣ убиваетъ его. Объ этомъ доносить королю, —

„Le roi voulut savoir la vérité;
Il pardonna à cette noble dame
Pour avoir vu son intrépidité“.

Продолженіе исторіи этой дѣвушки, именно ея возвращеніе домой, сообщаемое Флери, не имѣетъ никакихъ точекъ соприкосновенія съ разбираемой нами фавулой, почему мы и оставляемъ его въ сторонѣ. Но нельзя обойти молчаніемъ параллельнаго варианта, записаннаго Смитомъ (*Revue des Langues Romanes*, t. IV, 1880). Здѣсь также разсказывается о возвращеніи изъ арміи дѣвушки, которая, повидимому, только изъ любви къ военнымъ приключеніямъ прослужила семь лѣтъ и затѣмъ вернулась домой, сохранивъ свою честь. По рѣшѣнью и формѣ вариантъ этотъ, какъ признаетъ Смитъ, древнѣе прочихъ приведенныхъ французскихъ пѣсенъ. Содержаніе его таково:

„Une fille d'une hôtesse—à la guerre s'en allait;
Au bout de sept années,—chez sa mère retournait.
—Dieu de bonjour, dame l'hôtesse, — le bonjour vous
soit donné!
—Mais à vous, soudat de guerre,—le bonjour vous soit
donné!
—Qu'y a-t-il, dame l'hôtesse, — qu'y a-t-il pour mon
souper?
Y a une poule grasse,—un chapon entrelardé.
—Oh! venez, dame l'hôtesse, — venez compter mon
souper.
—Que voulez-vous que je compte, —soudat, n'avez rien
mangé.—
Le lendemain, le matin,—le soldat s'est éveillé.
Dieu de bonjour, dame l'hôtesse,—le bonjour vous soit
donné!
—Mais à vous, soudat de guerre,—le bonjour vous soit
donné!
Oh! donnez-moi une pigne, — une pigne pour me pei-
gner.—
Quant est que le soldat se pigne, — l'hôtesse l'a re-
gardé.

— Que pleurez-vous, dame l'hôtesse, — de quoi n'en
sousepirez?

— Aia une filla en guerre, -- soudat, vous la ressem-
blez.

— Que dounaia à un homme, — qui vous lui ferait
parler?

— Cent écus dedans ma bourse, — soudat, si vous le
voulez,

Et lous autres cent cinquante—pour la fille marier.

— Gardez votre argent, ma mère, — votre fille vous
l'avez;

*Sept ans qu'est allé en guerre, — mon honneur j'ai bien
gardé!*

Последній стихъ приведеннаго варианта, дѣйствительно, напо-
минаетъ дословно многочисленные изводы изучаемаго мотива, часто
кончавшіеся почти тѣми же словами. Но этимъ и ограничивается
сходство французскихъ пѣсенъ о дѣвушкѣ-воинѣ съ таковыми же
произведеніями славянскими, итальянскими и испанско-португаль-
скими. Если между послѣдними мы установили генетическую связь,
то не рѣшаемся признать такое же родство между ними и пѣснями
французскими. Онѣ слишкомъ тѣсно срослись съ бытомъ своего на-
рода, а тѣ немногіе признаки, посредствомъ которыхъ можно бы
ихъ связать съ обще-европейской традиціей, не достаточно суще-
ственны въ разсказѣ и, по всей вѣроятности, возникли самостоя-
тельно или же какъ либо привнесены со стороны въ готовую уже
бытовую народную пѣсню ¹⁾, сложившуюся по поводу тѣхъ исто-
рическихъ явленій, о которыхъ мы говорили раньше.

Подобныя событія извѣстны и въ исторіи нѣмецкаго народа.
Такъ германскія женщины приобрѣли себѣ боевую извѣстность еще
со времени походовъ Кимбровъ въ Италію. Въ послѣдующіе вѣка
онѣ не переставали выдѣлять изъ своей среды энергичныхъ дѣ-
ятельницъ, которыя при случаѣ брались за оружіе. Многочисленные
указанія такихъ фактовъ собраны у Стриккера ²⁾; но приводитъ
ихъ для насъ нѣтъ надобности, такъ какъ они не нашли отзыва
въ позднѣйшей народной поэзіи Нѣмцевъ. Такимъ образомъ оказы-
вается, что не каждый народъ одинаково создаетъ поэтическія про-

¹⁾ Число самъ символически употребляется у всѣхъ ин-
до-европейскихъ народовъ; значеніе числа семь у классиче-
скихъ писателей своеобразно объясняется Бахофеномъ: Das
Mutterrecht. Stuttgart 1861, стр. 58, 250, 303; 159, 193—4,
198, 250, 345, 350, 371.

²⁾ W. Stricker, op. cit.

изведенія по поводу тѣхъ же фактовъ своей исторіи. Нѣмецкая народная поэзія не отразила въ себѣ исключительныхъ явленій, когда дѣвушка, покидая свое нормальное общественное положеніе, идетъ въ ряды воиновъ и сражается наряду съ ними. Такимъ невниманіемъ народа къ военнымъ подвигамъ дѣвушки, воспѣваемой теперь образованными поэтами ¹⁾, и объясняется почти полное отсутствіе въ устныхъ произведеніяхъ нѣмецкихъ нашего мотива. Насколько выразительно отмѣтило германское племя на зарѣ своей исторіи черту воинственности своей женщины ²⁾, настолько безучастнымъ оказалось оно къ усвоенію странствующаго мотива о дѣвухѣ-воинѣ въ тотъ періодъ своего культурнаго развитія, когда новыя формы жизни поставили женщину въ строго опредѣленные рамки ея дѣятельности. Въ силу этого разсказъ нашъ нашелъ лишь слабое отраженіе въ сказкахъ нѣмецкихъ, попалъ туда также случайно, какъ и въ пѣсни французскія.

Въ сборникѣ братьевъ Гриммовъ находится такая сказка ³⁾: Дочь короля, оставленная своимъ женихомъ, собираетъ одиннадцать дѣвушекъ подобныхъ себѣ. Всѣ онѣ одѣваются охотниками и идутъ ко двору бывшаго жениха королевской дочери. Но тутъ сторожевой левъ провидитъ обманъ и сообщаетъ объ этомъ королю. И вотъ начинаются испытанія: дѣвушекъ ведутъ *по разсыпанному зоруху*. Предупрежденные однимъ изъ слугъ, онѣ стараются твердо ступать, такъ чтобы король видѣлъ, что это идутъ мужчины. Потомъ въ комнату къ дѣвушкамъ поставили двѣнадцать прялокъ, но тѣ и не взглянули въ ту сторону.

¹⁾ Gustav Schwab въ „Appenzeller Krieg in 9 Romanzen“ (1825) воспѣваетъ дѣянія женщины, сражавшихся рядомъ со своими мужьями, какъ это въ 1808 и 1809 годахъ сдѣлали Тиролянки. Поэтесса Karschin прославила вдову Ziethen, служившую въ гусарахъ. W. H. Ackermann въ своихъ „Erinnerungen eines Lützow'sche Jägers aus der lüneburger Haide“, Frankfurt a. M. 1847, разсказываетъ о подвигахъ женщины во время великой борьбы съ Наполеономъ. F. Rückert (Gesammelte Gedichte. Erlangen 1836, II, 30) въ одномъ изъ своихъ стихотвореній говоритъ о Леонорѣ Прохазкѣ, которая носила имя Renz, была ранена 16 Сент. 1813 г., при чемъ полъ ея былъ обнаруженъ:

„Wie merkten wir's nur nicht lange schon
Am glatten Kinn, am feineren Ton,
Doch unter den männlichen Thaten,
Wer konnte das Weib errathen?“

²⁾ K. Müllenhoff „Walküren“ въ Nordalbingische Studien. 1844, II. стр. 210—222; Jacob Grimm, Deutsche Mythologie 1875—78¹, стр. 120, 346 и сл.

³⁾ Kinder und Hausmärchen, gesammelt durch die Brüder Grimm. Gött., 1850, I, стр. 418, N 67: Die Zwölf Jäger.

Наконецъ на охотѣ король какъ то узналъ свою невѣсту и женился на ней.

Вотъ это все, что мы находимъ въ сказочной и пѣсенной поэзіи нѣмецкой изъ круга нашего мотива. Хотя онъ здѣсь и значительно видоизмѣненъ, тѣмъ не менѣе просвѣчиваются еще его основные элементы, — какъ испытаніе пола и взаимное признаніе невѣсты и жениха. Очевидно, онъ занесенъ къ Нѣмцамъ какимъ либо случайнымъ рассказчикомъ, заимствовавшимъ его у другихъ народовъ.

Равнымъ образомъ таже сказка попала и къ Грекамъ, потерявъ очень многое изъ своего состава. Она сдѣлалась извѣстной, благодаря прекрасному сборнику Гана ¹⁾, давшего ей названіе „Das Mädchen im Krieg“. Содержаніе ея состоитъ въ томъ, что младшая дочь старика-короля идетъ на войну, въ то время какъ двѣ старшія грубо отказываются. Побѣдивъ враговъ отца, героиня возвращается домой, сопровождаемая молодымъ принцемъ, который по дорогѣ приглашаетъ ее въ свой замокъ погостить. Здѣсь *безъ всякаго основанія* ему приходитъ въ голову мысль, что гость его не мужчина, а *дѣвушка*. По совѣту матери принца устраивается одно только испытаніе: молодые люди идутъ въ лѣсъ *спать на траву*. При этомъ мать говоритъ сыну, что если утромъ мѣсто подъ нимъ будетъ свѣжѣе, чѣмъ подъ гостемъ, то значить товарищъ его дѣвушка. Но эта послѣдняя ночью пережѣлила мѣсто и подъ утро лишь вернулась на свое, такимъ образомъ трава подъ ней оказалась свѣжѣе, чѣмъ подъ принцемъ.

Выѣхавъ изъ замка, дѣвушка закричала: хотя и дѣвушка, пошла я на войну къ стыду глупаго короля. Услышавъ это, принцъ пускается въ поиски за ней подъ видомъ купца съ товарами; но здѣсь греческая сказка начинаетъ развивать совершенно иной мотивъ, случайно прицѣпленный къ нашему рассказу.

По своему развитію близка къ греческой албанская сказка, записанная на островѣ Поросѣ и озаглавленная Ганомъ „Silberzahn“ ²⁾. Въ ней двѣ старшія дочери рѣзко высказываются противъ отца, третья же охотно вызывается замѣнить его на войнѣ. Обрадованный отецъ даетъ своей младшей дочери, по имени Теодорѣ, три мужскихъ одѣянія и свое благословеніе, которое принимаетъ видъ собачки. Когда Теодора приблизилась къ замку короля, то у воротъ стоявшая *старушка* (въ нѣм. сказкѣ *леви*) догада-

¹⁾ Griechische u. Albanesische Märchen. Gesammelt, übersetzt u. erläutert von G. von Hahn. Leipzig 1864, I, стр. 114, N 10.

²⁾ Hahn, op. cit. II, стр. 124, N 101.

лась, что подъ видомъ молодого воина скрывается дѣвушка и сообщила объ этомъ сыну короля. Послѣ этого слѣдуютъ испытанія. Теодору приглашаютъ въ лавку, и она, предупрежденная своей собачкой, выбираетъ здѣсь оружіе, а не женскія украшенія. Потомъ ведутъ ее въ замокъ, гдѣ заставляютъ взбираться на лѣстницу въ семьсотъ ступеней, при чемъ ожидалось, что у дѣвушки упадутъ три капли крови. Это и случилось, но собачка незамѣтно слизала ихъ. Для третьяго испытанія дѣвушку приглашаютъ купаться въ море. Тогда она идетъ къ портному и говоритъ: „Сдѣлай мнѣ платье съ двумя рядами пуговицъ и при томъ такъ, что если я начну растегивать одинъ рядъ, то чтобы другой застегивался самъ собою“. Когда сынъ короля былъ уже въ морѣ, Теодора вскочила на лошадь и поскакала прочь; но принцъ снялъ кольцо съ пальца и бросилъ имъ въ дѣвушку такъ ловко, что сломалъ ей зубъ.

Въ этомъ мѣстѣ албанская сказка, какъ и греческая, приплетаетъ другой мотивъ: королевичъ беретъ платье пастуха, покупаетъ товаровъ и идетъ торговать въ замокъ Теодоры. Тутъ ночью онъ уноситъ ее и затѣмъ женится на ней.

Другая албанская сказка записана Дозономъ и озаглавлена „La fille changée en garçon“ ¹⁾. Содержаніе ея таково:

У одного человѣка было три дочери. Однажды пришелъ приказъ ему отъ короля идти на войну, и такъ какъ у него не было сыновей, то онъ сдѣлался печальнымъ и задумчивымъ. Старшая и средняя дочь, узнавъ о причинѣ горя отца, отвѣтили ему: „выдавай насъ замужъ“, какъ бы давая этимъ понять, что зятя могли бы пойти вмѣсто старика. Но младшая дочь вызывается замѣнить отца (надо такъ думать, хотя сказка умалчиваетъ объ этомъ): она проситъ сдѣлать ей платье, обрѣзать волосы, чтобы ее не узнали, приготовить коня и дать оружіе. Получивъ все необходимое, она отправилась на войну въ обществѣ односельчанъ.

До сихъ поръ албанскій рассказъ слово въ слово передаетъ содержаніе южно-славянскихъ пѣсенъ болгарскаго извода. Но въ этомъ мѣстѣ онъ присоединяетъ къ нашей фабулѣ сказочный мотивъ совершенно иной категоріи.

Чудовище (ламія), ежегодно приходившее въ столицу короля пожирать людей, на этотъ разъ потребовало себѣ въ пищу королевскаго сына, обѣщаясь затѣмъ уже не возвращаться. Переодѣтая воинномъ дѣвушка наша освобождаетъ королевича отъ неминуемой гибели и въ награду за эту услугу, послѣ нѣкотораго колебанія

¹⁾ Contes Ilbanais recueillis et traduits par Auguste Dozon. Paris 1881. XXVII+264. Стр. 109—120, N XIV.

короля, получает коня, обладавшего даромъ говорить по-человѣчески. При помощи этого послѣдняго дѣвушка перескакиваетъ черезъ ровъ, ловя на лету подброшенное въ воздухъ яблоко и за эту удачу пріобрѣтаетъ королевну себѣ въ жены. Однако та недовольна своимъ мужемъ и вотъ отецъ ея даетъ своему зятю трудныя порученія, которыя всѣ исполняются имъ при содѣйствіи чуднаго коня, близко напоминающаго нашего *Конька-горбунка* и носящаго у Албанцевъ имя „*Демирчилъ*“. При исполненіи третьей задачи, собирая какую-то непонятную дань со змѣй, обитавшихъ въ какой-то церкви, переодѣтая витяземъ дѣвушка была проклята послѣдними, сказавшими: „если ты юноша, то сдѣлайся дѣвушкой и если ты дѣвушка, то будь юношей“. Тотчасъ вслѣдъ за этимъ она почувствовала, что на самомъ дѣлѣ превратилась въ мужчину, вернулась домой и была счастлива со своей женой.

Такимъ образомъ албанская сказка первой своей половиной примыкаетъ непосредственно къ сказаніямъ и пѣснямъ славянскимъ; во второй ея части своеобразно сгруппированы три разныхъ мотива — освобожденіе принца отъ чудовища, пожирающаго по условію людей, рассказъ о чудномъ конькѣ-горбункѣ и, наконецъ, классическое преданіе о половой метаморфозѣ. Для насъ интересна лишь первая половина, напоминающая своимъ складомъ славянскіе варианты нашего сюжета въ такой степени, что безъ колебанія албанскій рассказъ можно считать заимствованнымъ отъ Славянъ, у которыхъ онъ сохранился въ большей свѣжести и законченности. Особенно попортили послѣдовательность рассказа Албанцы, переселившиеся въ Грецію, какъ это видно по редакціи Гана, выше приведенной. Отъ нихъ сюжетъ этотъ попалъ къ Грекамъ, что ясно изъ близости вариантовъ греческаго и албанскаго.

Мотивъ объ испытаніи пола также занесенъ въ одну сказку валашскую, сообщенную братьями Шоттами ¹⁾ подъ заглавіемъ „*Die Kaisertochter und das Füllen*“. Въ ней нѣтъ тѣхъ подробностей, какія обыкновенно предшествуютъ въ славянскихъ вариантахъ моменту, когда дѣвушка наряжается воиномъ и затѣмъ подвергается испытаніямъ. Напротивъ того, своимъ складомъ она поразительно похожа на итальянскую новеллу „*Il Drago*“, записанную Компаретти и выше нами разобранную (стр. 108). Содержаніе валашской сказки таково:

У одного короля родилась дочь въ тотъ самый день, когда его

¹⁾ Walachische Märchen, herausgegeben von Arthur u. Albert Schott. Mit einer Einleitung über das Volk der Walachen u. einem Anhang zur Erklärung der Märchen Stuttgart u. Tübingen 1845, стр. 171—184.

любимая кобылица принесла жеребенка. Въ дѣтствѣ королевна кормила жеребенка огнемъ и пила его виномъ, такъ какъ странное животное не хотѣло принимать ничего другаго. Когда дѣвушка исполнилось пятнадцать лѣтъ, отецъ пожелалъ отдать ее замужъ. Однако мужемъ ея могъ сдѣлаться лишь тотъ, кто отдастъ, чѣмъ обтянуть барабанъ, для котораго были употреблены кожи, снятыя съ двухъ вшей. Такой нашелся. Королевна обратилась къ своему жеребенку за совѣтомъ, и тотъ открылъ ей, что прекрасный чужеземецъ — никто иной, какъ сынъ страшнаго дракона и волшебника и при томъ самъ волшебникъ. Во избѣжаніе предстоящаго замужества королевна проситъ отца сдѣлать для нея три мужскихъ одѣянія и представить ее вмѣсто сына. Подъ видомъ сына короля дѣвушка прибываетъ ко двору владѣтеля, бывшаго нѣкогда другомъ ея отца. Здѣсь она приобретаетъ высокое положеніе и любовь короля. Однако завистливые придворные, желая погубить счастливаго соперника, докладываютъ королю, что молодой принцъ не юноша, но переодѣтая дѣвушка. Послѣ этого слѣдуютъ испытанія. Дѣвуху *ведутъ на базаръ*, гдѣ она вмѣсто золотыхъ прялокъ, веретенъ, игловокъ и т. п. выбираетъ прекрасное оружіе. Для втораго испытанія ее *приглашаютъ въ королевскую юстинницу*, съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ она будетъ кушать виноградъ: какъ женщина, она должна была ѣсть виноградъ нематымъ, что обозначало бы ея жадность и нетерпѣливость. Въ третьемъ — король приказываетъ ей достать для него прекрасную дочь изъ сосѣдняго царства, управляемаго волшебникомъ. Юной героинѣ удается приобрести расположеніе всей семьи страшнаго повелителя и она вскорѣ дѣлается женихомъ, а затѣмъ супругомъ прекрасной царевны. Но эта послѣдняя жалуется своимъ родителямъ на холодность мужа. Отецъ ея требуетъ объясненія отъ зятя и тотъ заявляетъ, что онъ далъ клятву не прикасаться къ женѣ, пока не покажетъ ее своимъ родителямъ. Поэтому король позволяетъ своему зятю увести дочь, которая затѣмъ и достается въ жены старому королю, а переодѣтая дѣвушка объявляетъ свой полъ и выходитъ замужъ за сына короля.

Въ этомъ мѣстѣ валашская сказка стоитъ въ несомнѣнной связи съ рассказомъ, послужившимъ темой для развитія одного эпизода въ обширной сербской пѣснѣ „Вунина Златија“ (Вукъ III, 28, стр. 199), подробно разобранной нами нѣсколько выше (стр. 55 — 56).

Въ сербской пѣснѣ мѣсто отца занимаетъ братъ, который и спрашиваетъ зятя о причинѣ, что

„Анђа нам је врло невесела“;
на это тотъ отвѣчаетъ:

„Ја се јесам Богу зарекао,
Да јој не ћу лица облубити,
Доке једном у чету не одем,
Да окушам моју срећу прву
Од како сам вјеру мијенао“.

Въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ валашская сказка отклоняется въ сторону, приплетая новый мотивъ и при томъ въ такой послѣдовательности, которая сближаетъ ее съ итальянской новеллой.

Послѣ всѣхъ перечисленныхъ перепетій сказка припоминаетъ свое начало и выдвигаетъ на сцену волшебника, для сына котораго предназначалась первоначально королевна. Теперь она замужемъ за другимъ и рождаетъ двухъ золотыхъ мальчиковъ въ то время, какъ мужъ ея былъ въ походѣ. Съ вѣстью объ этомъ событіи она шлетъ гонца; но старый волшебникъ перехватываетъ письмо, подмѣниваетъ его и молодая женщина должна быть сожжена. Въ критическій моментъ является ея чудный конекъ и уноситъ ее вмѣстѣ съ дѣтьми въ уединенный замокъ, гдѣ она живетъ, пока случайно мужъ находитъ ее.

Такимъ образомъ валашская сказка, сохранивъ лишь обрывки традиціи о дѣвушкѣ-воинѣ и объ испытаніяхъ, какимъ она подвергается, серединой своей примыкаетъ къ сербской пѣснѣ, а концомъ къ итальянской новеллѣ, съ которой однако она совпадаетъ не вполне.

Точно такая же странная непоследовательность или, иначе сказать, невыдержанность разсказа, замѣчается въ литовской сказкѣ, помѣщенной въ сборникѣ Лескина и Бругмана ¹⁾. Въ ней первая половина своимъ складомъ подходитъ очень близко къ пѣснямъ болгарскимъ, между тѣмъ какъ конецъ ея напоминаетъ разсказы албанскіе и сказку греческую (стр. 72), развивающую извѣстный мотивъ о перемѣнѣ пола вслѣдствіе проклятія, произносимаго у Грековъ какимъ-то Арапомъ, у Албанцевъ змѣями и у Литовцевъ старухой-вѣдьмой. Содержание литовской сказки „Von der Edelmannstochter, die Soldat wurde“ (стр. 420—423, N 19) передается въ слѣдующемъ порядкѣ:

У одного барина было девять дочерей и ни одного сына. Ему надо было поставить солдата для войска, въ противномъ случаѣ съ нимъ было бы худо. Это его очень огорчало, и онъ, вздыхая и плача, бродилъ по своему двору, не зная, что дѣлать. Одна изъ

¹⁾ Litauische Volkslieder u. Märchen aus dem Preussischen u. dem Russischen Litauen. Gesammelt von A. Leskien u. K. Brugman. Strassburg 1882. Параллели къ сказкамъ съ поразительной начитанностью указаны г. Вольнеромъ.

дочерей его, узнавъ о причинѣ горя отца, вызывается сама идти въ солдаты и настаиваетъ на томъ, чтобы ее отпустили. Послѣ нѣкотораго колебанія, отецъ даетъ ей мужское платье, подрѣзываетъ ей коротко волосы и отправляетъ въ путь. На службѣ дѣвушка вскорѣ получаетъ чинъ офицера, а затѣмъ достигаетъ званія генерала. Дочь короля влюбляется въ молодого генерала и выходитъ за него замужъ. Однако въ первую же ночь она разочаровывается въ своемъ супругѣ и жалуется на него отцу. Этотъ послѣдній, желая избавиться отъ зятя, посылаетъ его къ своему знакомому королю, который обыкновенно уничтожалъ всѣхъ присылаемыхъ къ нему. Дѣвушка-генералъ встрѣчаетъ сперва въ пути человека, прыгавшаго съ дерева на дерево, затѣмъ другого, вырывавшаго дубы съ корнями и, наконецъ, третьяго, охотника, обладавшаго удивительнымъ слухомъ ¹⁾. Всѣхъ трехъ она беретъ съ собой и при ихъ помощи успѣваетъ уйти невредимой отъ страшнаго короля, послѣ того какъ одинъ изъ ея спутниковъ обогналъ королевскаго скорохода, которому путь былъ прегражденъ богатыремъ, нагромоздившимъ цѣлыя кучи дубовъ. Возвращаясь назадъ, они зашли въ какую-то избушку; столъ въ ней былъ заваленъ всевозможными кушаньями и напитками, а хозяевъ не было. Наѣвшись и напившись, спутники наши ушли, но дѣвушка оставила столъ загрязненнымъ. Въ избушкѣ жила вѣдьма. Когда она увидѣла столъ, оскверненный

¹⁾ Въ славянскихъ сказкахъ весьма часто встрѣчаются люди, надѣляемые удивительными качествами, при томъ въ нѣкоторыхъ попадаются точно такіе же личности, какъ и въ разбираемой литовской. Такъ въ сказкѣ у Худякова I, 33, стр. 119 идетъ рѣчь о бѣганьи въ перегонки: Королевская дочь бѣжитъ за водой къ колодцу, кто ее обгонитъ, получить ее въ жены, а оставшій теряетъ голову. Съ ней состоитъ *Ивашка*, взявшій себѣ въ спутники: *Дубыню*, который выворачиваетъ дубы съ корнями; чуднаго *Стрѣлка*, прицѣливавшагося въ лобъ мухи на разстояніи мили; *человѣка*, отъ волосъ котораго распространяется холодъ; другаго, сидѣвшаго на деревѣ и двигавшаго вѣтренику мельницу за 1000 верстъ; еще одного, слышащаго, какъ *растетъ трава* и, наконецъ, *Скоророда*. Подходящіе варианты у Чубинскаго, Труды II, 67, стр. 229: здѣсь нагромождено множество лицъ, изъ нихъ упомянемъ *Верныгора* — опрокидываетъ горы; *Верныдубъ* — вырываетъ деревья; *Вернывода* — высушиваетъ воды. Въ сборникѣ „Narodne pripovjedke skupio u i oko Varaždina Matija Kračmanov Valjavec“. U Varaždinu. 1858, 33, стр. 214 и въ „Národní Pohádky od J. K. z Radostova“. V Praze 1872, I, стр. 215. Худяковъ (ор. cit. 121) указываетъ еще на подходящіе рассказы у бр. Гриммовъ N 71 и 134; у Вольфа стр. 301 и у Менцеля стр. 130.

нечистотами, въ ней пробудилась ярость и она произнесла проклятіе: „если это былъ мужчина, — то пусть превратится въ женщину, а если это была женщина, то пусть станетъ мужчиной“. И дѣйствительно, дѣвушка-генералъ еще въ пути почувствовала себя мужчиной и, вернувшись домой, счастливо начала жить со своей женой.

Такимъ образомъ, наблюдая распространеніе нашего мотива, мы встрѣчаемся съ любопытнымъ явленіемъ такого скрещиванія сказочныхъ сюжетовъ у разныхъ народовъ, которое трудно поддается объясненію. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ сочетаніе звеньевъ въ валашской сказкѣ соотвѣтствуетъ построенію частей итальянской новеллы и съ другой стороны, какимъ путемъ могла произойти та аналогичная послѣдовательность въ расположеніи разныхъ сюжетовъ, какая наблюдается въ сказкѣ литовской и албанской? Не допуская возможности самостоятельнаго комбинированія одинаковымъ образомъ у разныхъ народовъ тѣхъ же самыхъ мотивовъ, нельзя дать какое бы то ни было другое болѣе правдоподобное толкованіе такого совпаденія, которое указываетъ на факты международнаго литературнаго общенія, повидимому, отклоняющіеся отъ пути послѣдовательной передачи сказки изъ народа въ народъ.

Кромѣ только что разобранной сказки у Литовцевъ слышатся слабые отголоски мотива о дѣвушкѣ, идущей на войну, еще въ двухъ пѣсняхъ, первоначально сообщенныхъ Резой ¹⁾. Однако онѣ врядъ-ли относятся къ нашему сюжету, а потому мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ.

Какимъ бы путемъ ни произошло комбинированіе отдѣльных мотивовъ въ упомянутыхъ сказкахъ, до извѣстной степени дающее право подозрѣвать единство источниковъ для отдѣльныхъ группъ сказаній по народностямъ, мы не можемъ не замѣтить, что въ такихъ осложненныхъ произведеніяхъ самостоятельные сюжеты оказываются уже сильно затемненными и передаются съ значительными пробѣлами. Это обстоятельство даетъ основаніе думать, что подобныя рассказы, созданные изъ обломковъ преданій, первоначально существовавшихъ самобытно, возникли въ періодъ сравнительно поздній и процессъ ихъ развитія характеризуется случайнымъ сцепленіемъ подробностей.

¹⁾ Dainos oder Litthauische Volkslieder gesammelt, übersetzt u. mit gegenüberstehendem Urtext herausgegeben von L. J. Rhesa. Königsberg 1825, стр. 126 и 186. Во второмъ изд., исполненномъ Куршатоу (Berlin 1843), пѣсни эти подъ NN 36 и 52. Сборникъ Резы перепечатанъ Nesselmann'омъ: Litthauische Volkslieder. Berlin 1853; въ немъ пѣсни эти подъ NN 355 и 357.

Еъ числу такихъ запутанныхъ произведеній относится киргизская сказка, сообщенная Радловымъ ¹⁾ и носящая названіе „Dudar Kys“. Содержаніе ея слѣдующее:

Жилъ когда-то одинъ богатый человѣкъ, но бездѣтный. Его стада не трогалъ ни волкъ, ни воръ. У него была пестрая лошадь, охранявшая стада. Узнавъ объ этомъ, ханъ пожелалъ достать ее отъ богача, но тотъ отказалъ ему въ этомъ. Тогда ханъ устраиваетъ пиръ у себя на весь міръ, объявляя однако, что тому нѣтъ мѣста на пиру у него, у кого нѣтъ сына, и для того нѣтъ кумыса у него, у кого нѣтъ дочери.

Огорченный богачъ принесъ щедрыя жертвы богамъ, вымаливая у нихъ дѣтей себѣ. Во снѣ онъ получилъ приказаніе убить свою пеструю лошадь, тогда у него родится дочь. Онъ такъ и сдѣлалъ и въ ту же ночь его жена понесла. Дѣвочка заговорила еще во чревѣ матери, отказалась пользоваться услугами бабокъ и не желала явиться на свѣтъ раньше, чѣмъ отецъ далъ ей право свободно располагать собою.

Когда дѣвушка выросла, женихи начали къ ней свататься, однако никто не могъ получить ее, такъ какъ она ставила условіемъ отгадать ея имя, которое не было извѣстно даже родителямъ. Только разъ сказала она матери, что ее зовутъ Dudar Kys.

Однажды во время перекочевки служанка назвала дѣвушку по имени. Это было подслушано волкомъ, пожирившимъ вблизи трупъ, вырытый имъ изъ могилы. Спустя нѣкоторое время онъ, принявъ видъ человѣка, пришелъ свататься за дѣвушку и, отгадавъ ея имя, женился на ней. Готовясь къ отъѣзду, дѣвушка погладила буланого жеребенка, на которомъ были слѣды засохшаго пота, и онъ началъ говорить ²⁾. Онъ открылъ дѣвушкѣ, кто ея женихъ, совѣто-

¹⁾ Radloff, Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens gesammelt u. übersetzt. III. Kirgisische Mundarten. St. P. 1870. N 7, стр. 372—387.

²⁾ По киргизской сказкѣ не понятно, какая связь между убійствомъ пестрой лошади богача и беременностью его жены, а затѣмъ и чуднымъ рожденіемъ дочери. Далѣе совершенно страннымъ оказывается превращеніе обыкновеннаго буланого жеребенка въ знаменитаго *конька-горбушка* русск. сказокъ (параллели къ нему: Romania, V, 1876 — Emmanuel Cosquin, Contes populaires Lorrains, стр. 94—107, III; v. Hahn N 37; Schiefner, Аварскія сказки, примѣч. Келера къ N 3; Radloff, IV, стр. 373; бр. Grimm, N 29, Schott, N 17) отъ одного лишь глаженія его дѣвушкой. Съ большою вѣроятностью можно видѣть во всемъ началъ киргизской сказки лишь затѣмнѣніе чрезвычайно распространеннаго международнаго преданія о чудномъ зачатіи вслѣдствіе употребленія извѣстной

валъ не брать ничего изъ отповскихъ богатствъ, а взять лишь отповскій лукъ и стрѣлы, черную дѣвку, его конька и черного верблюда.

Получивъ все это, дѣвушка отправилась въ путь со своимъ женихомъ. Въ дорогѣ онъ, превратившись волкомъ, сожралъ верблюда и служанку. У него въ домѣ была уже другая жена, — она сидѣла возлѣ постели, на которой спалъ мужъ ея. Онъ спалъ семь дней и семь ночей. Въ это время дѣвушка, взявъ свой лукъ и стрѣлы, сѣла на своего конька и онъ несъ ее три дня и три ночи. Въ степи она встрѣтила юношу, Тѣстюкъ богатыря, сдѣлалась его названнымъ братомъ и пришла въ его домъ; тамъ мать его догадывается, что это дѣвушка.

Не придавая этому значенія, оба названные братья на слѣдующій день отправляются на охоту. Какой-то человекъ сообщаетъ имъ, что царь даетъ пиръ- и предлагаетъ руку своей дочери тому, кто сострѣлитъ кольцо, прикрѣпленное къ вершинѣ тополя.

Dudar-Kys исполняетъ трудную задачу, женится на царевнѣ и увозитъ ее къ себѣ, въ домъ названнаго своего брата, сопровождаемая младшимъ шуриномъ. Вскорѣ сообщаетъ ему сестра, что ея мужъ такая же дѣвушка, какъ и она сама. По мысли конька устраивается состязаніе въ верховой ѣздѣ между братомъ царевны и Dudar Kys. Послѣдняя далеко умчалась впередъ, застрѣлила Kulap'a и вырѣзала у него мякоть. Затѣмъ пошли купаться въ озерѣ. Какъ та, такъ и другой вполнѣ раздѣлись. Съ помощью незамѣтно взятой части Кулана Dudar Kys убѣдила своего шурина,

пищи или фрукта. При этомъ одновременно съ героемъ появляются на свѣтъ и его необыкновенные спутники: или конь, или собака, или же ихъ нѣсколько. Такъ въ греческой сказкѣ (Hahn, N 6, стр. 90) говорится: у королевы не было дѣтей, она получила яблоко, сѣла его, а шелуху бросила въ конюшню, гдѣ ее сѣла кобылица. Королева родила сына, кобылица принесла жеребенка. Такимъ путемъ одновременно появляется герой и его чудный конь. Въ тирольской сказкѣ (Zingerle, Kinder- und Haus-märchen. Innsbruck. 1852, N 25) повѣствуется то же, что и въ киргизской, примѣнительно только къ иной обстановкѣ: Однажды на берегу озера жилъ рыбакъ. У него была прекрасная жена и довольно денегъ, но не было дѣтей, что его очень огорчало. Наконецъ, онъ поймалъ огромную рыбу и раздѣлилъ ее на три части: голову сѣла сука и принесла трехъ щенковъ, середину скушала жена его и родила трехъ мальчиковъ, внутренности какъ то достались кобылицѣ, и она принесла трехъ жеребятъ, хвостъ зарыли въ землю, и тамъ выросли три явора. Многочисленные изводы этого преданія указаны г. Вольнеромъ: *Litauische Volkslieder u. Märchen v. Leskien u. Brugman*, стр. 546 и сл.

будто она муштина, и тотъ черезъ три дня уѣхалъ обратно въ свой домъ.

По совѣту своей лошади Dudar Kys открывается своему побратиму, Тѣстюкъ-богатырю, показывая ему грудь и волосы, и затѣмъ дѣлается его женою. Здѣсь оканчивается нашъ мотивъ и разскащикъ переходитъ къ другому, входящему въ составъ сказаній о преслѣдуемой невѣсткѣ или о *Fanciulla perseguitata*, при чемъ не безынтересно отмѣтить, что составные элементы киргизской сказки сѣплены почти въ томъ же порядкѣ, какъ и въ тосканской новеллѣ „Il Drago“ (стр. 108), а сверхъ того она чрезвычайно похожа на валахскую сказку, которая однако свѣжѣ киргизской.

Тѣстюкъ-богатырь отправляется на войну, покидая дома беременную жену. Въ его отсутствіи у нея рождается сынъ съ золотой головой и серебрянымъ задомъ, о чемъ мать Тѣстюка-богатыря сообщаетъ ему въ письмѣ. Въ пути гонецъ попадаетъ въ домъ перваго мужа Dudar Kys, волка. Мать послѣдняго на обратномъ пути подмѣниваетъ у посланца письмо, приказывая, какъ бы отъ имени Тѣстюкъ-богатыря, сжечь Dudar Kys вмѣстѣ съ сыномъ. Лошадка, хотя и уведенная Тѣстюкъ-богатыремъ на войну, является на выручку своей госпожѣ и уноситъ ее. Ихъ преслѣдуетъ вѣдьма, мать волка. Dudar Kys бросила гребень, превратившійся въ густой лѣсъ, затѣмъ зеркало, сдѣлавшееся огромнымъ озеромъ, однако вѣдьма все-таки настигла ихъ, ножомъ убила лошадку, но и сама погибла отъ ея копыта. Впослѣдствіи Тѣстюкъ-богатырь отыскиваетъ свою жену.

Очевидно, что киргизская сказка сплетена изъ множества отдѣльных мотивовъ, взятыхъ не въ ихъ первоначальной свѣжести и простотѣ, но притянутыхъ изъ странствующихъ разсказовъ, запутанныхъ уже и поблекшихъ. Сведенныя вмѣстѣ разнородныя звенья спаяны здѣсь не логично, мотивировка отдѣльныхъ частей дѣйствія слаба, нѣкоторые лица выходятъ на сцену неожиданно, другія напротивъ того исчезаютъ безпричинно, обнаруживая тѣмъ затѣмненіе первоначальнаго смысла независимыхъ мотивовъ, въ которыхъ прежде каждый моментъ дѣйствія вызывалъ собою и обусловливалъ дальнѣйшее движеніе разсказа.

Другая восточная сказка, въ которой замѣчаются отзвуки нашего мотива, также находится въ сборникѣ Радлова ¹⁾ и принадлежить алтайскимъ Татарамъ. Содержаніе ея таково:

¹⁾ Radloff, Proben der Volksliteratur der Türk. St. Süd-Sibiriens. I: Die Dialecte des eigentlichen Altai: Der Altajer und Teleuten, Lebed-Tataren, Schoren und Sojonen. St.-Petersburg 1866. N 2, стр. 12—23: Altain Sain Salam (Altai an der Katunja).

Жили старикъ со старухой; у нихъ были сынъ и дочь. Послѣ смерти родителей дѣти остались въ нищетѣ. Братъ сдѣлалъ себѣ стрѣлы и лукъ и стрѣлялъ дичь, сестра пряла пеньку. Однажды юноша нашелъ въ лѣсу рыжаго коня, по имени Айкымъ Сайкымъ, осѣдланнаго, и при немъ лукъ и стрѣлы. Взявъ все это, онъ успѣшнѣе началъ охотиться и привозилъ дичь домой. Разъ какъ то на охотѣ конь упалъ, убилъ юношу и одинъ примчался домой. Дѣвушка сѣла въ сѣдло и прибыла къ мѣсту, гдѣ лежалъ мертвый братъ. Она долго плакала и обратясь къ скалѣ сказала: „разступись скала, я хочу похоронить въ тебѣ моего единственнаго брата“. Такъ и случилось. Затѣмъ дѣвушка прицѣпила себѣ косу брата, одѣлась въ шестирядную шубу и направилась къ Кюнъ-Хану. Можно думать, что это было зимой, между тѣмъ слѣдующій стихъ говорить: *Der Erde Staub stieg zum Himmel auf, Und des Himmels Staub fiel zur Erde nieder.*

Она долго ѣхала, и лѣто, и зиму. Наконецъ, увидѣла толпу юношей, стрѣлявшихъ въ цѣль. Тутъ, несомнѣнно, произошло также затемнѣніе разсказа, необъясняющаго причины этой стрѣльбы. Именемъ брата, Алтаинъ-Сайнъ-Салама, дѣвушка, повидимому, зачаровываетъ лукъ, попадаетъ въ цѣль и, надо полагать, за эту удачу получаетъ право на руку дочери Кюнъ-Хана.

Внѣ всякаго сомнѣнія, алтайская сказка забыла въ данномъ случаѣ сущность разсказа.

Однако дѣвушка не беретъ съ собою добытую дѣвушку, но направляется далѣе и продѣлываетъ тоже самое у Ай-Хана, употребляя при стрѣльбѣ извѣстный въ заговорахъ оборотъ: „не я стрѣляю, стрѣляетъ Алтаинъ-Сайнъ-Салама“. Отъ Ай-Хана она получаетъ въ жены среднюю дочь, вмѣстѣ съ нею по пути заѣзжаетъ къ Кюнъ-Хану и беретъ у него добытую уже раньше, тоже среднюю дочь. Обѣихъ ихъ она привозитъ въ свою юрту, и скоро тѣ замѣчаютъ, что мужъ ихъ по виду мушина, но по характеру и привычкамъ женщина. Получивъ отъ мужа коней, онѣ уѣхали къ себѣ.

Тогда дѣвушка направилась къ могилѣ брата. Съ плачемъ она приказала скалѣ разступиться, взяла тѣло брата и принесла въ свой домъ. На ладонѣ трупа она сдѣлала бѣлую надпись, заявляя, что добыла въ жены брату двухъ среднихъ дочерей двухъ хановъ и что сама она превращается въ бѣлаго зайца, который будетъ жить въ прибрежныхъ кустахъ.

Добытыя въ жены дѣвушки возвращаются затѣмъ назадъ. Онѣ зовутъ Алтаинъ-Сайнъ-Салама и, не получая отвѣта, входятъ въ домъ, гдѣ находятъ лишь трупъ. Первая изъ нихъ плачетъ и говоритъ, что никто изъ живущихъ еще не открывалъ спереди ея платья, только черный вѣтеръ распахивалъ его. Съ этими словами

она переступаетъ черезъ мертвеца, и тотъ пошевелился немного. Когда тоже самое продѣлала вторая изъ женъ, Алтаинъ-Санинъ-Саламъ совершенно ожилъ и попросилъ умыться. Тутъ онъ замѣтилъ на ладонѣ надпись, сдѣланную сестрой, и вскорѣ поймалъ бѣлаго зайца. Но жены его, не зная секрета, убили зайца. Тогда Алтаинъ-Санинъ-Саламъ положилъ трупъ зайца въ ящикъ, сдѣлалъ надпись и пустилъ въ море. Ящикъ приплылъ въ страну Кюнъ-Хана, докторъ котораго воскресилъ зайца, и изъ него сдѣлалась дѣвушка, сестра Алтаинъ-Санинъ-Салама. Спустя нѣкоторое время, братья съ сестрой встрѣтились.

Если въ киргизской сказкѣ мотивъ о дѣвущкѣ-воинѣ и объ испытаніяхъ, какимъ она подвергается, сохраненъ до такой степени, что представляется возможнымъ сближать ее со сказками валашской и итальянской, то вариантъ, записанный у катунскихъ Татаръ, въ такой мѣрѣ преобразовалъ основы рассказа и настолько стеръ его характерныя черты, что безусловно нельзя сопоставить его ни съ одной изъ извѣстныхъ намъ группъ нашей фавулы. Родство татарскаго рассказа съ европейскими такъ слабо, что не было бы ошибкой считать его принадлежащимъ къ другой группѣ повѣствованій, чѣмъ та, въ которую входятъ пѣсни о дѣвущкѣ-воинѣ. Въ фавулѣ объ этой послѣдней нѣтъ мотива о добываніи невѣсты. Если въ нѣкоторыхъ осложненныхъ сказкахъ дѣвушка-воинъ и добываетъ невѣсту для другаго, то этотъ сюжетъ притягивается со стороны совершенно произвольно, не входя существеннымъ элементомъ въ наше преданіе, но составляя самостоятельный кругъ сказаній.

Татарская сказка, по нашему мнѣнію, и относится къ циклу сказаній о добываніи невѣсты, образуя однако настолько сильное отклоненіе отъ нормальнаго типа, что мы склонны признать ее характернымъ выраженіемъ духа татарской жизни, или быта того народа, который ее создалъ первоначально. Нѣтъ ничего выходящаго изъ ряду обыкновенныхъ явленій въ жизни охотничьихъ народовъ, если дѣвушка ловко ѣздитъ верхомъ и мѣтко стрѣляетъ изъ лука. Но сущность не въ этомъ. Центръ тяжести всего рассказа покоится въ идеѣ возможности воскресить умершаго. Лишь для этого дѣвушка добываетъ двухъ женъ для умершаго брата, которыя и воскрешаютъ его, подобно тому какъ докторъ оживляетъ впослѣдствіи самую дѣвushку, убитую подъ видомъ зайца. Такимъ образомъ все дѣйствіе въ татарской сказкѣ направлено къ тому, чтобы возвратить жизнь убитому брату. Объ рассказѣ про дѣвushку-воинна можетъ напомнить лишь одинъ моментъ въ татарской сказкѣ: это, когда сестра Алтаинъ-Санинъ-Салама временно считается мужемъ добытыхъ для брата дѣвицъ. Но и въ этомъ случаѣ сходство поло-

женія дѣйствующихъ лицъ, могшее возникнуть независимымъ образомъ, по самой простой необходимости, до такой степени отдаленно, что мы не рѣшаемся сблизить татарскую сказку, поставленную г. Стасовымъ ¹⁾ краеугольнымъ камнемъ всего зданія, съ выше изложенной версіей киргизской, находящейся въ несомнѣнной связи съ традиціей европейской, но неудостовѣвшейся вниманія нашего ученаго.

Оставляя въ сторонѣ вариантъ татарскій, какъ не входящій въ группу разсказовъ про дѣвушку-воина, мы считаемъ самымъ восточнымъ отзвукомъ нашей фабулы киргизскую сказку, хотя въ ней основы нашего повѣствованія смѣшаны, звенья его сохранены не всѣ, тѣмъ не менѣе она стоитъ въ очевидномъ родствѣ съ такими же изводами русскими, которые однако по своей полнотѣ, законченности и географическому положенію между южно-славянскими землями, откуда шелъ разсказъ, и востокомъ, гдѣ онъ, наконецъ, замеръ, могутъ считаться оригиналами для азіатскихъ, какъ киргизскій, уже извѣстный, и татарскіе, которые могутъ быть открыты ²⁾.

Къ числу такихъ русскихъ произведеній принадлежитъ сказка, записанная въ Казанской губерніи Худяковымъ ³⁾. Въ ней мотивъ нашъ излагается въ такомъ порядкѣ:

Одному старику приходитъ указъ идти въ солдаты. Старшая дочь его, не смотря на отговоры, собирается идти вмѣсто него. Въ пути однако попадаетъ ей на встрѣчу заяцъ и она возвращается домой. Вторая дочь пугается въ дорогѣ волка и тоже поворачиваетъ назадъ. Но третья не устрашилась даже и медвѣдя, отстрѣлила у него большой палецъ на ногѣ и спрятала его въ карманъ. Это былъ ея отецъ, желавшій подъ видомъ зайца, волка и медвѣдя испугать своихъ дочерей. Затѣмъ дѣвушка служитъ нѣсколько лѣтъ въ солдатахъ и никто не узнаетъ ее. Однажды на квартирѣ хозяйка обращаетъ вниманіе одного солдата на дѣвушку и тотъ, желая узнать, дѣйствительно ли его сослуживецъ дѣвушка, подвергаетъ ее испытаніямъ. Такъ они ложатся спать на свѣже скошенномъ сѣ-

¹⁾ В. Стасовъ, Происхожденіе русскихъ былинъ. Вѣстн. Евр. 1868, II, стр. 688—696.

²⁾ Mongolische Märchen. Erzählungen aus der Sammlung Ardschi-Bordschi. Ein Seitenstück zum Gottesgericht in Tristan u. Isolde. В. Julg. Innsbruck 1867. Юльгъ раздѣляетъ мнѣніе (стр. 9), что разсказъ шелъ съ запада на востокъ и заимствованъ Монголами у Европейцевъ. Воѣна Нѣмсова, Опт. cit. VI. 312—328. 1862. Benfey, Panssch. I, XXII.

³⁾ Худяковъ, Великорусскія сказки, 1860. М. II, 60, стр. 81.

нѣ съ той примѣтой, что подѣ мушиной оно останется зеленымъ, а подѣ женщиной почернѣетъ (см. Nahn I, 10, стр. 116). Дѣвушка рано утромъ переворачиваетъ сѣно другой стороной. Послѣ этого они идутъ купаться. Однако дѣвушка и тутъ увертывается, по-славъ солдата назадъ принести забытое мыло.

Затѣмъ они расстаются. Дѣвушка уходитъ къ отцу и рассказываетъ ему свои приключенія, но солдатъ слѣдуетъ за нею подѣ видомъ кошки. Узнавъ, что она дѣвушка, онъ похищаетъ ее. При переходѣ черезъ рѣку она бросаетъ въ воду свой перстень, говоря, что сдѣлается его женою лишь тогда, когда перстень обросетъ травой. Солдатъ все таки уводитъ дѣвушку къ своей матери, которая даетъ ей опасныя порученія: такъ она заставляетъ ее стричь волковъ, доить медвѣдицъ, принести отъ вѣдьмы бердочко (Tottenhand? у Вольнера). Наконецъ дѣвушка идетъ съ солдатомъ удить рыбу и вытаскиваетъ изъ рѣки свое кольцо, обросшее травой. Съ той поры они жили счастливо.

Въ малорусской сказкѣ, помѣщенной у Чубинскаго ¹⁾, мотивъ о дѣвущинѣ воинѣ едва уже замѣтенъ, какъ и въ малорусскихъ пѣсняхъ выше разобранныхъ (90 — 91). Здѣсь онъ служитъ лишь вступленіемъ для развитія иного содержанія, которое состоитъ въ слѣдующемъ:

Дочь козака идетъ на войну вмѣсто отца и обращаетъ на себя вниманіе своей храбростію. Одинъ офицеръ бьется объ закладъ съ другимъ, утверждая, что это дѣвушка, и обѣщается украсть ее при посредствѣ голубей, съ тѣмъ чтобы убѣдиться въ правотѣ своихъ словъ. По окончаніи войны дѣвушка возвращается домой и въ одну ночь, когда она спала въ саду, ее уносятъ вмѣстѣ съ постелью голуби офицера. Она пробудилась лишь тогда только, когда голуби летѣли надъ моремъ. Узнавъ отъ нихъ, что съ нею случилось, она бросаетъ въ море перстень, заявляя, что не раньше начнетъ говорить съ мужемъ и его родителями, какъ опять увидитъ свой перстень. Хотя она сдѣлалась женой офицера, но оставалась нѣмой, какъ ни старались заставить ее говорить. Такъ ее посылаютъ къ мертвецамъ принести мертвую руку. Затѣмъ она находитъ свое кольцо внутри щуки и начинаетъ говорить. Когда однажды мужъ, лаская, называетъ ее голубкой, она превращается въ голубку и улетаетъ домой. Мужъ ея беретъ шапку невидимку и пускается въ путь отыскивать ее, и черезъ нѣкоторое время находитъ ее въ кругу женщинъ въ одной корчмѣ въ тотъ моментъ, когда она сама высказала желаніе видѣть своего мужа.

¹⁾ Чубинскій, Труды Этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-русскій край. II, 25, стр. 92.

Съ гораздо большей свѣжестью и полноою мотивъ нашъ удержался въ великорусской сказкѣ, находящейся у Аванасьева ¹⁾, хотя въ ней дѣйствіе поставлено въ иную обстановку, тѣмъ не менѣе подробности, касающіяся испытанія пола, переданы здѣсь настолько точно, что она безъ всякаго сомнѣнія занимаетъ срединное положеніе между вариантами южно-славянскими и восточными, какъ приведенный у Худякова русскій и у Радлова киргизскій. Въ ней повѣствуется слѣдующее:

Царь Бархатъ встрѣчаетъ разъ на охотѣ юношу и узнаетъ отъ своего слуги, что это не юноша, но дѣвушка Василиса, дочь попа Василя, которая одѣвается и ведетъ образъ жизни подобно мужинѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, царь трижды приглашаетъ Василису къ себѣ и по совѣту одной старухи подвергаетъ ее тремъ испытаніямъ.

Въ первый разъ онъ подводитъ ее къ столу въ комнатѣ, гдѣ стояли пяльцы. Вмѣсто того, чтобы схватиться за нихъ, она осмѣиваетъ царя за то, что въ его дворцѣ есть такія вещи. Потомъ ей подають кашу, въ которую были положены драгоценные камни. Она выплевываетъ подъ столъ кашу и камни и издѣвается надъ царемъ за его пристрастіе къ женскимъ бездѣлушкамъ, простирающееся до того, что онѣ попадаютъ даже въ кушанья. Въ третій разъ царь приглашаетъ ее съ собой въ баню. Старуха сказала ему, будто дѣвушка не пойдетъ вмѣстѣ съ нимъ въ баню. Однако она съ радостью пошла и туда, и пока царь раздѣвался въ предбанникѣ, она успѣла уже вымыться. Послѣ этого она пишетъ письмо, которое слуга долженъ передать царю, когда тотъ выйдетъ изъ бани. Въ письмѣ она смѣется надъ царемъ, позволившимъ перехитрить себя женщинѣ и заявляетъ, что она вовсе не Василій Васильевичъ, но Василиса Васильевна.

Этимъ вариантомъ исчерпывается матеріалъ нашей традиціи, спорадически отразившейся у многихъ народовъ. Такимъ выраженіемъ мы обобщаемъ тѣ изъ сказаній о дѣвущкѣ-воинѣ, которыя трудно поставить въ генетическую связь со сродными произведеніями другихъ племенъ. Однако только что приведенный великорусскій вариантъ не возбуждаетъ никакого сомнѣнія касательно своего происхожденія. Онъ съ одной стороны очень тѣсно связанъ съ южно-славянскими изводами нашей традиціи, съ другой близко примыкаетъ къ былинѣ о Ставрѣ Годиновичѣ, къ изученію которой мы теперь непосредственно и переходимъ.

¹⁾ Аванасьевъ, Народныя рус. сказки. Москва 1863. I, 7, стр. 53.

IX.

Былины о Ставрѣ Годиновичѣ.

Если съ одной стороны необычайно обширное накопление матеріаловъ по народной словесности даетъ возможность въ наше время прослѣдить за переходомъ сказочныхъ сюжетовъ отъ одного народа къ другому, имѣвшимъ мѣсто въ такихъ размѣрахъ, что позволительно думать, будто рассказы, существующіе исключительно у извѣстныхъ народовъ, или не важны по своему содержанію, или же принадлежать позднѣйшему времени ¹⁾, то съ другой стороны ближайшее знакомство съ бытомъ разныхъ народовъ, иногда чрезвычайно отдаленныхъ другъ отъ друга, и подробное изученіе строя жизни некультурныхъ племенъ, которыми такъ много занимается современная антропология, позволяютъ принимать въ большихъ предѣлахъ, чѣмъ прежде, возможность самостоятельнаго возникновенія совершенно схожихъ устныхъ преданій ²⁾.

По меньшей мѣрѣ необходимо допустить независимое возникновеніе у различныхъ народовъ простѣйшихъ сюжетовъ, послужившихъ въ послѣдствіи почвой, на которой прикрѣпляется заимствованный со стороны мотивъ, связываемый какой либо общей чертой съ мѣстной традиціей.

Главными творцами и хранителями народной поэзіи во времена отдаленныя были женщины: въ ихъ рукахъ сосредоточивалась вся

¹⁾ G. Paris, *Romania I*, стр. 258. Однако трудно да и не къ чему допустить вліяніе народнаго *тоническаго* стихосложенія на таковое же германское и славянское, о чемъ говорить французскій ученый: въ *La poésie du Moyen âge*. Paris 1885, стр. 61—62.

²⁾ K. Müllenhof, *Deutsche Alterthumskunde I*, 1870, стр. 43—44. Знаменитый германистъ говоритъ: „Wo man übereinstimmende sagen bei verschiedenen völkern findet, ist man immer geneigt entweder entlehnung oder urgemeinschaft anzunehmen, ohne ein drittes, die möglichkeit gleicher und übereinstimmender erfindung in anschlag zu bringen. Gleiche ursachen und umstände haben auch dieselbe wirkung und gleiche oder doch sehr übereinstimmende sagen können überall entstehen, wo die bedingungen in der umgebenden natur und im wesen und leben der menschen dafür zusammentreffen“.

мудрость первобытнаго человѣка, тайны природы и таинство религій, онѣ были жрицами и докторами — *mulieres medicae* ¹⁾; онѣ произносили заклятія и убаюкивали колыбельной пѣсней дѣтей ²⁾, которыя отъ нихъ же учились материнскому языку.

Уже древними Греками была замѣчена способность женщинъ удерживать въ памяти и рассказывать разныя исторіи и сказки про чудовищъ, которыми онѣ часто стращали дѣтей ³⁾. Противъ такого непедагогическаго примѣненія нянями сказочнаго матеріала вооружались Платонъ и Плутархъ, не предполагая, конечно, такого типа, какъ классическая няня Пушкина.

Въ виду подобнаго отношенія женщинъ къ поэзій нисколько не удивительно, если Рыбниковъ замѣтилъ, будто у Олонецкихъ обитательницъ есть свои „бабы старины“, которыя поются ими съ особенною любовью, а мужчинами не такъ то охотно. Къ такимъ старинамъ и принадлежатъ между прочимъ былины про Ставра Годиновича, интересныя для женщинъ потому, что въ нихъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является также женщина.

Гильфердингъ ⁴⁾ тоже не отрицаетъ, что въ Пріонежьи спеціально „бабимъ богатыремъ“ оказывается Ставръ, хотя въ другихъ мѣстностяхъ про него поютъ и мужчины. По его мнѣнію, мѣстными условіями этого далекаго края объясняется также и то обстоятельство, что рядомъ съ богатыремъ мужчиною выводится образъ богатыря женщины или *полянницы*. Каждый крестьянинъ въ сѣверной части Олонецкой губерніи прямо заявляетъ, что въ старину богатырскіе подвиги совершали одинаково и мужчины, и женщины: первые назывались богатырями, вторыя *полянницами*. Фактъ этотъ чрезвычайно важенъ для настоящей оцѣнки народной традиціи, сохранившей въ живомъ представленіи народа воспоминанія о явленіяхъ, нѣкогда имѣвшихъ мѣсто въ дѣйствительномъ быту. Типъ поляницы воинственной и есть та чисто народная почва, на которой принялось чужеземное преданіе объ освобожденіи мужа женою, какъ это рассказывается въ былинахъ про Ставра.

Уже раньше было указано на связь слова „полянница“ съ бы-

¹⁾ Bachofen, Das Mutterrecht. Stuttgart 1861, стр. 296. 347. 356. 358.

²⁾ Н. Ploss, Das Kind in Brauch und Sitte der Völker. Anthropologische Studien. Berlin 1882^u, т. 2-й, стр. 128—141: Wiegen und Schlummerlieder.

³⁾ Hermann-Blümner, Lehrbuch der Griechischen Privatalterthümer. Freiburg und Tübingen 1882, стр. 290.

⁴⁾ А. Гильфердингъ, Олонецкая губернія и ея народные рапсоды. Вѣстн. Евр. 1872, III, стр. 96 и сл.

линымъ выраженіемъ „поляковать“ ¹⁾, при чемъ корнемъ для послѣдняго служить „поле“. Отъ него въ прямомъ смыслѣ, дѣйствительно, и происходитъ названіе мѣстности „Poljanitzza Planina“, лежащей на пути изъ Лѣковаца въ Вранью ²⁾. Точно такимъ же образомъ могло образоваться слово „полянница“ — охотница, или воинъ — отъ „поле“, понимаемаго въ томъ смыслѣ, въ какомъ принималось это выраженіе въ древней Руси, когда присуждали кому нибудь поле, т. е. поединокъ, состязаніе. Еще яснѣе возможность такого производства представляется намъ, если сравнимъ употребленіе слова „pole“ въ чешскомъ языкѣ. Такъ Далимилъ говоритъ: „Když císař Albrecht pole proti Čechům v Německu sbíral . . .“ ³⁾. Здѣсь „поле“ означаетъ войско; отсюда наши „полянникъ“, „полоникъ“, „полянница“ ⁴⁾, соотвѣтствующія по смыслу чешскому „pole“ — vojsko, valka, vojna — ⁵⁾, древнерусскому „поле“ — поединокъ — и связывающіяся при посредствѣ былиннаго „поляковать“ съ польскимъ *polować* ⁶⁾ — охотиться, полевать.

Такимъ образомъ понятіе „полянница воинственная“, сохранившееся въ лѣсахъ глухаго сѣвера, переноситъ насъ въ иную обстановку, въ степи южной Руси, какими онѣ были въ періодъ глубокой древности съ народонаселеніемъ быта охотничьяго и воинственнаго.

Переживанія отдаленнаго прошлаго довольно часто находятъ отзвукъ въ поэзіи народа ⁷⁾. Черта воинственности, нѣкогда прису-

¹⁾ Русскій Филолог. Вѣст. I. 129. 1879 г.

²⁾ Hahn, Reise von Belgrad nach Salonik. Wien 1868, стр. 73: „Poljanitzza Planina, welcher Name nicht nur ein Gebirge, sondern auch einen aus zwölf bulgarischen Dörfern bestehenden Bezirk bezeichnet“.

³⁾ Dalimilova Chronika Česká. V Praze 1874, съ примѣч. Jan'a Orth'a, стр. 192—193, прим. 13—16; глава 106.

⁴⁾ М. Халанскій, Великорусскія былины Кіевского цикла. Русск. Фил. Вѣст. 1884. III, стр. 158. Въ отдѣльн. изд. Варшава 1885, стр. 23—24.

⁵⁾ Fr. Kott, Česko-německý slovník. Подъ словомъ pole (714).

⁶⁾ Linde, Słownik języka polskiego. Lwów, 1858.

⁷⁾ Такъ былина о Потокѣ-богатырѣ сохранила въ народной традиціи воспоминаніе о бытовомъ явленіи, о которомъ свидѣлствуетъ арабскій писатель Ибнъ-Доста (около 900 г.): А. Котляревскій, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ. М. 1868, стр. 55. 59. 60. О томъ же говоритъ Hieronymus (Contra Iovinianum I, 2, с. 6): Scythae eos qui a defunctis amati sunt, vivos infondunt cum ossibus mortuorum; мѣсто это заимствовано изъ Euseb. Praep. Evang. I, 4, 7: Felix Lie-

шая русской женщины, точно также какъ и германской ¹⁾, по временамъ проявляется въ позднѣйшей поэзіи. Такъ Костомаровъ ²⁾ обратилъ вниманіе на то, какъ русское молодечество, высказывающееся въ образѣ добраго молодца, *переходитъ и на дѣвицу*. „Дѣвицы хоровада представляются воинственными: онѣ идутъ по городу и несутъ на плечахъ ружья, генералъ какъ увидѣлъ ихъ, то пожалѣлъ о томъ, что раньше женился на барышнѣ, а то могъ бы взять себѣ въ жены одну изъ такихъ воиновъ въ юпкахъ“. Костомаровъ усматриваетъ здѣсь черты далекой старины.

Подобную же черту въ современномъ крестьянскомъ быту отмѣчаетъ и Е. Барсовъ ³⁾. Вовсе не рѣдкость, говоритъ онъ, встрѣтить среди крестьянъ, когда мужъ и жена соперничаютъ въ томъ, кто кого переборетъ, или кто кого перетянетъ и т. п. При этомъ онъ приводитъ слѣдующую пѣсню:

„Вдоль по травкѣ	Парню выходила,
Вдоль по муравкѣ	А дѣвица молодцу
Тамъ ходилъ-гулялъ молодчикъ.	Парню говорила:
Молодецъ удалый	Не хвалися, молодецъ,
Кличетъ выкликаетъ	Самъ ты собою,
Брасную дѣвицу:	Самъ ты собою,
Выйди, выйди, дѣвица,	Силою своею!
Со мной парнемъ поборотися!	А дѣвица молодца
А дѣвица къ молодцу	Парня поборола“.

Въ другомъ своемъ сочиненіи Костомаровъ ⁴⁾, изображая новгородскіе нравы и выясняя явленія древней общественной жизни, касается извѣстной пѣсни про Василя Буслаевича. Когда этотъ послѣдній былъ запертъ матерью „въ погребѣ глубоке“, дружина его осталась безъ атамана, и противники стали одолевать ее. Въ то

brecht, Zur Volkskunde, стр. 380—81 приводитъ параллели изъ обычаевъ и преданій другихъ народовъ.

¹⁾ К. Müllenhoff, Nordalbingische Studien, II. 1844: Wälkungen, 210—222. Въ древнѣйшемъ памятникѣ нѣмецкой литературы, во второй формулѣ извѣстныхъ Мерзебургскихъ заклинаній Валькирія сражаются, связываютъ враговъ и освобождаютъ плѣнныхъ. Указывается „Stamm der Heldenjungfrau“ у Вельсунговъ: Rassmann, Deutsche Heldensage I, стр. 59. 1863².

²⁾ Великорусская народная пѣсенная поэзія. По вновь изданнымъ матеріаламъ. Вѣст. Евр. 1872. VI.

³⁾ Критическія замѣтки объ историческомъ и художественномъ значеніи „Слова о Полку Игоревѣ“. Вѣст. Евр. 1872. II.

⁴⁾ Сѣвернорусскія народоправства во время удѣльно-вѣчеваго уклада. Спб. 1863, т. II, стр. 125 и сл.

время дѣвушка-чернавушка шла къ Волхову и видѣла, какъ мужики новгородскіе осиливали Васильевыхъ побратенниковъ. Они подбѣжали къ ней и стали говорить:

„Гой еси ты дѣвушка-чернавушка!
Не подай насъ у дѣла ратнаго,
 У того часа смертнаго“.

Мужики-противники, завидя ее, бросились на нее;

„И тутъ дѣвушка-чернавушка
 Бросила она ведро кленовое,
 Брала коромысло кипарисово;
 Коромысломъ тѣмъ стала она помахивать
 По тѣмъ мужикамъ новгородскимъ“.

„Какъ ни эниченъ кажется этотъ образъ героини, замѣчаетъ Костомаровъ (стр. 136), но онъ не совсѣмъ лишенъ исторической дѣйствительности. Въ новгородскихъ женщинахъ была мужественность; въ судѣ, когда дѣло доходило до поля, *жонка съ жонкой становилась на бой* — дѣло было обычное и законное. Не мудрено, если и дѣвушка-чернавушка изъ Буслаева дома богатырски отмахивалась отъ мужиковъ“.

Интересно прослѣдить дальнѣйшій ходъ пѣсни:

„И тутъ дѣвушка запыхалася,
 Побѣжала къ Василию Буслаеву:
Срывала замки булатные,
Отворяла двери желѣзные“.

Такимъ образомъ дѣвушка-чернавушка сама освобождаетъ Василия Буслаевича изъ „погребовъ глубокихъ“.

Итакъ въ новгородской пѣсенной поэзіи мы открываемъ два основныхъ звена нашего мотива: а) *богатырь сидитъ въ погребѣхъ глубокихъ* и б) *оттуда освобождаетъ его дѣвушка* съ чертами, приближающими ее къ типу поляницы. Это обстоятельство до извѣстной степени объясняетъ, почему имя новгородскаго сотскаго Ставра привязалось къ принесенному на Русь сказанію объ освобожденіи мужа женой. Есть полное основаніе раздѣлять мнѣніе, будто былинный богатырь Ставръ Годиновичъ получилъ свое имя отъ новгородскаго сотскаго Ставра, навлекшаго на себя гнѣвъ Владиміра Мономаха и заточеннаго имъ въ погребъ (Новгор. лѣт. подъ 1118 годомъ). По всей вѣроятности, въ Новгородѣ непосредственно вслѣдъ за самымъ событіемъ сложилась пѣсенка про Ставра-сотскаго, сидящаго въ погребѣхъ глубокихъ. Намъ неизвѣстно, было ли на самомъ дѣлѣ какое-либо насильственное освобожденіе Ставра изъ темницы, но несомнѣнно, что сказочный или пѣсенный типъ воинственной дѣвушки былъ уже разработанъ народнымъ творчествомъ, которое съ одной стороны отразило его въ пѣснѣ

про Василя Буслаевича, съ другой слило съ зашедшимъ со стороны разбираемымъ нами сюжетомъ, при чемъ закрѣпило навсегда за героемъ послѣдняго имя Ставра. Съ этой точки зрѣнія вполне основательнымъ оказывается домысль г. Халанскаго, по которому допускается распространѣнiе одинаковыхъ поэтическихъ образовъ уже въ XII ст. какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Руси, нисколько не устраняющее возможности позднѣйшаго перенесенiя поэтического матеріала съ юга на сѣверъ.

Нѣкоторыя черты обще-славянскихъ народныхъ сказанiй можно усматривать и въ болѣе глубокой древности. Такъ скинское повѣрье, приводимое Геродотомъ (IV, 5—7), указываетъ на существованiе уже въ V в. до Р. X. празднествъ, совершавшихся ежегодно въ честь земледѣльческихъ орудiй ¹⁾. Послѣдующiе вѣка, конечно, не были *tabula rasa* въ психикѣ народной, и Славяне, какъ всякій первобытный народъ, несомнѣнно, культивировали поэзію съ содержанiемъ чисто реальнымъ ²⁾, заимствованнымъ изъ событiй ежедневной жизни.

Въ числу такихъ явленiй отдаленнаго отъ насъ быта всѣхъ вообще европейскихъ народовъ относится тотъ общественный строй, въ которомъ женщина пользовалась значительной правоспособностью ³⁾ и между прочимъ наряду съ мужчиной совершала военныя

¹⁾ А. Потебня, Обзоръ поэтическихъ мотивовъ колядокъ и щедровокъ. Рус. Фил. В. 1884, 2, стр. 170.

²⁾ Весьма интересное сообщенiе о характерѣ поэзіи народа, стоящаго на низкой степени культуры, дѣлаетъ Д-ръ Павелъ Дурдикъ въ описанiи домашней жизни Нiасовцевъ, жителей небольшого острова, лежащаго вблизи Суматры („O domácím životě Niasovců. MUDr. P. Durdik. Отдѣльный оттискъ изъ „Lumíra“ 1884. V Praze). Онъ такъ характеризуетъ пѣніе: „Při zpěvu improvisují, nedbajíce krátkosti a délky slabik a vyslovujíce větu v pěti taktech, poslední slabika končí silným křikem a celá tlupa souhlasí. Zpívají vše, co jim „na srdce přijde“, na př. cizinec projde skrze vesnici a tu večer si prospěvují: „Byl zde, v naší vesnici byl-byl bílý člověk v naší vesnici a v našich domech — měl v ruce slunečník — a pot si stíral s čela, kapky potu přes řasy do očí se mu lily, zdlouhavě kráčet, byl unaven, byl oblečen všecok bíle — a žádal o vodu k pít“ atd. atd. Též zpívají krátké popěvky na způsob našich národních. Mezi Niasovci mnoho hezkých příjemných hlasů jsem slyšel. Při velké radosti dávají se obyčejně do zpěvu — v zármutku zpěvem si odlehčují, jak to činí na Rusi vesničané, kteří navštěvují hroby svých zesnulých a tam dlouhotáhle vyjí“ (стр. 26—27).

³⁾ Jacob Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer. Göttingen 1881³, стр. 404 и слѣд.

предпріятія. Свидѣтельства о подобныхъ подвигахъ русскихъ и славянскихъ женщинъ встрѣчаются у византійскихъ писателей. Извѣстно, что Славяне брали съ собой въ походъ женъ и дѣтей. Такъ Теофилактъ Симокатъ пишетъ объ нихъ въ 595 г.: „Barbari (Slavi) ut Romanos imminentes viderunt et ab iis visi sunt, ad captivos jugulandos prorumpunt, pubemque totam e medio tollunt. Quoniam vero occursum Romanorum vitare se vix posse credebant, vehiculis junctis pro vallo se circumserpiunt, pueros et mulieres in medium recipiunt“ (ed. Bonn. 272). О славянскихъ же женщинахъ при Императорѣ Иракліѣ въ 626 г. говоритъ патриархъ Никифоръ: „inter caesorum cadavera Sclavinae quoque mulieres inventae sunt“ (ed. Bonn. 21). Съ большою подробностью о женщинахъ-воиннахъ, участвовавшихъ въ походахъ на Византію Аламанновъ и другихъ, родственныхъ имъ народовъ, повѣствуетъ Никита Акоминатъ (lib. I, с. IV, р. 80). Воинственнаго вида, одѣтыя въ мужское платье, онѣ свободно ѣздили верхомъ и владѣли копьемъ и оружіемъ ¹⁾. Жившія въ тѣхъ же условіяхъ племена славянскія не отличались, конечно, въ этомъ отношеніи отъ германскихъ, которыхъ болѣе прямымъ путемъ касается разсказъ Акомината.

Въ позднѣйшей исторіи Славянъ упоминается о подобныхъ же явленіяхъ. Такъ у чешскаго лѣтописца, Козьмы Пражскаго (около 1125 ум.), встрѣчаемъ преданіе о трехъ полумионическихъ дѣвахъ: Кази, владѣвшей врачевнымъ искусствомъ; Теткѣ, построившей укрѣпленный городъ Тетинъ и Любушѣ, правившей народомъ и судившей его тяжбы ²⁾.

Въ Далимилову хронику (1282 — 1314 г.) попалъ народный разсказъ о защитѣ города Дѣвина Властой и ея сподвижницами: Шаркой, Частавой, Страткой, Милиткой, Будиславкой и др. ³⁾. Къ сожалѣнію, начитанный въ классическихъ авторахъ хроникеръ сильно разукрасилъ мѣстное преданіе и лишилъ его тѣмъ исторической правдоподобности. Однако въ основѣ своей разсказъ этотъ, по всей вѣроятности, совпадаетъ съ дѣйствительною жизнью. Такъ названіе

¹⁾ „Οἷς καὶ θήλειαι κατελέγοντο ὡς ἄρρενες ἐφιπάζουσαι καὶ ταῖς ἐφέστρισιν οὐ συμβαδὴν τῷ πόδε διαχαλῶσαι ἀλλὰ περιβάδην ἀνέδην ἐποχοῦμεναι καὶ κοντοφόροι καὶ δπλοφόροι, κατ' ἀνδρας δρωμέναι καὶ ἀνδρείαν στολὴν περικαίμεναι αἱ καὶ ὅλως ἀρείκων ἐβλεπον καὶ ὑπὲρ Ἀμαζόνας ἡρρίωντο“. См. Gidel, Étude sur la littérature grecque moderne. P. 1866, стр. 30—31.

²⁾ Kosmův letopis Český. V Praze 1874, t. II, fas. 1, стр. 6.

³⁾ Dalimilova Chronika Česka. Изд. Ганки 1851, стр. 18 и сл.

города „Дѣвинъ“ довольно часто встрѣчается въ мѣстахъ славянскихъ поселеній: руины такого урочища находятся на Моравѣ ¹⁾, другой дѣвинъ—Parthenopolis упоминается въ жизнеописаніи св. Войтѣха—Адальберта ²⁾, еще нѣсколько такихъ же названій мѣстъ указано г. Бельтшемъ ³⁾, который считаетъ ихъ происшедшими отъ слова „дѣва“, „дѣвица“ и думаетъ, что въ древности были распространены у славянскихъ племенъ отчасти религіозныя, отчасти воинственныя женскія общества, слѣды которыхъ и сказались въ географическихъ термінахъ.

Такой же городъ въ средніе вѣка существовалъ и въ Фессалии, какъ говоритъ Тафель ⁴⁾; вѣроятно, развалины его лежатъ нынѣ между Домокъ и Ферсала и называются *Gynaikobastro* (*mulierum arx*). Съ ними связаны мѣстные сказанія; однако воспоминаніе о волшебницѣ Боультинѣ, защищавшейся противъ Турокъ ⁵⁾,—что могло бы соответствовать преданію, приводимому Тафелемъ,—относено къ другому урочищу.

Янъ Колларъ въ примѣчаніяхъ къ своей „Дочери Славы“ ⁶⁾ упоминаетъ о какой-то чешской дѣвушкѣ Зузанѣ, освободившей ко-

¹⁾ Jan Herben, *Tři hrvátské osady na Moravě. V Brně 1882* (8°. 25). „Nad Palavou (vsi) pne se zbožený hrad *Dívčí hrady* a nad Kletnice strmí zbytku zdí z bývalé tvrze kletnické“. Съ этимъ же мѣстомъ связано нелишнее нѣкотораго значенія для Кракедворской рукописи преданіе объ убійствѣ владѣтелемъ замка трехъ татарскихъ князей, выѣхавшихъ на Западъ посмотреть чужія страны.

²⁾ *Fontes rerum bohemicarum* I, 237. 314; II, 16: Jana Kanaparia Život sv. Vojtěha — „(Adalbertus) praeerat autem idem sacrae urbi, quae latine virginum civitas, graece Parthenopolis vocabatur“.

³⁾ *Neues Lausitzisches Magazin. Görlitz 1883, Zweites Heft (314—337): Wo lag das Magdeland? v. Keltsch in Reichenbach (Ostpreussen).*

⁴⁾ Tafel, *De Thessalonica ejusque agro dissertatio geographica. Berolini 1839, стр. 279—280: Terram Tessalonicensem medio aevo a parte boreali, s. Mygdoniae superioris (occidentalis et borealis) tuebatur castellum, nomine Gynaecocastrum. Ejus historiam tradit Cantacuzenus hist. II, 39. Дарѣ: Est idem cum castello Turcarum *Avret-Hissar* (mulierum arx), coll. Hadachi Chalfa in Rumel. et Bosnia p. 84. Etymologiam arcis Turcicam, de *muliere quadam Marulia* petendam, quae anno Turcarum 775 (1374) locum defendisse dicitur.*

⁵⁾ B. Schmidt, *Griechische Märchen, Sagen u. Volkslieder. Leip. 1877, стр. 31—32.*

⁶⁾ Jana Kollara, *Wýklad ku Slávy Dceře. W Pešti 1833, стр. 34.*

роля Вацлава. Въ Прагѣ между убитыми Таборитами на Жижковомъ холмѣ (прежде Witkow) были найдены двѣ женщины и одна дѣвушка, вооруженныя копьями. Онѣ пали, мужественно сражаясь въ числѣ прочихъ (см. Weleslawinůw Kalendar hist. na den 14 července). И. Ленфантъ (Geschichte d. Hus. I, 330), говоря о походѣ Таборитовъ на Прагу, рассказываетъ, что ихъ жены были также воинственны, какъ и мужчины. Въ Новомъ городѣ (Neustadt) онѣ бросились на монастырь Св. Екатерины и разрушили его почти до основанія, и такъ какъ онѣ шли въ дѣло съ страшной горячностью, то 27 изъ нихъ погибло подъ развалинами. Добнеръ (Ann. Hag. ad A. 736) замѣчаетъ: „Qua vero generositate mulieres Czechiae fuerint olim, prodit vetus jus feudale sub Carolo IV a. 1359 ascriptum, quo etiam mulieres lege ad duellum admittuntur“. Тоже самое допускалось и въ *lex alam.* (Grimm, Deutsche Rechtsalterth. 404), а также существовало въ обычаяхъ Новгородцевъ (Костомаровъ, Сѣвернорусск. народоправства, II, стр. 158).

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ нисколько не можетъ показаться страннымъ свидѣтельство Саксона Грамматика ¹⁾. Онъ упоминаетъ въ числѣ участниковъ въ знаменитой бравальской битвѣ о славянской амазонкѣ Виснѣ: „Wisnam vero, imbutam rigore foeminam, reique militaris apprime peritam, Sclava stipraverat manus“ (lib. VIII. 378). Въ другомъ мѣстѣ (lib. VII. стр. 196) тотъ же историкъ пишетъ про датскихъ женщинъ: „Fuere quondam apud Danos foeminae, quae formam suam in virilem habitum convertentes, omnia pene temporum momenta ad excolendam militiam conferebant“. Онъ называетъ по имени одну изъ такихъ воительницъ (lib. VIII, стр. 229): какая то дѣвушка Русла вмѣстѣ съ братомъ совершала набѣги у береговъ Норвегii.

Другая дѣвушка (lib. VII, стр. 335), дочь короля Альвида, избѣгая нелюбимаго жениха, одѣвается въ мужское платье и въ обществѣ другихъ женщинъ выѣзжаетъ на морскіе разбои.

Датская хроника Саксона Грамматика, писанная около 1150 г., съ особенной убѣдительностью свидѣтельствуетъ о существованіи уже въ то время чисто народныхъ эпическихъ преданій о дѣвушкѣ-воинѣ ²⁾ и подтверждаетъ давшія имъ матеріалъ событія дѣйствительной жизни. Подобные рассказы были въ обращеніи, конечно, не у од-

¹⁾ Saxonis Grammatici, Historiae Danicae libri XVI.

²⁾ A. Holtzmann, Untersuchungen über das Niebelungenlied. Stuttgart 1854, стр. 167.

нихъ лишь Датчанъ. Такъ Геденовъ ¹⁾ приводитъ извѣстiе Вильгельма Жюмьезскаго: „Non sunt modo viri (въ Нормандiи) fortissimi bellatores, sed et foeminae pugnatrices“. Также у Проконiя ²⁾ читаемъ про Гунновъ: „Saepe igitur accidit, ut cum Hunni per Imperium Romanum grassarentur, collata cum obviis manu pars eorum occumberet. Post Barbarorum discessum, Romani caesorum cadavera inspicientes, in his foeminas reppererunt“.

Для сюжетовъ славянской пѣсенной поэзиі весьма интересное преданiе сохранено для насъ въ извѣстной хроникѣ Дитмара Межиборскаго ³⁾, именно разсказъ о женѣ паннонскаго князя Гейзы, прозванной *Бѣлой-княгиней*. Вотъ слова лѣтописца: „Uxor autem ejus *Beleknegini*, id est, *pulchra domina* Sclavonice dicta, supra modum bibebat, et in equo more militis iter agens, quendam virum iracundiae nimio fervore occidit“. Бѣлая-княгиня Дитмара называется *Шарольтой* у мадьярскихъ историковъ. Такъ Thuroczius (Hist. Hung. II, 5) говоритъ: „Gyula, dux Transilvaniae (ср. Erdiel) habebat filiam, nomine *Sarolt*, pulcherrimam, de cujus pulchritudine provinciales duces diutius loquebantur“. Также въ „Vita S. Adalberti“ (Acta SS. t. III, p. 195) передается о Шарольтѣ: „Quae totum regnum viri manu tenuit, et quae erant viri ipsa tenebat“. Наконецъ Ассемани (Kal. IV, p. 108) поясняетъ: „Uterque conjux Geisa et Beleknegine, suscepto baptismo, pristinos barbaros mores obluit. Quos Dithmarus Gejux et Belekneginem appellat, illos rerum Hungaricarum scriptores vocant Geisam et Sarholtam“.

Въ какомъ отношенiи къ Славянамъ стояла въ то время Бѣлая-княгиня, до извѣстной степени можно судить по тому, что дочь свою Юдию она выдала замужъ за польскаго князя Болеслава, а сына Ваика, названнаго потомъ Стефаномъ, послала въ науку къ чешскому епископу Войтѣху въ Остригомъ и позволила окрестить его. Сама Бѣлая-княгиня крестилась въ 980 г., а умерла 984 г.

Очень можетъ быть, что воспоминанiя именно объ этой княгинѣ сохранились у Словаковъ въ пѣсняхъ и сказкахъ, ведущихъ свое происхожденiе съ того отдаленнаго періода, хотя, конечно, въ теченiе вѣковъ и много измѣнившихся въ своемъ содержанiи. Къ чи-

¹⁾ Варяги и Русь. СПб. 1876, стр. 31.

²⁾ Procopius, De bello Gothico IV, 3. Также Ламанскій, О Славянахъ въ Малой Азiи. 1859, стр. 128—129.

³⁾ Dithmari Episcopi Merseburgensis Chronicon, lib. VIII, 3.

слу такихъ преданій о Бѣлой-княгинѣ относится сказка „Tátoš a Bielá kňažna“ (=Beloknegině), которую Колларъ ¹⁾ въ своей молодости слышалъ въ Кремницкой школѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Ученики передъ приходомъ учителя въ классъ, также и при другихъ случаяхъ, садятся въ кружокъ, помѣстивъ въ срединѣ умѣющаго рассказывать. Тотъ и начинаетъ свой рассказъ слѣдующими стихами:

„Bola gedna bielá kňažna
Welmi pekná a wjtažná,
Pri tom weštica weliká
Mala koňa Tátošjka.
Lietala s nim po Uhorskeg,
Po Erdieli i po Polskeg.
Kdo chce počut tu rozprávku
Nech dá do klobúka babku“.

Собравъ отъ своихъ слушателей то копѣйку, то пуговицу, то яблоко и т. п. въ шляпу, повѣствователь передаетъ въ народномъ языкѣ рассказъ о добываніи красавицы изъ терема ²⁾. Этотъ международный мотивъ примкнулъ такимъ образомъ къ историческому воспоминанію о Бѣлой-княгинѣ и образовалъ своеобразное сказаніе, сущность котораго такова: Дочь царя не хочетъ выходить замужъ. На принужденіе отца она, наконецъ, соглашается отдать свою руку тому, кто достанетъ съ высокой башни знамя, мечъ и яблоко на серебряной тарелкѣ. Изъ четырехъ братьевъ удастся исполнить эти требованія послѣднему, захудалому при помощи коня Татошика, котораго онъ вызываетъ подъ мостомъ встряхиваніемъ и бряцаніемъ узды.

Княжна, выйдя за него замужъ и узнавъ тайну его коня, отправилась къ тому мосту, осѣдлала Татоша и летомъ носилась на немъ, появляясь однимъ скачкомъ на Матру, другимъ на Фатру и третьимъ на Татру, совершая дивные подвиги и чародѣйства.

Конь Татошъ ничто иное, какъ русскій сказочный богатырскій конь, или Конекъ-Горбунокъ; сходный съ нимъ у Чеховъ *Šemjk*, у Сербовъ *Шарац*, быть можетъ, стоящіе въ нѣкоторой связи съ священнымъ *бѣлымъ конемъ* Святовита въ Арконѣ и *чернымъ конемъ* Радегаста въ Ретрѣ.

¹⁾ Kollár, Narodné zpiewanky. I, ст. 13—14, N 20.

²⁾ А. Н. Веселовскій, Новый взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ. Ж. М. Н. Пр. 1877, IX. 288. Его же, Красавица въ теремѣ и рус. былина о подсолнечномъ царствѣ. Ж. М. Н. Пр. 1877, IV.

Съ другой стороны воспоминаніе о Бѣлой-княгинѣ связалось съ другимъ историческимъ ¹⁾ преданіемъ о Траянѣ, получившимъ широкое распространеніе у всѣхъ Славянъ. Интересно наблюдать, какъ эти два историческихъ припоминанія связываются въ народной традиціи, не знающей хронологической послѣдовательности. Такъ Гакстгаузенъ ²⁾ слышалъ въ Бессарабіи легенду, въ которой рассказывалось, что по ту сторону Дуная жилъ царь Траянъ, а по сю — царица Belaja-Kejina (Бѣлая-княгиня). Съ именами чисто историческими срастаются затѣмъ сказочные сюжеты ³⁾, получившіе широкое распространеніе.

Точно такой же процессъ нарастанія сказочныхъ элементовъ на основѣ чисто исторической мы усматриваемъ и въ былинахъ о Ставрѣ Гоудиновичѣ. Основы этого сказанія даются самою жизнью. Объ одной изъ нихъ, именно объ участіи русскихъ женщинъ въ военныхъ предпріятіяхъ, имѣются прямыя указанія у историковъ. Между прочимъ Кедренъ ⁴⁾ (ум. 1057) слѣдующими словами описываетъ поражение, понесенное Святославомъ въ Болгаріи: „Quod nisi nox ingruens Sphendosthlabum eripuisset, utique et ipse vivus in Romanorum venisset potestatem. Superstites a clade cum intra moenia venissent, magno cum luctu ac planctu mortem Icmoris deploraverunt. Et Romani cum barbaris occisis spolia detraherent, inter cadavera etiam mulieres invenerunt virili habitu tectas, quae inter maritos in Romanos pugnaverant“. Изъ Льва Діакона извѣстно, что въ лагерь были и *младенцы*, принадлежавшіе, безъ сомнѣнія, этимъ женщинамъ, сопровождавшимъ своихъ мужей въ далекомъ походѣ. Это обстоятельство даетъ Котляревскому ⁵⁾ основаніе, по нашему мнѣнію вполне прочное, думать, что составъ дружины Святослава былъ главнымъ образомъ славянскій и что такимъ образомъ свидѣтельство Кедрена цѣликомъ относится къ славяно-русскимъ женщи-

¹⁾ Д. Самоквасовъ, Исторія рус. Права. Выпускъ II. Варшава 1884, стр. 109 и сл. Соображенія почтеннаго ученаго заслуживаютъ серьезнаго вниманія и, несомнѣнно, соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

²⁾ Haxthausen, Studien über die innern Zustände Russlands II, 460, прим.

³⁾ B. Schmidt, Griechische Märchen, Sagen u. Volkslieder. L. 1877 (30—31); Friedländer, Sittengeschichte Roms I, 539.

⁴⁾ Cedrenus, ed. Bonn II, p. 406; ср. также Leo Diacopus, ed. Bonn LIX, c. VI, p. 160.

⁵⁾ О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ. М. 1868, стр. 81.

намъ, пользовавшимся въ древній, до-московскій періодъ русской жизни сравнительно большою самостоятельностью и правоспособностью.

Иного мнѣнія держится академикъ Куникъ ¹⁾. Связанный извѣстной доктриной, онъ не признаетъ павшихъ съ водами Святослава женщинъ за Славянокъ, но причисляетъ ихъ къ классу скандинавскихъ *Schildmädchen*, упуская изъ виду, что подобное явленіе свойственно не только сѣверу, но наблюдается также и у другихъ народовъ, стоящихъ на извѣстной степени культурнаго развитія. Славяне въ этомъ отношеніи нисколько не разнились отъ Германцевъ ²⁾, поэтому нѣтъ никакого повода прямое свидѣтельство исторіи объяснять искусственнымъ привлеченіемъ аналогій изъ жизни другого народа.

Разсказъ Льва Діакона и Кедрена вполне понятнымъ образомъ заставляеть почтеннаго ученаго вспомнить о свободномъ положеніи русской женщины, проявившемся въ лицѣ Ольги и Рогнѣды (Ор. cit. 451). Видѣтъ въ этомъ вліяніе скандинавское не позволяють собранные нами факты, свидѣтельствующіе о повсемѣстности этого бытоваго явленія, а въ русской жизни связанные съ той замѣтной свободой, какой пользовалась женщина въ обществѣ, остатки чего можно прослѣдить еще и въ современномъ быту ³⁾. Кроме того, почтенный ученый самъ противорѣчитъ себѣ, когда говоритъ ⁴⁾, что „еще въ 1018 году населеніе Кіева состояло „*maxime ex velocibus Danis*“ —, но женскій элементъ въ норманнскихъ кружкахъ съ самаго начала, конечно, былъ весьма незначителенъ“. Такимъ образомъ матери были попреимуществу Славянки и подвиги, о которыхъ упоминають византійскіе писатели, всецѣло относятся къ нимъ.

Когда однако возникъ въ русской народной поэзіи литературный типъ воинственной женщины?

Литературные памятники греческой письменности, проникшіе въ сознаніе славянскихъ народовъ и послужившіе источникомъ всевозможныхъ новыхъ сказаній, по видимому, не оказали никакого

¹⁾ Ernst Kunik, Die Berufung der Schwedischen Rodsen, 1845, II, стр. 452.

²⁾ Gustav Cuno, Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde. Berlin 1871, I. Die Skythen, стр. 223—248: Амазонки, по его мнѣнію, явленіе славянской жизни.

³⁾ Костомаровъ, Ор. cit. стр. 157—158; А. Евреинова, О значеніи и предѣлахъ обычнаго права при разработкѣ отдѣльныхъ институтовъ гражданскаго уложенія. 1883, стр. 29—31.

⁴⁾ Каспій Дорна, прим. Куника, стр. 451.

вліянія на этотъ типъ. Такъ въ славянскихъ поэмахъ объ Александрѣ Великому, съ именемъ котораго въ классической литературѣ тѣсно связано воспоминаніе объ амазонкахъ, онъ остается вовсе не развитымъ ¹⁾. Другія письменныя произведенія также мало даютъ ему пищи ²⁾. Напротивъ того, самый бытъ представляется богатымъ и свѣжимъ источникомъ для составленія простыхъ и безхитростныхъ разсказовъ какъ о женщинѣ-воинѣ, такъ и о женщинахъ, исполнявшихъ и другія серьезныя порученія и предпріятія. О подобномъ бытовомъ явленіи, хотя и не русской жизни, изъ XIII ст. дошло до насъ свидѣтельство, сохраненное въ лѣтописяхъ. Здѣсь разсказывается о приходѣ Татаръ въ землю Рязанскую: „и оттогѣ послаша послы своя — *жену чародѣицу* и два мужа съ нею къ княземъ рязанскимъ, прося у нихъ десятины во всемъ“ ³⁾.

Въ ближайшее къ намъ время, именно въ царствованіе Елизаветы Петровны, прославилась своими разбойничьими походами *Танька Ростокинская*, бывшая долгое время атаманшей воровской шайки въ окрестностяхъ Москвы. Народъ до сего времени сохранилъ преданія объ ней, указывая Танькину сосну, подъ которой собирались разбойники, и Танькину рошу, знаменитую грабежами до послѣднихъ дней. Атаманъ-дѣвица была поймана въ Москвѣ; слѣдующими чертами характеризуетъ ее народная пѣсня ⁴⁾:

„Подъ тою подъ кудрявою подъ березой
Сидѣла тутъ разбойниковъ станица;
Во той ли во станицѣ красная дѣвица.
Не пѣсенки дѣвица воспѣваетъ,
Она плачетъ красная, возрыдаетъ:
„Я сорокъ лѣтъ съ разбойниками ходила,
Я сорокъ душъ съ душою погубила,
И батюшкѣ и матушкѣ не уступила,
И родъ-племя красна дѣвица погубила!““

Въ другой пѣснѣ повѣствуется о томъ, какъ Таньку поймали и производили надъ ней судъ и расправу. Хотя пѣсни про нее ни-

¹⁾ А. Веселовскій, Къ вопросу объ источникахъ сербской Александрии. Ж. М. Н. Пр. 1884, IX (стр. 55—60).

²⁾ А. Пыпинъ, Очеркъ литературной исторіи стар. повѣстей и сказокъ рус. 1851 (218—219); Görges, Das Heldenbuch. 1820, II, стр. 381; Каспій Дорна. стр. LI; Spiegel, Die Alexandersage. Leipzig 1851, стр. 7—8, 62.

³⁾ Изъ Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ: XXXIX „Повѣсть о разореніи Рязани Батыемъ“. СПб.

⁴⁾ Н. Аристовъ, Объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ пѣсенъ. Воронежъ, 1875, стр. 78.

интересны сами по себѣ, но для насъ гораздо важнѣе фактъ ихъ возникновенія на почвѣ быта, который, по всей вѣроятности, далъ содержаніе для пѣсеннаго типа дѣвушки-чернавушки въ новгородскихъ былинахъ о Василиѣ Буслаевичѣ и послужилъ мѣстнымъ основаніемъ для созданія личности поляницы-воинственной былинъ кievскаго цикла.

Если въ наше время *былина* не тоже самое, что *быль*, то это произошло уже отъ разростанія и видоизмѣненія ея содержанія, совершившихся въ теченіе столѣтій: *быль* впитала въ себя сказочные элементы и растворилась въ нихъ до потери своего первообраза. Признавая фактъ ея разширенія чуждыми сюжетами, мы тѣмъ не менѣе крѣпко убѣждены, что самое названіе указываетъ на дѣйствительно историческій субстратъ первоначальныхъ былинъ, возникшихъ изъ историческихъ пѣсенъ ¹⁾, воспоминанія о которыхъ восходятъ въ глубокую древность. Въ частности что касается типа поляницы, то выше приведенныя историческія свидѣтельства и факты позднѣйшей бытовой жизни, несомнѣнно, даютъ намъ право думать, что онъ существовалъ въ народной пѣсенной или сказочной поэзіи уже задолго до того времени, когда люди, знакомые съ записанными, весьма вѣроятно, устнымъ путемъ сюжетами, переработали ихъ въ русскомъ народномъ духѣ и пустили въ обращеніе среди массы. Подъ такими чужеземными сюжетами мы разумѣемъ подробности быliny про Илью Муромца и дочь его (Гильф. N 77) или сына (Гильф. NN 46. 219. 226. 233. 246) и про Илью Муромца и Сокольника (Гильф. N 114). Схематическое содержаніе ихъ восходитъ къ поэтамъ гомерическимъ, гдѣ оно нашло свое выраженіе въ Телегоніи Эвгаммона Киренскаго ²⁾ и откуда впоследствии было передано многимъ народамъ ³⁾. Въ самостоятельномъ существованіи на Руси сказаній о воинственной женщинѣ или поляницѣ убѣждаетъ насъ еще та дифференціация, какой подверглась основная фабула о боѣ отца съ сыномъ, давшая въ русскомъ эпосѣ особую вѣтвь повѣствованій про бой отца съ дочерью, чего не наблюдается ни у какого другаго народа. Однако въ былинахъ про Илью

¹⁾ Ср. Стасовъ, Критика моихъ критиковъ. В. Евр. 1870, II, стр. 916—917.

²⁾ Welcker, Der epische Cyclus oder die Homerischen Dichter. 1849. II, стр. 301—310.

³⁾ Fr. Hubad, Nemška pesen o Hildebrandu in njene sestre slovanske (Prim. Ausland 1881, стр. 890). Kres, 1882, стр. 630—639. V Celovci. Также: G. Krek, Še enkrat nemška pesen o Hildebrandu in njene sestre slovanske. Kres, 1885, стр. 104—112.

Муромца и дочь его можно усмотрѣть также слѣды книжнаго вліянія, внесеннаго въ народную поэзію, какъ намъ кажется, тѣми русскими авторами, которые первоначально соединили два элемента, — чисто народный и литературный, такъ сильно просвѣчивающійся въ нынѣшнемъ составѣ русскаго эпоса. Былина — Илья Муромецъ и дочь его — (Гильф. N 77) уже значительно попорчена: въ ней не точно обозначено происхожденіе дочери Ильи. Этотъ недостатокъ пополняется былинной — Илья Муромецъ и сынъ его — (Гильф. N 226), по которой мать побитаго богатыря такъ объясняетъ ему его происхожденіе:

„Да ай ты дитя ты моё милоѣ!
Ты бился съ родителемъ вѣдь батюшкою.
Когда ѣздила я во чисто полѣ поляковать,
Съѣзжались мы съ нимъ на поединочку.
Онъ меня побилъ, да тутъ и грѣхъ творилъ,
Оттого ты дитя моё зарѣжено“. —

Подобный переходъ отъ враждебныхъ отношеній къ дружественнымъ встрѣчается и въ греческихъ мифахъ, повѣствующихъ о великихъ побѣдителяхъ амазонокъ, — Діонисѣ и Ахиллѣ. Какъ у писателей классическихъ, такъ и на памятникахъ искусства амазонки часто являются въ свитѣ героевъ, съ которыми онѣ прежде боролись; борьба оканчивается затѣмъ любовными отношеніями ¹⁾.

Тоже самое находимъ и въ ново-греческомъ эпосѣ о Дигенѣ Акритѣ. Онъ сражается съ дѣвушкой Максимѣ, давшей обѣтъ ²⁾ хранить дѣвство до тѣхъ поръ, пока не будетъ кѣмъ либо побѣждена, одолеваетъ ее и пользуется ея любовью.

Очень вѣроятно, что въ любовныхъ сношеніяхъ Ильи Муромца съ побѣжденной имъ поляницей отражается древне-классическое

¹⁾ Bachofen, Opus. cit. стр. 7.

²⁾ Αντ. Μηλιαράκης, Βασίλειος Διγένης 'Ακρίτας. 'Εν 'Αθήναις 1881, стр. 119, стихи:

3780. „Λόγον ἐθέμην ἐξ ἀρχῆς πρὸς τὸν δεσπότην πάντων
μὴ συνελθεῖν ποτε ἀνδρὶ, μὴ παρθενίαν φθῆραι
μέχρι ἂν τις τῶν ἀνδρῶν νικήσῃ κατὰ κράτος,
καὶ πρὸς ἀνδρίαν εὐρεθῇ στερρότερός μου τότε,
καὶ τοῦτο μὲν ἐφύλαξα ἕως ἐτούτην ὥραν,

3785. καὶ τὰς ὁρέξεις ἐφυγον καθαρὰς τῆς σαρκὸς μου“.

Срав. Sathas et Legrand, Les exploits de Digénis Akritas. Paris. 1875, стр. 214, стихи 2610 и сл. Интересно сопоставить стихъ 3823 (по Милиараки):

„Ἐκεῖνη (Максимѣ) τότε ἐπλουεν αὐτῆς τὴν παρθενίαν“.

съ обычаемъ омовенія послѣ потери дѣвства. О такомъ обычаѣ говорится въ *Слоласт* рус. 1551 г. § 24. Ягичъ, *Gradja za slovinsku narodnu poeziju*. Rad, стр. 53, XXXVII.

преданіе, привязавшееся къ мѣстному типу воинственной женщины. Именно подобныя мѣстныя сказанія, заглохшія у другихъ народовъ или переродившіяся до потери первоначальной свѣжести какъ въ исландскихъ сказкахъ ¹⁾, впитавъ въ себя новые элементы, дали существующій типъ поляницы, къ которому въ свою очередь примкнули также занесенныя изчужа пѣсни о женѣ, освобождающей мужа изъ темницы, осложненныя уже мотивомъ объ испытаніи пола. Эти послѣднія были затѣмъ слиты съ новгородскими произведеніями о Ставрѣ и послѣ цѣлаго, весьма сложнаго процесса всевозможныхъ переработокъ, произвели то, что мы называемъ былинами о Ставрѣ Годиновичѣ. У Гильфердинга собрано шесть вариантовъ этой былины (NN 7, 16, 21, 109, 140, 151 и 169), у Рыбникова три (NN 19, 20, 21). Изъ нихъ самыя исправныя, менѣе другихъ попорченныя устной передачей, будутъ *седьмая* и *сто пятьдесятъ первая* у Гильфердинга; другіе болѣе или менѣе искажены разными сказителями и далеко уклоняются отъ первоначальнаго своего типа.

Дѣйствующими лицами въ нихъ являются: молодой (иногда старый) Ставръ Годиновичъ; жена Ставра Василиста Никулична, по объясненію пѣвца Калинина, сестра Настасьи Никуличны, жены Добрининой; Солнышко-Владиміръ, стольно-кѣвскій и его племянница (по другимъ изв. дочь).

Лица эти связываются слѣдующими поэтическими мотивами былины:

Князь Владиміръ даетъ пиръ для князей, для бояръ, для вельможъ — для купцовъ, для могучихъ богатырей и для поляницъ удалыхъ, — это мотивъ международный, общій цѣлому кругу средневѣковыхъ рыцарскихъ произведеній, указывающій на дѣйствительно имѣвшую мѣсто обстановку княжескаго двора, при которомъ и создавались эпическія поэмы изъ первоначальныхъ народныхъ пѣсень ²⁾.

¹⁾ Poestion, Isländische Märchen. Aus den Originalquellen übertragen. Wien 1884. NN XVIII. XXXV.

²⁾ Priscus, ed. Bonnæ 1829, II, p. 205. Говоря о своемъ пребываніи при дворѣ Аттилы въ 448 г., Прискъ даетъ такую картину: „(Послѣ пира), когда свечерѣло, были зажжены факелы и два Скиоа, выступивъ предъ Аттилой, сказывали пѣсни, составленныя ими, въ которыхъ они воспѣвали его победы и военныя доблести. Пирующие устремили на пѣвцовъ пристальные взгляды: одни наслаждались пѣніемъ, другіе переносились мыслію къ битвамъ, а иные, удрученные старостью и чувствовавшіе уже потребность въ отдыхѣ, плакали. Послѣ пѣсенъ вышелъ какой-то скискій шутъ и заставилъ всѣхъ смѣяться, высказывая глупости и странности, не имѣющія смысла“.

Къ этому мотиву весьма естественнымъ образомъ примыкаетъ другой, принадлежащій не только къ *loci communes* русскаго эпоса, но встрѣчающійся заурядъ и въ произведеніяхъ другихъ народовъ, — это именно хвастовство богатырей. Здѣсь Ставръ Годиновичъ похвалается своей молодой женой:

„Она всѣхъ князей бояръ повыманить,

— Она Солнышка-Владимира съ ума сведеть“

(Гильф. 7, 109, 140, 151),

или

„Вашъ Кіевъ градъ купчть-продасть,

Самого царя съ ума сведеть“ (Гильф. 21, 169).

Этими двумя мотивами и ограничивается оригинальность русской былины про Ставра. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи она цѣликомъ повторяетъ содержаніе пѣсенъ сербско-болгарскихъ, разобранныхъ нами выше (стр. 43 и сл.), при чемъ иногда совпадаетъ съ ними дословно. Пѣсни эти разработали, какъ извѣстно, сюжетъ объ освобожденіи мужа женою изъ темницы и повліяли на сформированіе русской былины, а сверхъ того къ нимъ были притянуты рассказы о дѣвущкѣ-воинѣ, уже осложненные мотивомъ объ испытаніи пола переодѣтой женщины (стр. 74 и сл.). Вся разница русскаго произведенія, вновь возникшаго путемъ такого скрещиванія двухъ самостоятельныхъ мотивовъ, исчерпывается лишь незначительными подробностями, оказывающимися наслоеніемъ позднѣйшаго времени; первоначальнымъ же источникомъ его, несомнѣнно, были съ одной стороны бытовые пѣсни русскія, съ другой пѣсни сербско-болгарскія, развивавшія прежде независимо два мотива — объ освобожденіи мужа женою и о дѣвущкѣ-воинѣ, — и слитыя въ одно цѣлое лишь русскимъ поэтомъ.

Ставръ за хвастовство былъ посаженъ княземъ въ погреба глубокіе. Мотивъ этотъ долженъ быть очень старымъ и основнымъ въ разбираемой фабулѣ: онъ сохраненъ во многихъ пѣсняхъ южно-славянскихъ и былинахъ русскихъ. Этимъ звеномъ былины объ освобожденіи мужа женою, существовавшія, несомнѣнно, въ тотъ очень ранній періодъ русской жизни, когда она была въ тѣсномъ общеніи съ южно-славянскими землями, при своемъ перенесеніи на сѣверъ слились съ рассказами про новгородскаго Ставра, именемъ котораго и сталъ прозываться съ тѣхъ поръ ихъ главный герой. До времени такого сліянія чисто русской былины съ южно-славянской пѣсней могъ существовать на сѣверѣ и быть въ обращеніи въ народѣ рассказъ, содержаніемъ похожій на сербско-болгарскіе варианты неосложненнаго вида (стр. 38 и сл.). Въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ рассказъ развивается естественнымъ путемъ.

Василиса Никулична о заключеніи мужа узнаетъ отъ человека, бывшаго со Ставромъ:

„Быль же у Ставра, да быль свой человекъ,
А сядилъ на Ставровъ на добра коня,
Онъ поѣхалъ тутъ во землю ляховитскую,
Бъ той же Василисты ко Никуличной...“

(Гильф. 7, 151).

Въ болѣе разрушенныхъ былинахъ (N 109 у Гильф.) Василиса узнаетъ о постигшемъ ея мужа несчастіи, неизвѣстно, отъ кого. Узнавъ объ этомъ, она говоритъ:

„Деньгами Ставра да мнѣ не выкупить,
Силою Ставра да мнѣ не выручить, —
Могу ли нѣтъ догадки да женскимъ“

(Гильф. 7, 151, 169).

Сказавъ это,

„А бѣжала тутъ она къ фельшерамъ,
Подрубала волоса да по мужичьему,
Набрала дружинишки хороброу“

и поѣхала посломъ къ солнышку-Владимиру. Явившись въ Кіевъ, она называетъ себя сыномъ короля ляховитскаго.

До этого момента былина ни одной чертой не отклоняется отъ южно-славянскихъ пѣсенъ: въ ней, какъ и тамъ, жена пускается въ путь съ цѣлю освободить мужа. Но въ этомъ мѣстѣ составитель русской быliny принимаетъ мотивъ иной категоріи, именно сюжетъ, входившій въ составъ пѣсенъ о дѣвушкѣ-воинѣ, куда онъ попалъ, какъ замѣчено выше, по всей вѣроятности, изъ книжныхъ источниковъ, развивавшихъ замысловатую фабулу о женитбѣ женщины на женщинѣ. Въ рассказы такого рода входили составными звеньями приемы испытанія пола. Отсюда они цѣликомъ перенесены въ русскую былинну, при томъ точно въ такомъ же порядкѣ, какъ это мы видѣли въ сербско-болгарскихъ пѣсняхъ. Вся разница между русскими и южно-славянскими произведеніями состоитъ лишь въ томъ, что русскія быliny носятъ отпечатокъ нѣкоторой грубости тона, отложившейся вслѣдствіе долгаго обращенія ихъ исключительно въ средѣ народной массы.

Подъ видомъ сына короля ляховитскаго Василиса сватаетъ дочь (или племянницу) князя Владимира; но та узнаетъ въ пріѣхавшемъ воинѣ женщину, и вотъ начинаются испытанія, тѣже самыя, что и въ южно-славянскихъ пѣсняхъ, лишь иногда переставленныя. Сперва предлагаютъ прибывшему королевичу вымыться съ дороги „въ теплой парной баенѣ“; по другимъ былинамъ это испытаніе, какъ и слѣдуетъ, ставится послѣднимъ (N 169 Гильф.). Во второмъ испытаніи наблюдаютъ за тѣмъ, гдѣ будетъ въ постели впадина подъ пріѣзжимъ гостемъ? Въ-третьихъ испытываютъ его стрѣлой въ золоченое кольцо, въ четвертыхъ заставляютъ бороться.

Послѣ всѣхъ этихъ испытаній, прошедшихъ удачно для Василисы Никуличны, совершается свадьба съ дочерью Владиміра. Въ разобранныхъ выше вариантахъ этого разсказа недовольной замужествомъ оказывалась обыкновенно молодая супруга; въ русской былинѣ, напротивъ того, груститъ послѣ брака мужъ. Очевидно, это потребовалось для логической послѣдовательности дальнѣйшаго хода дѣйствія.

Желая развлечь своего зятя, князь Владиміръ достаетъ гу-сельщиковъ, но тѣ играютъ не весело. Тутъ вспоминаютъ про искусство заключеннаго Ставра, чудно игравшаго въ гуси яровчатыя. Его выпускаютъ изъ погребовъ глубокихъ и приводятъ на пиръ. Въ этомъ мѣстѣ разныя былины неодинаково передаютъ подробности взаимнаго признанія супруговъ. Сперва Василиса Никулична дѣлаетъ намеки Ставру, но тотъ не догадывается. Тогда она уводитъ его съ пира — „посмотрѣть дружинушки хоробрыя“; — происходитъ признаніе въ полѣ, гдѣ она надѣваетъ свои платья женскія и затѣмъ объясняетъ Владиміру его заблужденіе (NN 7, 140, 151 Г.). По другимъ былинамъ, ближе стоящимъ къ южно-славянскимъ пѣснямъ, Василиса бьется со Ставромъ палицами, затѣмъ открываетъ свои груди бѣлымъ, и тогда только онъ узнаетъ жену (NN 29, 109 Г.). Тоже самое, хотя нѣсколько въ иной причинной связи, мы наблюдали въ пѣсняхъ сербскихъ и болгарскихъ (стр. 44 и сл.).

Итакъ, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ русскія былины про Ставра воспроизводятъ собственно южно-славянскія пѣсни, попавшія на Русь въ то время, когда имя новгородскаго Ставра еще не забылось въ устахъ народа.

Славянскою частью былины по преимуществу слѣдуетъ считать вторую половину разсказа: сватовство за дочь Владиміра, испытанія пола и признаніе супруговъ — вотъ элементы, несомнѣнно, заимствованные. Первая часть повѣствованія, обнимающая — заключеніе провинившагося богатыря и освобожденіе его воинственной женщиной —, представляется мѣстно-русскимъ преданіемъ, заслуживающимъ названіе *были*. Она такъ проста по своему замыслу и настолько связана съ дѣйствительнымъ бытомъ, что, не рискуя далеко уклониться отъ истины, можно утверждать независимое возникновеніе такихъ былей какъ у южныхъ Славянъ, такъ и на Руси. Лишь съ того момента, когда быль эта осложняется прибавочными мотивами, мы начинаемъ предполагать заимствование. Оно на самомъ дѣлѣ имѣло мѣсто, какъ мы видѣли.

Обобщая всѣ результаты своего изслѣдованія, мы склонны принять за первоначальную родину осложненнаго разсказа о дѣвухѣ-воинѣ сербскую народность, и, быть можетъ, литературный

центръ ея, Дубровникъ, игралъ въ этомъ случаѣ роль очага, отъ котораго разошлись отраженія нашего мотива на западъ и на востокъ ¹⁾. Какъ бы то ни было, но группа пѣсень южно-славянская и русская ярче сохранила первоначальную форму разсказа, во всей его полнотѣ и логичности, и можетъ считаться зерномъ, служившимъ источникомъ для извѣстныхъ намъ европейскихъ и азіатскихъ вариантовъ.

Конецъ.

¹⁾ Макушевъ въ Изслѣдованіяхъ объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника (стр. 73—75) высказываетъ положеніе, что у дубровничанъ нѣтъ эпическихъ пѣсень и не могло быть при томъ положеніи, какое занималъ въ Дубровникѣ народъ. Между тѣмъ въ другомъ мѣстѣ: Задунайскіе и Адриатическіе Славяне. СПб. 1867, стр. 301—302: онъ указываетъ комедію замѣчательнаго дубровницкаго поэта *Марина Држича* (1520—1580) „Дундо Марое“, къ сожалѣнію, безъ конца. Въ ней есть кое-какіе эпическіе мотивы, между прочимъ одинъ до нѣкоторой степени подходящій къ нашему сюжету: невѣста молодаго Мара рѣшается изъ любви къ нему пуститься въ далекій путь въ мужскомъ одѣяніи.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОШИБКИ.

<i>Стран.:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
1	passondo	passando
1	contemporanea	contemporanea
3	ansättig	ansässig
5	populaires	populaires
25	рѣматіах	рѣматіах
26	сорокъ лѣтъ	четыре года
29	albanische	albanesische
44	полянищо	поляничищо
54	gree	gres
55	звъньевъ	звеньевъ
70	Сухіеромъ	Сюпіе
74	везиремъ	визиремъ
122	истріи	исторіи
146	молка	волка
150	жещинъ	женщинъ
151	полнооою	полнотою
153	поляныцы	поляницы

А. 820.4 = X — 2 —

Цѣна 2 р. 25 в.